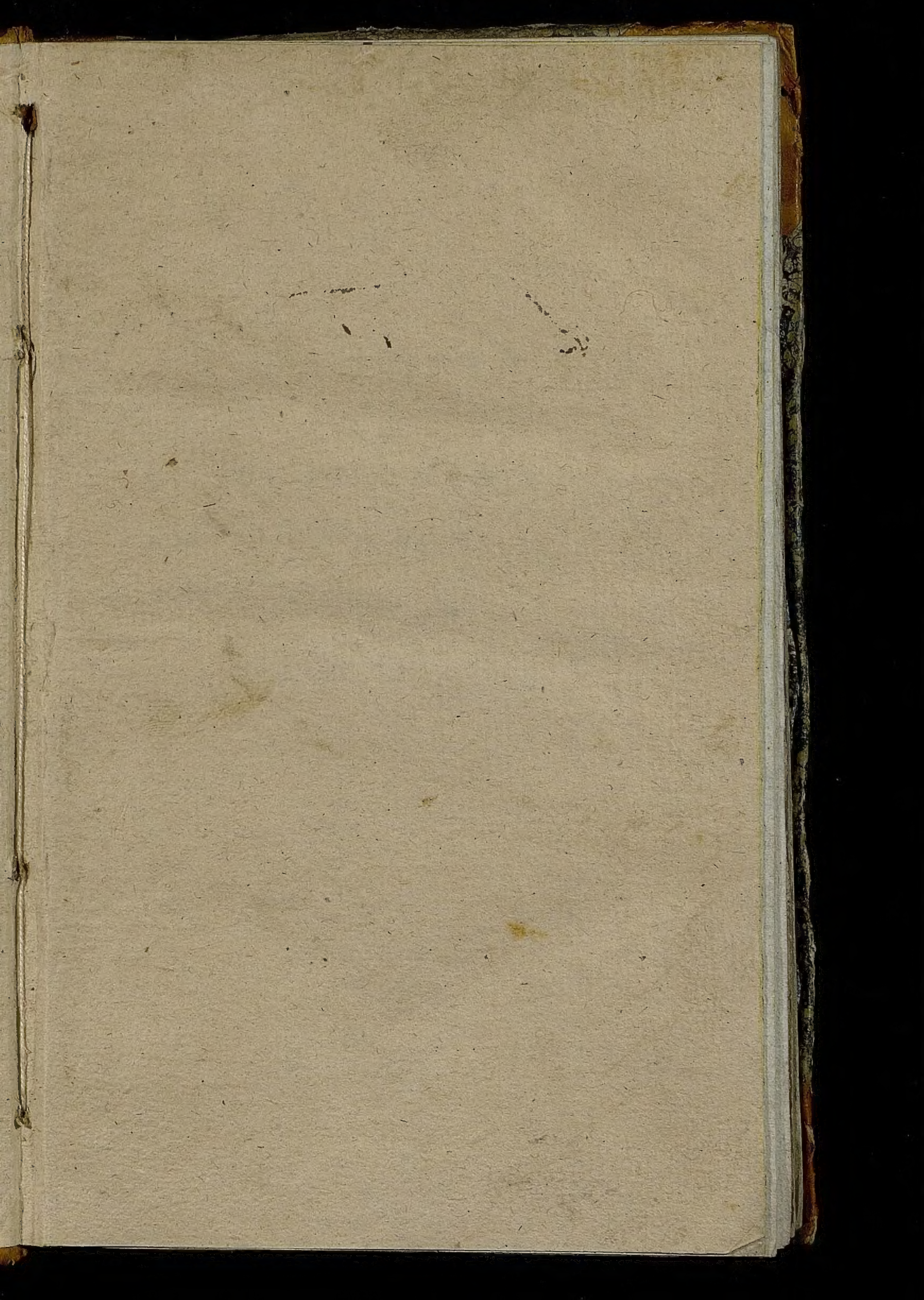

ИСТОРІЯ
О
НИЗВЕРЖЕНІИ
НАПОЛЕОНА БОНАПАРТЕ.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

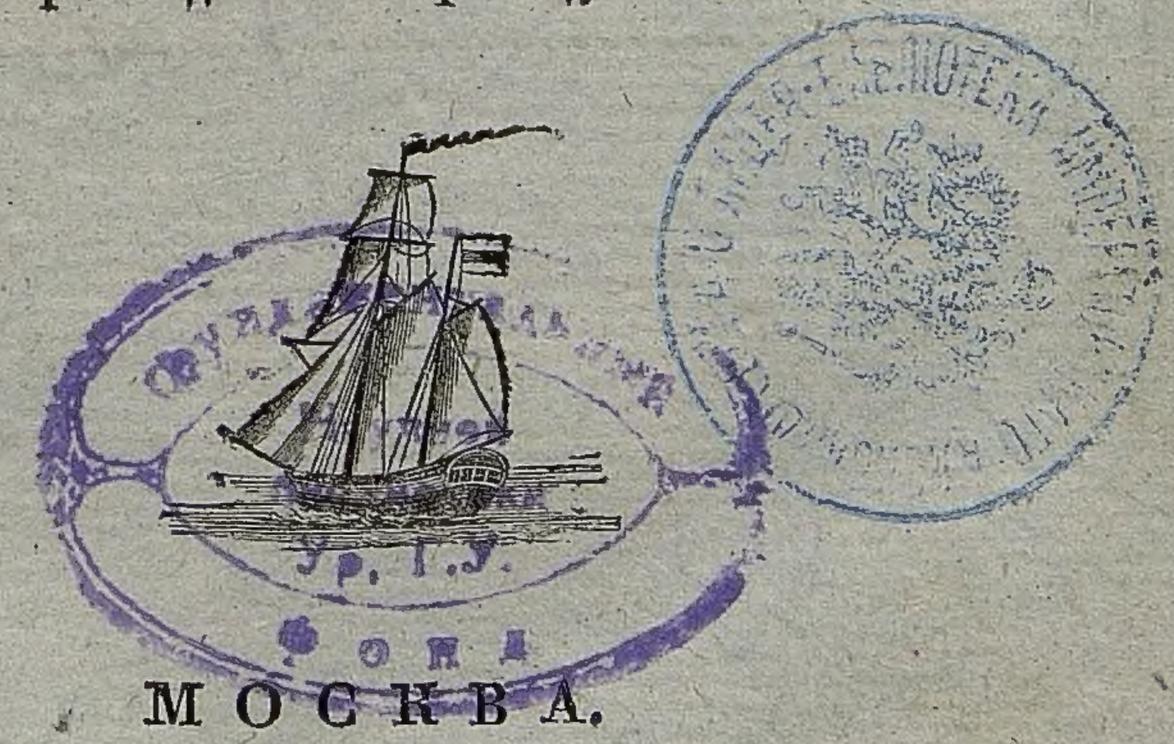
ИСТОРІЯ
О
НИЗВЕРЖЕНІИ
НАПОЛЕОНА БОНАПАРТЕ
СЪ ПОХИЩЕННАГО ИМЪ ТРОНА.

Сочиненіе Евгенія ЛА-БОМА,

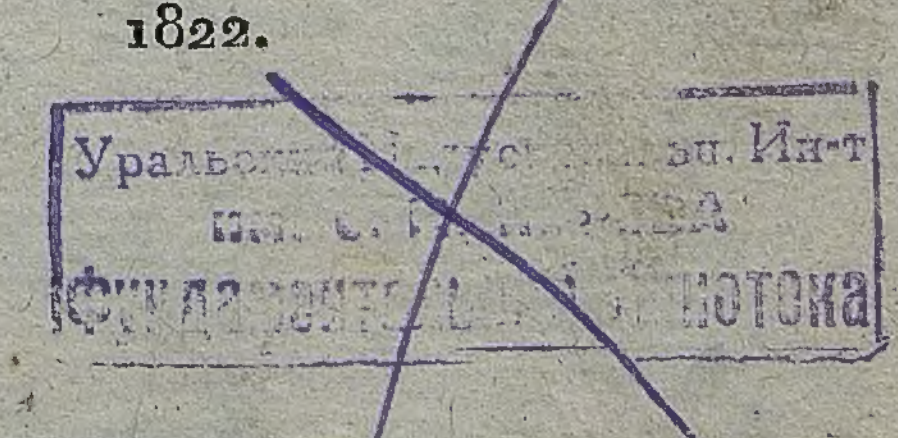
Баталіоннаго начальника Королевскаго Гвардейскаго корпуса, Кавалера Почетнаго Легіона и Императорскаго Австрійскаго ордена Желѣзной Короны.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Переводъ съ Французскаго.

МОСКВА.
Въ Типографіи С. Селивановскаго
1822.

Печатать дозволяется съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи до выспуска въ публику, представлены были въ Цензурный Комитетъ: одинъ экземпляръ сей книги для Цензурнаго Комитета, другой для Департамента Министерства Духовныхъ дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія, два экземпляра для Императорской Публичной Библіотеки и одинъ для Императорской Академіи Наукъ. Іюня 26 дня 1822 года. Книгу сію разсматривалъ Надворный Совѣтникъ, Философіи Докторъ и Экстра-Ординарный Профессоръ

Николай Бекетовъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ
Четвертой Части.

КНИГА ДЕСЯТАЯ.

ТРОА и БОРДО.

КНИГА ОДИННАДЦАТАЯ.

ПАРИЖЪ.

КНИГА ДВѢНАДЦАТАЯ.

МИРЪ И ХАРТІЯ.

ИСТОРІЯ
О
НИЗВЕРЖЕНІИ
НАПОЛЕОНА БОНАПАРТЕ.

КНИГА ДЕСЯТАЯ

ТРОА и БОРДО.

Пребываніе Союзныхъ Государей въ столицѣ древней Шампаніи имѣло для Бонапарта пагубныя слѣдствія. Тѣмъ временемъ какъ онъ торжествовалъ на Марнѣ, сіи Государи благоразумными своими правилами, утѣшительными обѣщаніями, исправляли военныя неудачи, успокоивали раздраженныя сердца и кротостію своею

пріобрѣли болѣе того, что теряли въ войнѣ. Со всѣмъ тѣмъ они не могли еще утвердительно сказать, что правительство наше будетъ опровержено.

Французская имперія, основанная на славѣ, которую честолюбіе еще болѣе увеличило, истощивъ всѣ сокровища и заставивъ народъ проливать горькія слезы, изумляла воображеніе, но не возбуждала никакой любви. Блескъ ея изчезъ вмѣстѣ съ побѣдами, прославившими сію имперію. Тѣ, кои пользовались ея благами, желали продолженія владычества Наполеона; но большая часть Французовъ, платящихъ дань малому числу своихъ соотечественниковъ, которыхъ должно было поддерживать требованія и насыщать алчность, начали пробуждаться отъ своихъ мечтаній съ того времяни, какъ узнали, что непріятели гораздо чистосердечнѣе Наполеона, желали возвратить Европѣ миръ и даровать Франціи то спокойствіе, которое долженствовало бы утвердить ея благоденствіе.

Едва три Союзные Монарха переправились чрезъ Рейнъ, какъ и получили яс-

ное удостовѣреніе о томъ ужасѣ, каковой внушалъ кровожадный властитель Франціи, и объ той опасности, каковая угрожала имъ, если Бонапарте успѣетъ возбудить рвеніе Французовъ; они въ особенности были поражены героическимъ терпѣніемъ и удивительною твердостію той горсти воиновъ, которая подъ его предводительствомъ всегда была увѣрена въ побѣдѣ сражаясь въ его глазахъ. Тогда они почувствовали, что нѣтъ возможности однимъ чужестранцамъ опровергнуть имперію, основанную самими Французами, и что нѣтъ способовъ разрушить ее безъ помощи тѣхъ, которые ее воздвигли.

Одинъ странный и совершенно неожиданный случай утвердилъ ихъ въ семъ мнѣніи. Г. Лагарпъ, Швейцарскій уроженецъ, въ это время жилъ въ Парижѣ и часто посѣщалъ общество Князя Талейрана. Полиція не вникала въ сущность сей связи, и бдительность даже и тогда не могла пробудиться, когда Г. Лагарпъ началъ испрашивать позволенія возвратиться въ свое отечество, въ такое время, когда долженъ былъ для достиженія онаго про-

ѣзжать чрезъ союзную армію. Какъ бы то ни было, но онъ оставилъ Парижъ, пріѣхалъ въ Баръ-Сюръ Объ. Непріятели остановили его. Бывъ представленъ Союзнымъ Государямъ, онъ обьявилъ, что паденіе Наполеона несомнѣнно; потому что большая часть Сенаторовъ и членовъ Законодательнаго корпуса ожидаютъ только опоры, чтобы произнести его отрѣшеніе. Г. Лагарпъ прибавилъ: «что недовольные гражданскіе чиновники, забытые военные и многіе изъ помѣщиковъ угнетенные противузаконными сборами, также возстанутъ противъ его тиранства. Сіи извѣстія разрѣшили недоумѣніе Союзныхъ Государей и утвердили ихъ въ мнѣніи сдѣлать самую Францію участницею въ своемъ предпріятіи.

Сіе намѣреніе тѣмъ болѣе было выгодно и удобно для иностранныхъ Государей, что оное можно почесть слѣдствіемъ правилъ, возвѣщенныхъ въ Франкфуртскомъ провозглашеніи. Послѣдніе успѣхи Наполеона придали новой полетъ его честолюбію до такой высочайшей степени, что Шатильонскіе переговоры, по

видимому не разобравъ надлежало отложить; не оставалось болѣе ни малѣйшаго средства вести переговоры съ властителемъ Франціи. Сверхъ благоразумныхъ соображеній для спокойствія Европы, Союзные Государи необходимо должны были пользоваться совершеннымъ своимъ согласіемъ, чтобы доставить нравственности совершенное торжество. Всякое премиреніе съ Наполеономъ было бы ничто иное, какъ наружная завѣса, которая подъ видомъ возвращенія благодѣтельнаго мира служила бы продолженіемъ бѣдствій вселенной. Лордъ Кастельригъ, воспользовавшись симъ случаемъ, обнаружилъ предпріятія Англіи, и открытіе сіе вскорѣ дало новое направленіе иностранной политикѣ.

Берлинскій и Петербургскій кабинеты раздѣляли въ семъ случаѣ мнѣніе всѣхъ Государственныхъ чиновниковъ Великобританіи. Но благодѣтельный Россійскій Монархъ настоялъ, чтобы Французамъ оставили совершенную свободу въ выборѣ правительства; что же касается до Вѣнскаго, Минхенскаго и Стутгардскаго

дворовъ, они не могли еще принять подобныхъ видовъ; родство ихъ съ Бонапартомъ или съ Принцами его фамиліи поставляло ихъ въ трудное положеніе. Баварія, Виртембергъ и прочія небольшія Германскія владѣтели, поставивъ себя подъ покровительство Франціи, споспѣшествовали ослабленію Австріиской Имперіи; въ награду за свои услуги они были наименованы Королями или получили приращеніе земель; потому страшились, чтобы послѣ опровержения того, кто сотворилъ ихъ, сами нѣкогда не лишились владенія. Сіи причины, весьма могущественые для Союзныхъ Государей, были однакожъ противны выгодамъ и желаніямъ ихъ подданныхъ, принявшихъ оружіе противу Франціи. Въ сей великой брани Германскіе народы обнаружили величайшую ненависть противъ Наполеона. Равномѣрно сила и продолженіе совершеннаго согласія между Государями зависѣли отъ сей народной ненависти. Три великіе Монарха, постигнувъ пространство своихъ обязанностей, безчисленность опасностей, угрожавшихъ ихъ престоламъ, и зная, какое удовлетвореніе обязаны они сдѣлать

за великодушныя пожертвованія раздраженныхъ своихъ подданныхъ, рѣшили съ общаго согласія: чтобы частныя выгоды всегда были почитаемы всеобщею пользою; что если Наполеонъ откажетъ принять трактатъ, необходимый для ограниченія его честолюбія, тогда будутъ требовать совѣта Французскаго народа, и если оный обнаружитъ желаніе къ возстановленію древней монархіи, тогда не колеблясь призвать на престолъ фамилію Бурбоновъ.

Англія, коей войска и совѣты имѣли сильное вліяніе на рѣшеніе Союзныхъ Государей, была тогда единственнымъ убѣжищемъ сей злополучной фамиліи, для которой со времени Лейпцигской битвы возсіяла надежда царствовать во Франціи. Всѣ эмигранты, оставшіеся вѣрными Королю Людовику XVIII, вскорѣ послѣ сего сраженія отправили агентовъ на твердую землю. Уже Полковника Буасси разстрѣляли въ Парижѣ (2 Февраля) за то, что пріѣхавъ изъ Англіи, онъ, слѣдуя наставленіямъ Гг. Лашатра и Блакасса, старался о возвращеніи Бурбоновъ. Сей случай

едва замѣтили, ибо тогда весьма мало уважали виды роялистовъ. Совсѣмъ тѣмъ Великобританское правительство было увѣрено, что Королевская партія, хотя усыпленная въ царствованіе Наполеона, снова возникнетъ, какъ скоро бѣдствія войны разгонятъ ослѣпленіе народа мечтающаго о побѣдахъ. Какъ скоро Веллингтонъ перешелъ Перенейскія горы, то эмигранты или Французы роялисты, живущіе въ Лондонѣ, а также и агенты древняго Королевскаго общества, находящагося въ Бордо, коего рвеніе никогда не ослабѣвало, даже и въ то время, какъ вся надежда казалась изчезнувшею, подтверждали Англинскому Министерству, что тайныя желанія Французскаго народа въ пользу законныхъ своихъ Государей совершенно справедливы.

Получивъ столь вѣрныя извѣстія, Англія проникла, что связавъ участь Бурбоновъ съ участью Европы, она можетъ сдѣлать чрезъ то для союзниковъ важное вспомоществованіе, почему и рѣшилась благопріятствовать отъѣзду Принцевъ сей фамиліи въ различныя мѣста твердой земли. Герцогъ Ангулемскій, отправясь къ

арміи Лорда Веллингтона, вступилъ въ древнюю Францію, сопровождаемый Графомъ Етьеномъ де Дамасъ, Герцогомъ де Гишь и Графомъ Ескаръ, вѣрными сотоварищами продолжительной и тягостной своей ссылки. Веллингтонъ сдѣлалъ Принцу самый лестный пріемъ; но будучи принужденъ покориться законамъ неизвѣстной и боязливой политики, просилъ Герцога не принимать никакого титла, и онъ былъ почитаемъ въ арміи простымъ волонтеромъ. По прибытіи въ Сенъ-Жанъ де Люцъ, его допустили обнародовать (2 Февраля) Манифестъ Людовика XVIII, и воззваніе къ арміи, въ которомъ онъ увѣщалъ жителей южныхъ провинцій разторгнуть свои цѣпи и собраться подъ знамена Короля своего, которой обѣщаетъ забыть свои страданія и заниматься единственно благополучіемъ народа. Сіе провозглашеніе за недостаткомъ печатнаго станка было писаное, и нетерпѣніе, съ каковымъ желали читать его, заставляло его переписывать съ удивительною скоростію.

Союзныя войска не могли сдѣлать для Борбоновъ ни какого очевиднаго вспомо-

ществованія; возвращеніе ихъ зависѣло единственно отъ желанія Французовъ, а для того Наполеонъ употреблялъ величайшее стараніе, чтобы требованіе и акты сей фамиліи остались неизвѣстными. Французскій народъ такъ много былъ связянъ съ существованіемъ Имперіи, что прибытіе на твердую землю Герцога Ангуленскаго и Графа д'Артуа не произвело ни малѣйшаго ощущенія и никто не могъ даже и подозрѣвать, чтобы союзники когда либо имѣли намѣреніе имъ благопріятствовать.

Позволеніе, данное чужестранными Государями Французамъ, выбрать себѣ правителемъ кого бы то ни было, выключая Наполеона, было перетолковано въ другую сторону и почтено сѣтію, расставленною для того, чтобы ослабить насъ раздорами. Если бы вмѣсто того Союзные Государи увѣщали насъ принять конституціоначальную монархіи надъ владычествомъ Бурбоновъ, тогда война не продолжилась бы такъ долго, и послѣдствіи ея не были бы болѣе сомнительны. Извѣстіе о скоромъ заключеніи міра заставило бы насъ принять кроткіе законы древней

Монархіи, коихъ лишила насъ революція. Великодушное предложеніе непріятелей казалось столь удивительно и столь противно обыкновеннымъ дѣйствіямъ иностраныхъ кабинетовъ, что всякой почиталъ его сверхъестественнымъ.

Таково было расположеніе умовъ во Франціи и ходъ, коему слѣдовала политика Союзныхъ Государей по прибытіи ихъ въ Троа. Сей городъ болѣе всѣхъ заключалъ роялистовъ, изъ коихъ нѣкоторые изъ выгодъ, другіе по духу партіи, или по приверженности къ вѣрѣ сохранили въ продолженіи внутреннихъ нашихъ раздоровъ большое почтеніе ко всему относящемуся до прежнихъ правилъ; по ихъ мнѣнію спокойствіе Европы зависѣло совершенно отъ возвращенія Бурбоновъ. Какъ скоро войска наши оставили Троа, то главнѣйшіе изъ жителей, почитая себя навсегда освободившимися отъ тягостнаго ига, рѣшились обнаружить имянемъ отечества сохраненную ими привязанность къ Принцамъ Королевской фамиліи.

Въ семъ намѣреніи, Гг. Видранжъ и Гуольтъ, старинные эмигранты, отпра-

вились къ Наслѣдному Виртембергскому Принцу, который никогда не раздѣлялъ привязанности, каковую имѣли къ Наполеону Короли Саксонскій и Датскій. Они спрашивали его: « Какія имѣютъ намѣренія Союзныя Державы на щетъ Франціи? « Наслѣдный Принцъ, убѣжденный прводушнымъ ихъ поступкомъ, признался, что со времени вступленія его во Францію, народъ не обнаруживалъ никакого политическаго мнѣнія, и что Государи дали слово не предписывать Французамъ, кому должно надъ ними правительствовать; но какъ Троа городъ очень многолюдный, то они могутъ представить свое желаніе Россійскому Императору, и что таковой поступокъ будетъ имѣть большое вліяніе на рѣшеніе сего Монарха, который поставляетъ священнымъ для себя долгомъ заниматься благополучіемъ вселенной. Сіи два роялиста, растроганные таковою довѣренностію, не скрыли отъ Принца, что они также какъ и прочіе вѣрятъ, что Австрійскій Императоръ противится возвращенію Бурбоновъ. Принцъ увѣрялъ, что Францъ II пожертвуетъ всѣмъ, что ни есть для него драгоцѣн-

наго для пріобрѣтенія прочнаго мира, и что Марія Луиза будетъ препровождена со всѣми почестями, должными высокому ея званію, въ столицу Августѣйшаго своего родителя. Сестра моя, прибавилъ онъ, вышедшая замужъ за Іеронима Бонапарте, въ такомъ же точно положеніи, и такъ она опять сдѣлается Виртембергскою Принцессою; да, сказалъ онъ съ живостію, *пришло время все привести въ порядокъ*.

Маркизъ Видранжъ сообщилъ друзьямъ свое намѣреніе, какъ вдругъ Графъ Рошешуаръ и Полковникъ Рапатель, находящіеся въ Россійской службѣ, передали ему то извѣстіе, которое Наполеонъ съ такою заботливостію старался скрывать. Законные ваши Принцы во Франціи, сказали они, уже во многихъ городахъ жители располагаются носить бѣлую кокарду, время обнаружить себя. »Тогда Гг. Видранжъ и Гуольтъ надѣваютъ крестъ св. Людовика и немедленно сочиняютъ адресъ Россійскому Императору отъ имени знатнѣйшихъ жителей Троа. Генералъ Барклай де Толли доставилъ аудіенцію у Его Величества депутаціи,

состоящей изъ девяти роялистовъ. Г. де Видранжъ начавшій говорить, умолялъ Россійскаго Императора покровительствовать желанію ихъ видѣть востановленіе дома Бурбоновъ на Французскомъ престолѣ.

Россійскій Императоръ не скрылъ отъ роялистовъ, что еще не пришло время исполнить ихъ намѣреніе. Успѣхи въ войнѣ неизвѣстны, говорилъ Онъ; но для меня было бы чрезмѣрно жаль, еслибъ такіе отважные люди, какъ вы, подверглись опасности. Мы не для того идемъ, чтобы самимъ дать Франціи Короля; мы хотимъ только знать намѣренія Французскаго народа; онъ долженъ объявить намъ свое желаніе, но не посреди военнаго нашего стана, ибо могутъ подумать, что присутствіе нашихъ войскъ имѣло вліяніе на ихъ рѣшеніе. Г. де Видранжъ далъ замѣтить Императору, что Франція при Наполеонѣ не можетъ изъявить своего желанія; Бонапарта не любятъ, возразилъ онъ, со всѣмъ тѣмъ его боятся. Къ тому же Франція до тѣхъ поръ не будетъ спокойна, пока не будетъ ею управлять законная династія. Престолы не будутъ въ безопасности, если

Государи не поставятъ правиломъ сію великую истину, и Европа никогда не будетъ наслаждаться благодѣяніями міра, если Бонапарте останется на тронѣ. Для этого-то самого, возразилъ мудрый Императоръ, надобно укротить его прежде, нежели на что нибудь рѣшиться.

Роялисты города Троа, вмѣсто того, чтобы придти въ уныніе отъ благоразумной медленности, каковой требовала политика, отправили къ Графу д'Артуа Маркиза де Видранжа, коему въ особенности препоручено было доставить копію съ адреса, представленнаго Союзнымъ Государемъ. Въ тотъ же день (11 Февраля) подобной случай происходилъ въ Понтъ-Сюръ-Сенѣ. Графъ Витгенштеинъ возвѣстилъ жителямъ сего города, что Союзные Государи рѣшились защищать Французскій народъ и всѣми силами вспомоществовать возведенію на престолъ Бурбоновъ, если желаніе Французовъ обнаружится въ ихъ пользу. Въ то же время Витгенштеинъ сообщилъ манифестъ Людовика XVIII, данный въ Гартвелѣ (1 Генваря). Движеніе, каковое произвело неожиданное чтеніе сего манифеста заставило

многихъ жителей города проливать слезы радости и умиленія. Они немедленно торжественно обнародовали сей манифестъ, и многіе надѣвъ бѣлую кокарду, съ восторгомъ восклицали: да здравствуетъ Король. (*)

Желанія, обнаруженныя нѣкоторыми гражданами Шампаніи, не представляли такого единодушія, чтобы можно было основывать большую надежду на ихъ вспомоществованіи. Къ тому же Бонапарте былъ твердъ посреди самыхъ нещастій, и умѣлъ быстротою движеній перехитрить всѣ ращеты и опровергнуть всѣ соображенія. Военный духъ Французовъ по видимому принялъ прежнюю свою силу; солдаты наши, вспламененные недавно пріобрѣтенными успѣхами, не взи-

---

(*) Е. В. Людовикъ XVIII предписаніемъ отъ 10 Іюля 1816, въ награду за приверженность жителей сего города, повелѣлъ оному называться Понъ ле Руа (Королевской мостъ). Смотри историческіе произшествія, относящіяся до приключеній, происходящихъ 11 Февраля въ Понъ-Сюрь-Сенъ, описанныя Кавалеромъ Брюнелемъ, стран. 31 и 32.

рали болѣе на многочисленность непріятельскихъ войскъ. Столько то они горѣли желаніемъ сражатся: мечтаніе ихъ простиралось до такой степени, что они увѣрены были въ побѣдѣ.

Генералы Союзныхъ войскъ видя, что напрасно они раздѣляли войски свои послѣ Ротьерскаго сраженія, рѣшились соединить вмѣстѣ, такъ какъ и при Лейпцигѣ, всѣ арміи Европейскаго союза. Едва Блюхеръ собралъ войска свои въ окружностяхъ Шалона, какъ получилъ повелѣніе идти къ Троа для соединенія съ Шварценбергомъ. Хотя армія его много потерпѣла, но съ помощію вспомогательныхъ войскъ, приведенныхъ Княземъ Горчаковымъ въ нѣсколько дней была совершенно дополнена и преобразована. Узнавъ, что Сѣверная армія заступитъ его мѣсто на рѣкахъ Энѣ и Марнѣ, Блюхеръ двинулся къ Троа съ 150,000 человѣкъ для составленія праваго крыла Австро-Россійской арміи. По прибытіи къ Арсисъ Сюръ Объ, она была увеличена дивизіею корпуса Ланжерона, пришедшаго изъ Витри.

Французская армія, выступивъ изъ Монтеро 20 Февраля, направила путь на

Троа въ слѣдъ за союзными войсками, которыя въ семъ отступленіи не потеряли ни одного орудія и ни одного пороховаго ящика. Дорогою жители, всегда склонные льстить побѣдителю, увѣряли нашихъ Генераловъ, что между непріятельскими войсками происходитъ большое несогласіе. Бонапарте, восхищенный таковыми донесеніями, былъ въ полной увѣренности, что различіе выгодъ и общественные бѣдствіи наконецъ поссорятъ союзниковъ. Въ намѣреніи увеличить между ими недовѣрчивость, онъ уклонялся дать Шварценбергу генеральное сраженіе, которое разсѣяли бы ложные его мечты; онъ предпочелъ лучше отписать къ сему Князю письмо, въ которомъ описывалъ ему выгоды новаго своего положенія, давъ ему замѣтить, что онъ вскорѣ снова займетъ Реинскую линію, если Императоръ Францъ не поспѣшитъ заключеніемъ мира!

Герцогъ Реджіо, явясь передъ Шартромъ и Мегриньи; увидѣлъ многочисленный корпусъ, собравшійся вокругъ Мери сюръ-Сенъ. Бонапарте узналъ, что сей городъ занятъ корпусомъ Графа Витгенштеина, оставленнаго для того въ сей позиціи, чтобы

Шлезская армія непошла на насЪ. БлюхерЪ, заступивЪ мѣста Графа Витгенштейна, по видимому хотѣлЪ удерживаться вЪ Мери, тѣмЪ временемЪ какЪ главныя его войска, прикрываемыя Сеною, шли для соединенія сЪ союзными арміями. НаполеонЪ, нетерпѣливо желавшій открыть себѣ путь на противулежащій берегЪ, приказалЪ Генералу Бойеру начать атаку. Прусаки были опрокинуты и при отступленіи зажгли мостЪ.

Огонь достигЪ до крайнихЪ домовЪ, находящихся на правомЪ берегу. Сильный сѣверный вѣтерЪ такЪ распространилЪ пожарЪ, что вЪ одну минуту весь городЪ сдѣлался добычею пламени. БлюхерЪ, почитая себя вЪ безопасности отЪ преслѣдованія нашихЪ войскЪ, расположился отступить, но мостЪ хотя былЪ и деревянной, однакожЪ еще существовалЪ: стрѣлки наши прибѣгаютЪ, чтобы спасти его и перейти рѣку. Новые Россійскіе и Прусскіе баталіоны оспориваютЪ и не взирая на ружейной огонь все еще удерживаются. Но пламя такЪ сильно распространилось вЪ городѣ, что непріятели, задыхавшіеся отЪ дыму, нашлись принужденными

выпустить. Такъ какъ мостъ не совсѣмъ еще сгорѣлъ, то волтижеры наши съ отважностію переходятъ оный чрезъ полусожженные брусья. Генералъ Грюйеръ съ своею бригадою слѣдуетъ за ними; войска наши всю ночь пробыли въ Мери, сражаясь съ величайшею яростію; но начальникъ ихъ палъ, будучи опасно раненъ, и они переправились обратно черезъ рѣку, претерпѣвъ чрезвычайную потерю.

Какъ скоро Союзные Государи узнали, что Наполеонъ перешелъ Сену и придвигается къ Троа, то почли соединеніе свое неудобнымъ, почему и рѣшились дать Блюхеру сильную армію, съ которою онъ могъ бы идти опять къ Парижу. Таковыя перемѣны въ планѣ Союзныхъ Государей, открывая ихъ неизвѣстность, доказываютъ сколь много непріятели опасались, не взирая на превосходство силъ своихъ, предоставить одной войнѣ успѣхи своего оружія.

Союзные Государи съ своими Министрами и главнѣйшими Генералами соединились въ Троа у Прусскаго Короля, чтобъ отвѣчать на письмо Наполеона, и разсуждать о средствахъ остановить успѣхи

Французской арміи. Вb семb совѣтѣ Шварценбергb возвѣстилb, что вb окрестностяхb Ліона Генералb Бубна принужденb былb отступить, и что Кастигліонскій Герцогb занялb обратно Бургb, Масонb, Шамбери и угрожаетb Женевѣ. Вb то же время Князь Меттернихb представилb положеніе политическихb дѣлb. Цѣлію донесенія его, писаннаго со всѣмb искуствомb совершеннаго дипломатика, было намѣреніе привести вb уныніе Союзныхb Государей; оно произвело такое впечатлѣніе надb Монархами, что они рѣшились отправить Князя Вѣнцеслава Лихтенштейна кb Наполеону сb извѣстіемb, что миролюбивыя его предложенія будутb благосклонно выслушаны.

Бонапарте находился еще вb мѣстечкѣ Шатрb (23 Февраля), когда Князь Лихтенштеинb привезb ему сіе извѣстіе. Для него необходимо было нужно остановить на нѣсколько дней военныя дѣйствія, чтобы подкрѣпить свою армію, и потому онb притворился одобряющимb намѣреніе Монарховb, и приказалb своему начальнику Штаба просить

Генаралиссимуса назначить между Вандевромъ и Троа мѣсто, куда могли бы отправиться уполномоченные для начатія переговоровъ. Опасаясь, не для того ли Союзные Государи изъявили миролюбивые виды, чтобы сдѣлать облегченіе для войскъ своихъ и исправить ошибку, какую они сдѣлали, раздѣливъ свои силы, онъ хотѣлъ воспользоваться ентузіазмомъ, каковый побѣда внушала его войскамъ, и вступить въ Троа, и до того времени онъ отказывался согласиться на остановку военныхъ дѣйствій, ибо чрезъ то ему не возможно было продолжать наступательную свою систему.

Тѣмъ временемъ, какъ Герцогъ Рагузскій находился въ Лафертѣ Горшеръ и наблюдалъ непріязненныя движенія, каковыя могли бы непріятели снова имѣть на Парижъ, Бонапарте приказалъ Герцогамъ Реджіо и Тарентъ идти на Троа и преслѣдовать непріятеля. Главная союзная армія очистила Троа, когда отряды наши явились передъ симъ городомъ. Какъ скоро послѣдніе посты его аррієргарда вступили въ предмѣстіе, и войски наши готовились проникнуть въ городъ, то Пар

ламентеръ, явясь на передовыхъ нашихъ постахъ, возвѣстилъ, что если мы не дадимъ времяни арріергардувыдти изъ города, то оный будетъ преданъ пламени.

Приготовленія наши къ атакѣ прекратились, но войска не терпѣливо ожидали снова начать нападеніе. Непріятели бросили бомбы въ три предмѣстія, которыя менѣе нежели въ часъ превратились въ пепелъ. Въ сумерки солдаты наши заняли оные и покушались нѣсколько разъ дѣлать приступъ, но всѣ нападенія ихъ мужественно были отражены. На разсвѣтѣ, въ то самое время, какъ союзныя войска располагались выдти изъ города, Вѣнцеславъ Лихтенштейнъ, пріѣхавъ опять къ Бонапарту, какъ парламентеръ, умолялъ его отложить на нѣсколько часовъ вступленіе въ городъ, снова изъясняя, сколь великое имѣетъ желаніе Австрійскій Императоръ заключить миръ. Бонапарте обѣщалъ не прежде, какъ въ полдень выдти въ Троа; но жители отворили одни ворота, и войска наши устремились туда. Ободренная ихъ присудствіемъ чернь, вооруженная топорами, вилами и ножами, напала на отдѣлившіеся

отряды и порѣзала многихъ Виртембергцовъ. Солдаты наши по семнадцати-дневномъ отсутствіи, съ восторгомъ были приняты: появленіе ихъ возбудило величайшее восхищеніе и позволило большой части гражданъ дать свободное теченіе чувствованіямъ, каковыя возродила въ душѣ ихъ мысль объ освобожденіи. Вскорѣ послѣ того Графъ Вальми пошелъ къ Баръ-Сюръ-Сенъ, а дивизія Дюгема къ Баръ-Сюръ-Объ, корпусъ Жерарда подкрѣпляемый корпусомъ Герцога Реджіо, перешелъ Ла-Гильотерскій мостъ и направилъ путь къ Лузиньи.

Все происходившее въ Троа, во время пребыванія союзниковъ, было извѣстно Наполеону. Желаніе, изъясненное Роялистами, было противно мнѣнію нѣкоторой части жителей, особливо съ того времени, какъ успѣхи стали благопріятствовать Бонапарту; онъ хотѣлъ показать строгій примѣръ тѣмъ, которые первые осмѣлились провозгласить себя въ пользу Бурбоновъ. Не въ силахъ будучи наказать жителей Понъ-Сюръ-Сена, явно обнаружившихъ желаніе видѣть возвращеніе Королевской фамиліи, онъ отложилъ

свое мщеніе съ намѣреніемъ въ послѣдствіи подвергуть оному сей обширный городъ, бывшій жилищемъ Королевской партіи, гдѣ весьма малое число гражданъ оставались ему приверженными. Въ 8 часовъ утра, Бонапарте, вступивъ въ Троа, приказалъ немедленно взять подъ стражу Гг. Видранжа и Гуольта. Первый уѣхалъ въ Боль, и тѣмъ избѣгнулъ опредѣленной ему смертной казни; другой же, вмѣсто того чтобы бѣжать, упорствовалъ въ намѣреніи остатся при женѣ своей, которую онъ страстно обожалъ.

Г. де Гуольтъ по задержаніи былъ препровожденъ въ Ратушу и осужденъ на смерть. Г. Дюшатель, въ домѣ котораго жилъ Бонапарте, движимый человѣколюбіемъ, воспользовавшись особенною ауедіенціею, напомнилъ ему, что день побѣды долженъ быть днемъ милосерія и умолялъ его имянемъ города Троа, простить нещастнаго сего гражданина, осужденнаго на смерть. Наполеонъ, бросивъ на него свирѣпый взглядъ, сказалъ раздраженнымъ голосомъ: развѣ вы забыли, кому осмѣливаетесь это сказать. Выдьте вонъ. Злополучной Гуольтъ въ одиннадцать часовъ

вечера явился при свѣтѣ факеловъ, окруженный жандармами; на спинѣ и на груди его была слѣдующая надпись: *измѣнникъ отечеству*. По прибытіи на ту площадь гдѣ наказываются преступники, сей страдалецъ не допустилъ завязать себѣ глаза, и съ твердостію окончилъ жизнь за приверженность къ своему Государю.

Чернь, подстрѣкаемая симъ немилосердымъ актомъ, обнаружила величайшій восторгъ послѣ исполненія приговора. Такимъ образомъ вступленіе въ городъ того, котораго почитали избавителемъ, было ознаменовано смертнымъ приговоромъ и такими насильственными поступками, коихъ не производили никогда тѣ, коихъ національный духъ принуждалъ насъ почитать врагами. Граждане, невидавшіе ничего худаго во время пребыванія иностранныхъ Государей въ городѣ, по возвращеніи Бонапарта подверглись укоризнамъ его и угрозамъ. Сказываютъ даже, что призвавъ къ себѣ хозяина того дома, въ коемъ жилъ Россійскій Императоръ, онъ приказалъ ему отдать въ пользу неимущихъ тотъ перстень, который пожаловалъ ему сей Государь, сопровождая

самопроизвольное свое требованіе наглыми и грубыми упреками, оскорбительными для сего мирнаго гражданина.

Чрезъ нѣсколько дней по прибытіи своемъ въ Троа, Наполеонъ узнавъ, что уполномоченные, наименованные для заключенія двухъ-недѣльнаго перемирія, отправились въ Лузиньи, приказалъ Графу Флаго ѣхать туда же и соединиться съ Генераломъ Шуваловымъ, съ Графомъ Дюкка и съ Генераломъ Раухомъ, начальникомъ Прусскаго инженернаго корпуса. Тѣмъ времянемъ, какъ начались сіи переговоры, Союзные Государи чувствовали необходимость назначить новой планъ компаніи, предполагая, что всѣ старанія о заключеніи мира не будутъ имѣть никакого успѣха. Въ таковомъ намѣреніи они созвали въ Вандеврѣ военный совѣтъ, въ которомъ Князь Шварценбергъ, слѣдуя предписаніямъ своего Государя, состоящимъ въ желаніи унизить Наполеона и не погубить Маріи-Луизы, обьявилъ себя явнымъ врагомъ всѣхъ дѣйствій, могущихъ имѣть скорое послѣдствіе. Начальники различныхъ корпусовъ союзной арміи, обезпокоиваемые перемѣнчивою полити-

кою Австрійскаго кабинета, дали медленности Шварценберга такое гнусное названіе, что онѣ не могѣ бы оставаться главнымѣ начальникомѣ союзныхѣ армій, если бы вѣ дневномѣ приказѣ онѣ не изѣяснилѣ сказаннаго имѣ мнѣнія, и сѣ такою ясностію и благородствомѣ, что тѣмѣ разрушилѣ оскорбительные подозрѣнія, распространившіеся на щетѣ его и Австрійскаго двора, и если бы вѣ то же время не рѣшилѣ, чтобы армія Генерала Бубны, бывѣ подкрѣплена сорока тысячами войскѣ, шла вѣ Ліонѣ, а Силезская, состоящая изѣ ста тысячь, снова направила путь на Парижѣ.

Столь могущественнымѣ расположеніямѣ Бонапарте ничего не могѣ противупоставить, кромѣ суровости и тиранства. Встревоженный волненіемѣ партіи Роялистовѣ, обнаружившимся вѣ Троа, онѣ издалѣ указѣ, по силѣ коего все Французы, находящіеся вѣ иностранныхѣ арміяхѣ должны подвергнутся суду, а имѣнія ихѣ быть отобраны вѣ казну, равное наказаніе назначено всѣмѣ тѣмѣ, которые осмѣлятся носить знаки и украшенія древней династіи.

Хотя Бонапарте былЪ деспотЪ, и какЪ вЪ военное, такЪ и вЪ мирное время не показывалЪ тѣхЪ благородныхЪ надеждЪ, каковыхЪ должно ожидать отЪ великаго человѣка, совсѣмЪ тѣмЪ вЪ это время кто дорожилЪ національною честію, и чрезЪ то былЪ кЪ нему привержен, тотЪ не могЪ терпѣть, чтобы Французы смѣшались сЪ иностранцами, которые обѣщая освободить наше отечество, необходимо долженствовало унизить славу Франціи, стѣснить ея границы и изсушить источникЪ ея благополучія. ТакимЪ образомЪ сіи переговоры, не взирая на ихЪ суровость, были всѣми одобрены, и многіе желали видѣть исполненіе оныхЪ надЪ двумя воинами, рожденными посреди насЪ; достигнувшими престоловЪ и поднявшими свои знамена противЪ прежнихЪ своихЪ военныхЪ товарищей, бывшихЪ орудіемЪ ихЪ славы и возвышенія.

ТѣмЪ временемЪ, какЪ Французская армія сЪ горестію смотрѣла, что двое изЪ лучшихЪ ея ГенераловЪ начальствовали непріязненными намЪ народами, ПринцЪ Евгеній вознаграждалЪ ее за та-

ковую неблагодарность, привлекая взоры Европы искуствомъ своихъ движеній и благородствомъ поступковъ. Уже около трехъ мѣсяцевъ, какъ онъ укрѣпился на Эчѣ: Австрійскій Генералъ Беллегардъ надѣялся принудить его оставить сію линію посредствомъ движенія войскъ Неаполитанскаго Короля противъ насъ. Утомленной медленностію послѣдняго, Беллегардъ ежедневно убѣждалъ его начать неприязненныя дѣйствія, для того чтобы примиреніе его съ Бонапартомъ было невозможно. Тѣмъ настоятельнѣе онъ требовалъ, чтобъ корпусъ Нугента, окруженный Неаполитанцами, совершенно находился въ ихъ волѣ, ибо хотя перебѣжчики есть такіе враги, которые гораздо опаснѣе тѣхъ, коимъ они измѣнили, но они никогда не даютъ столько залоговъ, чтобы можно было разсѣять внушаемую ими недовѣрчивость.

Неаполитанскій Король, извѣстясь объ успѣхахъ союзниковъ во Франціи, не колебался болѣе обѣявить войну Вице-Королю, поставя предлогомъ, что Анконскій гарнизонъ здѣлалъ вылазку противъ Неаполитанскихъ войскъ. Но это былъ

одинъ только пустой обрядъ: непріязненныя дѣйствіи начались. Уже 25 дней военныя дѣйствія Іоахима принудили Принца Евгенія оставить берега Эча и соединиться между Минчіо и По; онъ не могъ скрыть, сколь тягостно было для его сердца отложеніе шурина Наполеона, когда напротивъ самъ онъ никогда не отступалъ отъ обязанностей своихъ въ разсужденіи своего благодѣтеля. По сему предмету онъ изъяснялся съ удивительнымъ благородствомъ, жалуясь на измѣну, неприличную для такаго воина, коего твердость свойствъ по видимому долженствовала бы служить порукою за сіи его подвиги и за блистательное мужество. Въ обнародованномъ адресѣ онъ извѣстилъ армію, что Неаполитанцы, бывъ приняты въ Италіанскомъ Королевствѣ, какъ братья и торжественно обѣщая свое вспомоществованіе, въ награду за сію довѣренность, помогали непріятелю въ самыхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ оружія ихъ долженствовали соединиться съ нашими. Вице-Король возвѣстилъ Французамъ и Италіанцамъ, что онъ полагается на нихъ также, какъ бы на самаго себя

что отнынѣ *честь* и *вѣрность* будетъ его девизомъ, и что тотъ не можетъ быть безсмертенъ, кто не умѣетъ жить и умереть вѣрнымъ своимъ обязанностямъ, клятвамъ и благодарности.

Благородные поступки Принца Евгенія воспламенили сердца, пришедшія въ уныніе и ужасъ объ отложеніи Іоахима. Девизъ его сдѣлался крикомъ соединенія всѣхъ храбрыхъ воиновъ. Стихи, сочиненные на сей случай, раздавались въ лагеряхъ и даже посреди самыхъ маленькихъ городковъ. Не взирая на мужество войскъ, Принцъ отступилъ къ Мантуѣ и по всему было видно, что ретирада его продлится до самой Кремоны. Въ сей надеждѣ Фельдмаршалъ Беллегардъ приготовлялся переправиться чрезъ Минчіо и прежде, нежели нашъ авангардъ придетъ въ Боццоло, отрѣзать намъ отступленіе. Вице-Король, извѣстясь о движеніи Австрійцевъ, съ помощію многочисленныхъ Мантуйскихъ укрѣпленій скрылъ отъ неприятеля свои распоряженія, необходимыя къ исполненію выдуманнаго имъ плана.

По прибытіи къ сей пространной крѣпости Беллегардъ долженъ бы послать въ

передъ отрядъ для развѣданія, дѣйствительно ли отступила Французская армія. Если бы онъ поступилъ такимъ образомъ, то увѣрился бы, что мы сохранили Гоитоской мостъ; но вмѣсто того, чтобы идти съ осторожностію, онъ приказалъ одной изъ своихъ дивизій проходить поспѣшнѣе мимо Валлежіо, а другой мимо Поццоло; одно наше лѣвое крыло, укрѣпившееся въ Монцембано, предводительствуемое Генераломъ Вердье, было открыто. Тѣмъ временемъ, какъ непріятельскія дивизіи приближались для нападенія, Вице-Король съ отборными войсками на разсвѣтѣ, воспользовавшись Гоитоскимъ мостомъ, перешелъ на лѣвый берегъ.

Графъ Беллегардъ вскорѣ узналъ свою ошибку и поспѣшилъ оную поправить. Въ семъ намѣреніи онъ соединилъ резервныя свои войска вокругъ Поццоло и Валлежіо и остановилъ Вице-Короля, который старался отрѣзать сообщенія между обѣими частями Австрійской арміи, находящимися на обѣихъ берегахъ рѣки. Резервныя войска сражались съ такимъ упорствомъ, что наши войска нашлись принужденными отчаяться въ совершен-

номъ успѣхѣ плана, коего исполненіе къ нещастію весьма несоразмѣрно было съ важностію предпріятія. Сіе сраженіе, одно изъ достопримѣчательнѣйшихъ посредствомъ необыкновеннаго положенія сражающихся, стоило непріятелю четырехъ тысячь человѣкъ убитыми и ранеными и доставило намъ двѣ тысячи пять сотъ плѣнныхъ. Оное было бы торжественно прославлено, если бы великія происшествія, случавшіяся въ окружностяхъ Парижа, не отвратили общаго вниманія отъ всего происходящаго внѣ сего театра, на которомъ долженствовала рѣшиться участь цѣлаго свѣта.

Тѣмъ времянемъ, какъ Принцъ Евгеній съ своею арміею, ежедневно ослабѣвающею отъ новыхъ сраженій, удерживалъ на Минчіо непріятельскія силы, втрое превосходящія числомъ его войски, Неаполитанскій Король, потому ли, что узналъ объ успѣхахъ нашихъ на Марнѣ, или потому, что не имѣлъ еще того ожесточенія, которое заглушаетъ благодарность, приближался съ величайшею осторожностію и дѣйствовалъ согласно съ успѣхами Союзниковъ во Франціи. Если къ нему

приходили извѣстія, благопріятныя нашему оружію, тогда чувствуя безпокойство, происходящее отъ боязни получить справедливое наказаніе, какого онъ долженъ ожидать за свое отложеніе, Іоахимъ немедленно останавливалъ свое движеніе и извѣщалъ насъ, что мысли его не перемѣнились въ разсужденіи отечества, и что при всякомъ случаѣ онъ готовъ доказать къ нему любовь свою. Волнуемый тайными безпокойствами, въ справедливомъ своемъ ужасѣ онъ все еще трепеталъ прежняго своего властителя; ему безпрестанно представлялся Бонапарте какъ побѣдитель, укоряющій его за вѣроломство и съ безчестіемъ изгоняющій его съ трона, на которой онъ же его возвелъ.

Но когда адъютантъ его Пиньятели, котораго онъ посылалъ въ главную квартиру Беллегарда, извѣстилъ его, что армія Шварценберга заняла Фонтенебло и Нанжисъ, тогда онъ овладѣлъ Феррарой и Болоніей. Ему предшествовалъ Генералъ Нугентъ, который занялъ Модену именемъ Ерцгерцога Франца, коего онъ называлъ Францъ IV. Е'Естъ Вице-Король, не

унывая при видѣ критическаго положенія нашихъ дѣлъ, приказалъ укрѣпить Піаченцу, и изъ конскриптовъ, набранныхъ въ Александріи и изъ остатковъ дивизіи Североли, пришедшей изъ Гишпаніи, образовалъ осьмитысячный корпусъ, надъ коимъ начальство ввѣрилъ Генералу Данштуару, приказавъ защищать Тиро.

Между тѣмъ Французскій гарнизонъ Анконской крѣпости, послѣ безполезной вылазки и выдержавъ бомбардировку, обратившую въ пламя ея строенія, сдался съ условіемъ цѣлый годъ не служить противъ союзниковъ. Въ Тосканѣ, хотя Флоренція была занята Неаполитанцами, однакожъ наши войска сохраняли еще Ливорно и Пизу; непріязненныя дѣйствія уже готовы были начаться противу сихъ городовъ, какъ вдругъ Герцогъ Отрантскій, отправившійся въ Лукку къ Принцессѣ Элизѣ, въ качествѣ Коммисара отъ Наполеона, велѣлъ донести Неаполитанскому Королю, что онъ уполномоченъ вести съ нимъ переговоры о совершенномъ очищеніи Тосканы. Іоахимъ, посовѣтовавшись съ Генераломъ Нугентомъ и Графомъ Міеронъ, Австрійскимъ Посланникомъ,

отправилъ Генерала Iозефа Лекхи къ Герцогу Отранто, которые и заключили (24 Февраля) конвенцiю, въ силу коей Французскiя войска должны очистить Тоскану и Церковную область на тѣхъ же условiяхъ, на которыхъ здался Анконскiй гарнизонъ. Сей постыдный договоръ, заставившiй войска здаться безъ бою, предалъ Генуя Англичанамъ и долженъ почитаться какъ бы слѣдствiемъ помраченной роли, каковую никогда не преставалъ играть человѣкъ, которой безнравственною своею перемѣнчивостiю умѣлъ всегда избѣгать наказанiя за политическiя свои преступленiя.

Iоахимъ угрожалъ Пiаченцѣ, какъ Вице-Король ввѣрилъ половину своей армiи Графу Гренье, предписалъ ему напасть на Генерала Нугента, двинувшагося къ Энзѣ. Но Неаполитанскiй Король извѣстясь, что шуринъ его вступилъ въ Троа, и опасаясь самъ возвращенiя его благополучiя, отступилъ, поставя предлогомъ, что Беллегардъ нейдетъ къ нему на помощь. Генералъ Нугентъ, настигнутый нашими войсками въ то самое время, какъ выходилъ изъ Пармы, поставилъ

3000 человѣкъ на валахъ для прикрытія своего отступленія. Послѣ весьма жаркаго сраженія войска наши овладѣли городомъ и захватили въ плѣнъ всѣхъ желавшихъ защищать оный. Нѣсколько плѣнныхъ Неаполитанскихъ солдатъ были отправлены къ Іоахиму для подтвержденія подозрѣнія, каковые имѣли Австрійцы о тайномъ сношеніи между имъ и Принцемъ Евгеніемъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ того Неаполитанскій Король, желая успокоить Беллегарда и Лорда Бентинка, ударилъ съ 10 тысячами человѣкъ на слабый корпусъ, оставленный нами для охраненія Секчіи. Хотя число войскъ его втрое превосходило наши силы, со всѣмъ тѣмъ онъ принужденъ былъ самъ присутствовать во всѣхъ мѣстахъ. Сраженіе продолжалось съ большимъ жаромъ; начальствовавшій нашими войсками мужественный Генералъ Североли, имѣвъ оторванную ядромъ ногу, не хотѣлъ оставить поля сраженія; совсѣмъ тѣмъ Генералъ Рамбургъ, заступившій его мѣсто, выдерживая нѣсколько времяни сей неравной бой, отступилъ на лѣвый берегъ Таро, и

новыя распоряженія, сдѣланныя Принцемъ Евгеніемъ, позволили намъ сохранить сію линію. Въ это время военныя н[illegible] и дѣйствіи на границахъ Гишпаніи [illegible]отя съ большимъ искуствомъ были ведены; но щастіе ни мало намъ не благопріятствовало. Взявъ пятнадцать тысячь человѣкъ отборнаго войска изъ арміи Герцога Албуферскаго, и отправивъ ихъ къ Ліону, до такой степени ослабили его войска, что онъ не могъ болѣе удержаться въ Каталоніи. Жители сей обширной провинціи, ободренные нашими злополучіями, не переставали съ нами сражаться, и часто съ успѣхомъ. Подкрѣпляемые Англинскими войсками и арміею, предводительствуемою Генералами Саарфильдомъ и Барономъ Еролемъ, они успѣли перейти на лѣвый берегъ рѣки Лобрегатъ. Но самое горестное для Герцога Албуфера происшествіе была измѣна, коей войска крѣпостей Лериды и Мекинензы содѣлались жертвою. Одинъ иностранный Офицеръ, служащій въ главномъ штабѣ Маршала и знавшій шифръ, который онъ употреблялъ въ тайной своей перепискѣ, вздумавъ примириться съ Гишпанцами, съ коими онъ прежде вмѣ-

стѣ служилъ, отправилъ къ начальникамъ сихъ двухъ крѣпостей вымышленное повелѣніе выдти съ своими гарнизонами въ силу конвенціи, принуждавшей ихъ отправиться въ Барцелону. Сіи гарнизоны, пустившись въ путь безъ всякой недовѣрчивости, нашли на Англинскую армію. Тамъ съ ними поступлено было самымъ оскорбительнымъ образомъ. Гарнизонъ, находившійся въ Тортозѣ, подвергнулся бы равной участи, если бы Генералъ Робертъ, открывъ сію хитрость, не спасъ ихъ отъ сего вѣроломства.

Герцогъ Далматскій находился въ такомъ же затруднительномъ положеніи, какъ и Герцогъ Албуферскій. Со времени послѣднихъ сшибокъ, происходившихъ на Нивѣ, армія его, укрѣпясь вдоль Адура и Бидуза, начертала линію, простиравшуюся отъ Байоны до Санъ-Жанъ-Пье де Поръ. Но Маршалъ, будучи принужденъ укрѣпиться въ провинціяхъ, истощенныхъ отъ продолжительнаго пребыванія войскъ, повсюду слышалъ одни только горькія жалобы жителей. Напротивъ того Лордъ Веллингтонъ занималъ богатую страну, окружаемую Пиренейскими горами, Биду-

зомъ и Адуромъ. Желая пріобрѣсти любовь жителей, Англинскій Полководецъ напомнилъ своимъ Офицерамъ, что многіе бѣдствія, испытанныя Французами въ Гишпаніи и Португаліи, произошли отъ неповиновенія. Въ намѣреніи удержать войска, чтобы никакого своевольства не происходило въ его арміи, онъ установилъ особенное правленіе въ странѣ, занимаемой имъ. Всякой могъ торговать свободно, не опасаясь быть обиженнымъ и за всѣ припасы, забираемыя для арміи, платили наличными деньгами. Столь благоразумныя мѣры были для него гораздо выгоднѣе лучшаго вспомогательнаго войска. Жители, убѣжавшіе при его приближеніе, просили позволенія снова войти въ свои жилища и привозили сѣестные припасы и фуражъ, за которые получали щедрую плату. Успокоенные столь справедливыми установленіями, они принялись за свои работы съ такою безпечностію, какъ бы тѣ страны наслаждались благодѣяніями кроткаго мира.

Банапарте, занятый собственною войною, мало помышлялъ о Гишпанской,

будучи увѣренъ, что оная должна прекратиться съ того времяни, какъ онъ согласился, чтобы Фердинандъ VII снова возсѣлъ на престолъ. Но Гишпанцы были слишкомъ памятны, слишкомъ надмѣнны, чтобы забыть, сколько они оскорблены похищеніемъ своего Короля. Всѣ бѣдствія, каковыя привлекло сіе преступленіе, были еще свѣжи въ ихъ памяти; они приводили себѣ на память, что вѣрность ихъ почтена измѣною и что въ награду за добродѣтельное терпѣніе ихъ грабили, гнали и умерщвляли. Но Божіе правосудіе постигло ихъ притѣснителя: онъ унизился тогда передъ ними и послѣ обьявленія непримиримой войны принужденъ испрашивать постыднаго для себя мира. Великость духа Кортесовъ обратила въ ничто коварную его политику, отвергнувъ съ негодованіямъ Валансейскій трактатъ. Въ то время желая поселить раздоръ между Англичанами и Гишпанцами, Бонапарте велѣлъ распространить слухъ, что Веллингтонъ умышляетъ присвоить себѣ престолъ Гишпаніи; но превосходныя добродѣтели и праводушные поступки сего великаго воина посрамили клевет-

никовъ и предохранили его отъ ядовитого ихъ злоръчія.

Бонапарте, отягощенный бѣдствіями, ни мало не унывалъ подъ предлогомъ отправленія въ Мадритъ прибавочныхъ статей къ Валансейскому договору; онъ прибѣгнулъ къ услугамъ одного изъ знаменитѣйшихъ своихъ плѣнниковъ, восторжествовалъ надъ великодушною враждою Іосифа Палафокса, знаменитаго зищитника Сарагоссы, назначивъ ему споспѣшествовать востановленію на престолъ своего Государя. Палафоксъ, коего порученіе было совершенно то же, каковое дано Герцогу Карлосу, пріѣхавъ въ Мадритъ, донесъ привительству, что Герцогу Албуферскому препоручено наблюдать заисполненіемъ трактата, по силѣ коего Фердинандъ долженствовалъ вступить снова на престолъ. Правительство отвѣчало, что по силѣ трактата, заключеннаго съ Англіею, Гишпанія обязана не заключать никакого мира; что оно нетерпѣливо желаетъ вручить Королю верховную власть, коей она ничто иное, какъ блюстительница; что уже отправленъ посланникъ на Конгрессъ, въ которомъ Европейскія

Державы даруютЪ вселенной твердый и прочный мирЪ; что вЪ семЪ КонгрессѢ мирЪ будетЪ подписанЪ и утвержденЪ не правительствомЪ, но самимЪ КоролемЪ вЪ МадритскомЪ дворцѢ его, куда онЪ будетЪ введенЪ сЪ совершенною свободою для занятія престола, сіяющаго геройствомЪ его подданныхЪ. Новое опредѣленіе КортесовЪ отЪ 31 Генваря подтвердило 1 и обЪясняло, что ФердинадЪ не иначе будетЪ признанЪ КоролемЪ, какЪ подпишетЪ по собственному произволенію представленную ему конституцію.

Сія послѣдняя черта величости духа увѣнчала славу великаго Гишпанскаго народа, коего удивительное и неослабное терпѣніе столь же долго будетЪ блистать вЪ будущихЪ вѣкахЪ, сколько добродѣтель будетЪ почтена на земли, и совершенно покрываетЪ безславіемЪ деспота, который сЪ самаго начала до окончанія сей войны не могЪ постигнуть твердости души ГишпанцовЪ и не умѣлЪ цѣнить благородства превосходныхЪ ихЪ свойствЪ. Вмѣсто того чтобы послѣдовать совѣту Герцога Албуферскаго, предлагавшаго положиться на праводушіе

Астурійскаго Принца, отправить его въ свои владѣнія и дать начальство надъ Каталонскою и Аррагонскою арміями, Бонапарте хотѣлъ, чтобы 14 тысячь старыхъ войскъ были заключены въ Гишпанскихъ крѣпостяхъ до окончанія переговоровъ съ правительствомъ.

Таковы были политическія происшествія, произшедшія за Пиринейскими горами съ того времени, какъ Веллингтонъ вступилъ въ предѣлы Франціи. Бездѣйствіе, съ каковымъ онъ пребылъ цѣлые два мѣсяца, заставляло полагать, что онъ намѣренъ прежде дождаться послѣдствія оныхъ и потомъ уже идти далѣе. Какъ скоро онъ получилъ извѣстіе, что общественное мнѣніе въ Гишпаніи опровергло всѣ ухищренія Наполеона, то былъ въ полной увѣренности, что ничто не можетъ препятствовать его намѣренію. Лучшіе изъ нашихъ полковъ отправились во внутренность Государства для подкрѣпленія арміи, прикрывающіей Парижъ; мѣсто ихъ заступили необученные солдаты тѣмъ времянемъ, какъ Англійскій Генералъ съ своей стороны присоединялъ къ арміи свою кавалерію и Гишпанскіе резервы.

Пріуготовивъ все для торжества надъ препятствіями, каковыя представляли ему мѣстоположеніе и искусный соперникъ, онъ рѣшился съ полною надеждою въ успѣхъ продолжать теченіе своихъ дѣйствій.

14 Февраля, лѣвое наше крыло, бывъ атаковано, отступило къ Санъ-Мартину. На другой день Генералъ Гариспъ оставилъ Санъ-Жанъ-Пье де Поръ. Соединясь съ Генераломъ Парисъ, они не могли защищать Бидузской линіи и наступательныя движенія Лорда Веллингтона, имѣли цѣлію освѣдомленіе о многочисленности нашихъ силъ; послѣ чего онъ рѣшился дать сраженіе. Онъ приказалъ обложить Байону и навести мостъ черезъ Адуръ подъ прикрытіемъ флотиліи Контръ Адмирала Пеннроза; но противные вѣтры воспрепятствовали флотиліи дѣйствовать и Байонской гарнизонъ хотя чрезвычайно уменьшился, но такъ сильно противился построенію моста, что Англійскій полководецъ будучи принужденъ оставить сіе предпріятіе, устремилъ свое вниманіе на правое крыло. Въ то время

Англичане старались переправиться через Олеронъ. Генералъ Бересфордъ овладѣлъ укрѣпленіями, воздвигнутыми при Астингѣ. Войска наши отступили за Пу черезъ мостъ, находящійся при Пеірѣ Горадѣ, и заняли позицію на возвышеніяхъ, лежащихъ въ окружностяхъ города Ортеса. Бересфордъ, подкрѣпленный двумя дивизіями, двинулся противъ нашей арміи, коей число простиралось до 35 тысячь, и въ то же время Генералъ Пиктонъ угрожалъ прорвать нашу средину. Генералъ Гиль, на разсвѣтѣ переправясь чрезъ рѣку вверхъ отъ Ортеса, двинулся атаковать Генерала Клозеля. Правое наше крыло, предводительствуемое Графомъ Рейлемъ, было равномѣрно атаковано Генераломъ Бересфордомъ, который хотя овладѣлъ деревнею Сентъ Боесъ, но немогъ согнать насъ съ возвышеній, прикрывающихъ ту деревню. Солдаты наши оказали въ семъ мѣстѣ чрезмѣрную неустрашимость. Сраженіе было кровопролитно и побѣда несклонялась ни на ту ни на другую сторону. Веллингтонъ усмотря, что онъ не можетъ восторжествовать на правомъ нашемъ крылѣ, перемѣнилъ свои

расраспоряженія: онъ приказалъ придвинуть три дивизіи, и далъ онымъ повелѣніе прорвать нашъ центръ, надъ коимъ начальство Далматскій Герцогъ ввѣрилъ Генералу Ерлону. Сраженіе началось съ такимъ жаромъ, что Французы не взирая на героическое свое сопротивленіе, были разбиты. Смерть Генерала Бешо и рана, полученная Генераломъ Фуа, произвели величайшее разстройство въ нашихъ рядахъ. Маршалъ, для предупрежденія совершеннаго пораженія, приказалъ отступить. Въ семъ сраженіи мы потеряли три тысячи человѣкъ. Непріятели не лишились ни одного значущаго чиновника, но много нижнихъ чиновъ осталось на полѣ битвы.

Французская армія отступила въ совершенномъ порядкѣ (*) и по видимому намѣрена была прикрывать Бордо; но потомъ направивъ путь по Тулузской дорогѣ, соединилась въ Эерѣ, на Адурѣ, и выдержала кровопролитное сраженіе про-

(*) Донесеніе Веллингтона Англинскому Министерству.

тивъ двухъ непріятельскихъ дивизій. Далматской Герцогъ посредствомъ весьма искуснаго движенія изъ Эра, пошелъ на Тарбу, притворясь угрожающимъ правому крылу Веллингтона, и идущимъ на встрѣчу Герцогу Албуферскому, коего возвѣщалось близкое возвращеніе. Англинскій Генералъ опасаясь прибытія, побѣдителя при Таррогонѣ и Валенціи, остановился въ Санъ-Северѣ для распознанія истинной причины отважнаго и неожиданнаго движенія Герцога Далматскаго. Въ продолженіи того времяни Генералъ Гопъ, коему поручено было навести мостъ на Адурѣ, исполнилъ трудное сіе предпріятіе не взирая на сильное сопротивленіе Байонскаго гарнизона, которымъ начальствовалъ Генералъ Тувено.

Появленіе Герцога Ангулемскаго въ полуденныхъ странахъ Франціи весьма мало произвело впечатлѣнія, а потому и не могло перемѣнить хода военныхъ дѣйствій въ союзныхъ арміяхъ; никакого акта не было обнародовано, кромѣ его прокламаціи и провозглашенія Веллингтона; но полагаютъ, что сіе послѣднее было твореніе роялистовъ, жившихъ въ

Тулузѣ и Бордо, которые по усердію своему старались ослабить мѣры, принятыя правительствомъ, и удвоить недовѣрчивость и негодованіе въ народѣ, отягощенномъ троекратною конскрипціею, налогами и остановкою торговли. Герцогъ Далматскій, желая уменьшить дѣйствія сихъ провозглашеній, издалъ въ дневномъ приказѣ воззваніе къ арміи, исполненное силы, восторга и приверженности къ Наполеону.

Пространный, богатый и многолюдный городъ Бордо, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ заключалъ въ себѣ множество роялистовъ, преданныхъ древней Монархіи. Въ продолженіи революціи, будучи всегда приносимы въ жертву, они не осмѣливались ничего предпринять не бывъ совершенно увѣрены въ успѣхѣ своего намѣренія. Вскорѣ послѣ Лейпцигскаго сраженія Г. Пеффау де Латуръ прискакалъ изъ Лондона въ Бордо, чтобы поощрить ихъ усердіе и пробудить надежду. Но роялисты требовали, чтобы прежде, нежели они начнутъ дѣйствовать, одинъ изъ Принцевъ древней царствующей фамиліи содѣйствовалъ имъ и при-

сутствіемъ своимъ сдѣлалъ впечатлѣніе въ полуденныхъ провинціяхъ. Извѣстясь о прибытіи Герцога Ангулемскаго въ главную квартиру Англичанъ, они отправили къ нему отъ лица жителей всего города изъясненіе своихъ желаній. Въ ожиданіи они роздали манифестъ Принца, и втайнѣ начали набирать войска, не для вспомоществованія чужестраннымъ арміямъ, но для возстановленія древней монархіи, къ коей они всегда были привержены, и которой Французы обязаны знаменитостію, пріобрѣтенною многими вѣками славы и благоденствія.

Въ то же время (19 Февраля) Графъ д' Артуа получилъ наконецъ позволеніе отъ Союзныхъ Государей ѣхать во Францію. При вступленіи въ сію любезную для него страну, жители городовъ и деревень принимали его съ восклицаніями: да здравствуетъ Людовикъ XVIII! Да здравствуютъ Бурбоны. Старцы, жены и дѣти цѣловали руки его и платье. Принцъ принималъ ихъ благосклонно, и трогательное его снисхожденіе исторгло у всѣхъ сладостныя слезы. Такимъ обра-

зомъ проѣзжая Франшъ-Конте, онъ прибылъ въ Везуль, гдѣ народъ, предавшійся восторгу, умолялъ его выдти изъ кареты, чтобы лучше разсмотрѣть любезныя его черты (*). Въ семъ городѣ онъ обнародовалъ (22 Февраля) воззваніе къ Французамъ, писанное въ томъ же смыслѣ, какъ и прокламація Герцога Ангулемскаго, которое привлекло ему всеобщую любовь, ибо онъ обѣщалъ, имянемъ брата своего Людовика XVIII, уничтоженіе конскрипціи и соединенныхъ налоговъ.

Переговоры, происходящіе въ Лузиньи, не остановили теченія военныхъ дѣйствій. Блюхеръ не успѣвъ соединиться съ Шварценбергомъ, отступилъ къ Сезаннѣ для соединенія съ сѣверною арміею; ибо тѣмъ временемъ, какъ Наполеонъ находился въ Троа и войска прошли до самаго Баръ-Сюръ-Объ, то полагали, что Прускій Генералъ можетъ сдѣлать на Парижъ третіе покушеніе гораздо щастливѣйшее обѣихъ первыхъ. Переговоры, начавшіеся

(*) Письмо Графа Франциска д'Ескаръ. Везуль, 22 Февраля 1814.

въ Лузиньи, послѣ осмидневныхъ безполезныхъ прѣній, прекратились. Бонапарте объявилъ, что они не будутъ имѣть никакаго успѣха, потому что непріятели хотѣли распространить свою линію до береговъ Роны и Саоны, чтобы отрѣзать сообщеніе наше съ Италіею.

Тогда Союзные Монархи усмотрѣли, что не остается ни малѣйшаго средства вести переговоры съ Наполеномъ, и что необходимо должно рѣшиться не прежде положить оружіе, какъ по сверженіи его съ престола. Но затрудненіе и сопротивленіе, противупостановленныя имъ, еще болѣе возрастали по мѣрѣ приближенія ихъ къ окончанію своего предпріятія. Они ощущали великое недоумѣніе и рѣшились хитростію ускорить паденіе властителя, котораго тщетно старались бы низпровергнуть, если бы имъ не вспомоществовала приверженность, каковую большая часть Французовъ сохраняла еще къ фамиліи Бурбоновъ.

Хотя партія роялистовъ не имѣла явнаго начальника, со всѣмъ тѣмъ оная состояла изъ большаго числа особъ знат-

наго происхожденія, надъ коею въ тайнѣ начальствовалъ Принцъ Талейранъ. Когда Бонапарте въ бытность свою первымъ Консуломъ удивлялъ Европу благоразумными своими видами, дарованія сего Министра служили ему могущественнымъ пособіемъ. Съ вершины благополучія онъ лишилъ его милости за то, что онъ имѣлъ твердость не одобрить святотатственнаго похищенія Гишпанскаго престола. Съ того времяни онъ оставался въ забвеніи и изыскивалъ случая отмстить за себя, служа своей ненависти и отечеству. Умъ его и дарованіи, сдѣлавшіеся извѣстными Европѣ въ то время какъ онъ занималъ важнѣйшія должности, снискали ему уваженіе чужестранныхъ Государей. Они видѣли въ немъ не только образецъ учтивости, но человѣка, который лучше всякаго можетъ согласить выгоды Европы съ покойствіемъ Франціи.

Вознамѣрясь трудиться о исполненіи сего великаго предпріятія, Г. Талейранъ избралъ главнымъ своимъ агентомъ Барона Витроля, человѣка искуснаго, вкрадчиваго исполненнаго твердости и прозорливости, который до того времени зани-

малъ не важныя должности. Хотя Баронъ Витроль былъ знатнаго происхожденія, но не имѣлъ предразсудковъ себѣ подобныхъ, и будучи жертвою бѣдствій революціи, мѣнѣе всѣхъ о томъ помнилъ. Зная совершенно какъ людей, такъ и дѣло, виды его равнялись съ высокостію предпріемлемаго намѣренія. Хотя онъ употреблялъ въ рѣчахъ своихъ весь жаръ человѣка приверженнаго партіи, совсѣмъ тѣмъ весьма искусно умѣлъ оборотливостію своею привлекать довѣренность всѣхъ и плѣнять сердца, не нарушая скрытности, каковую повелѣваетъ имѣть политика. Наконецъ, не возможно было выбрать лучшаго агента.

Г. де Витроль принялъ на себя опасное порученіе поддерживать на Шатильонскомъ Конгрессѣ права Бурбоновъ. Имѣлъ тайные разговоры съ первыми Министрами четырехъ главнѣйшихъ державъ: онъ увѣрялъ ихъ, что Конгрессъ привелъ въ ужасъ партію роялистовъ; что союзники, ведя переговоры, лишаются выгодъ, полученныхъ оружіемъ. Опытность должна научить Союзныхъ Монарховъ, прибавилъ онъ, что съ Бонапартомъ миръ есть

ничто иное, какъ перемиріе, и что для полученія сего толико вождел҃ннаго мира необходимо должно ниспровергнуть тиранство, для всѣхъ гнусное и пагубное. Наконецъ Г. де Витроль обѣщалъ имъ отъ имяни тѣхъ, кои его послали, склонить жителей Парижа провозгласить себя въ пользу Людовика XVIII, какъ скоро она будетъ исторгнута изъ подъ тягостнаго ига. Таковое лестное предложеніе изъясняетъ безпрестанное стремленіе Союзниковъ отправить къ столицѣ сильную армію тѣмъ времянемъ, какъ другой корпусъ, не менѣе многочисленный будетъ находиться противъ Бонапарте.

Шатильонскій Конгрессъ еще не закрывался; но съ того времяни, какъ Герцогъ Виченскій лишенъ былъ уполномочія для окончанія дѣлъ, разбираемыхъ на семъ Конгрессѣ, Министры четырехъ главныхъ державъ усмотрѣли необходимость еще болѣе укрѣпить союзъ свой посредствомъ наступательнаго и оборонительнаго трактата, заключеннаго на двадцать лѣтъ, которой они представили своимъ Государямъ, они рѣшились не разлучаться прежде достиженія преднамѣренной цѣли.

Таково было положеніе дѣлъ, какъ Наполеонъ снова получилъ извѣстіе, что Парижъ въ опасности. Блюхеръ, прогнавъ Герцога Рагузскаго, который укрѣпился въ Ла-Ферте Гоше, направилъ путь въ Мо. Мостъ, находящійся при семъ городѣ, былъ разрушенъ, и онъ для переправы черезъ Марну, нашелся принужденнымъ послать отряды для развѣданія до Ланьискаго моста.

Бонапарте немедленно принимаетъ намѣреніе напасть съ тылу на Блюхера и спасти столицу. Возобнoвивъ движенія, произведенныя имъ въ дѣйство при Шампоберѣ и Монтмиралѣ до выступленія изъ Троа, онъ вручилъ Герцогу Тарентскому начальство надъ корпусами Герцога Реджіо и Генерала Жерарда, подкрѣпляемыми двумя дивизіями кавалеріи и нѣсколькими полками солдатъ, пришедшими изъ Гишпаніи; онъ приказалъ ему употребить всѣ усилія для удержанія большой Австро-Россійской арміи, тѣмъ временемъ, какъ самъ отправится къ Марнѣ. Разсказываютъ, что желая лучше скрыть отсутствіе свое отъ непріятеля, на другой день послѣ отъѣзда, его солдаты во всѣхъ

мѣстахъ повторяли тѣ же восклицанія, какіе употребляли обыкновенно въ то время, какъ Бонапарте дѣлалъ осмотръ войскамъ.

Наполеонъ оставилъ Троа съ своею гвардіею (27 Февраля), не взирая на дождливое время и не смотря на то, что дороги такъ были испорчены, что всякому другому показались бы непроходимыми. Но на сей разъ Блюхеръ, сдѣлавшись гораздо осторожнѣе и видя, что нѣтъ возможности переправиться черезъ рѣку въ Мо, поспѣшно навелъ понтонный мостъ на Марнѣ, съ намѣреніемъ соединиться съ Сѣверною арміею; ибо онъ зналъ, что она перешла Эну. Герцогъ Рагузскій соединился съ Маршаломъ Мортье, оставленномъ при Виллерсъ-Котеретѣ для наблюденія движеній Бюлова и Винценгероде. Такъ какъ число войскъ находящихся подъ предводительствомъ сихъ двухъ Маршаловъ, простиралось не болѣе какъ до 10 тысячь человѣкъ, то они поспѣшно отправили Полковника Фабвье для испрошенія у правительства вспомогательнаго войска. Сей чиновникъ по прибытіи въ Парижъ не могъ сказать о препорученіи

своемъ Іосифу Бонапарте, потому что онъ спалъ и никто не хотѣлъ разбудить его. Какъ же скоро онъ явился къ Герцогу де Фелтръ, то сей Министръ сказалъ, что готовъ принять всѣ возможныя мѣры, какіе только находятся въ его власти. Въ семъ случаѣ Іосифъ былъ пораженъ удивленіемъ, узнавъ, что Полковникъ явился прежде къ Министру, нежели къ нему. (*) Напослѣдокъ пріѣздъ Полковника Фабвье произвелъ въ Парижѣ тѣмъ большее волненіе, что жители занимались одними только удовольствіями. Получивъ знамена, взятыя при Монтмиралѣ и при Шампоберѣ, они съ радостію прославляли сію послѣднюю дань побѣды во храмѣ Марса, тѣмъ временемъ какъ пушки, посвященныя для народныхъ торжествъ, были необходимы для защищенія столицы.

Между тѣмъ Теттенборнъ, узнавъ движеніе Наполеона черезъ отряды, посланные имъ для развѣданія изъ Феръ-Шампенуаза, поспѣшно донесъ Блюхеру, что Бонапарте приближается съ отборными

(*) Журналъ военныхъ дѣйствій 6 корпуса описанный Полковникомъ Фабвье, стран. 44.

войсками. Пруской Генералъ тогда почувствовалъ, сколько необходимо поставить рѣку Марну преградою между собою и ужаснымъ своимъ противникомъ. Послѣ построенія двухъ мостовъ въ верхъ отъ Мо, корпусъ Клейста занялъ позицію въ деревнѣ Ге близь Трема. Корпусъ молодой гвардіи, начальствуемый Генераломъ Христіани, быстро напалъ на него. Въ то же время вспомогательныя войска, отправленныя изъ столицы съ сорока осмью орудіями, присоединись близь Лизи къ Герцогу Тревизскому. Громкія восклицанія конскриптовъ, исполненныхъ мужества, удвоили безпокойство союзныхъ войскъ и они полагали несомнѣнно, что будутъ стѣснены между арміею, вышедшею изъ Парижа и предводимою Бонапартомъ.

Съ того времяни, какъ мы обратно заняли Суассонъ, Маршалъ Мортье оставилъ въ семъ городѣ гарнизонъ, почему и полагали, что отступленіе будетъ совершенно отрѣзано Силезской арміи; ибо черезъ одинъ только мостъ, находящійся въ Суассонѣ, она могла переправиться черезъ Эну. Бонапарте, по прибытіи въ Лаферте, узнавъ о затруднительномъ поло-

женіи Блюхера, пустился за нимъ въ слѣдъ съ своими войсками, одушевленными надеждою пріобрѣсти важный успѣхъ. Тѣмъ временемъ Бюловъ, занявъ Лаонъ, вознамѣрился овладѣть такъ же Лаферомъ; ибо важное положеніе сей крѣпости весьма препятствовало ему продолжать путь. Бросивъ въ городъ нѣсколько бомбъ, Пруской Капитанъ, по имени Мартенсъ, требовалъ сдачи крѣпости. По собственному донесенію Бюлова, краснорѣчіе сего парламентера заставило Губернатора рѣшиться сдаться (27 Февраля:) и предать непріятелю безчисленное множество съѣстныхъ припасовъ и артиллерійскаго запаса, стоющее болѣе двадцати миліоновъ. Послѣ таковой сдачи, не слыханной въ военныхъ лѣтописяхъ, корпусы Бюлова и Винценгероде двинулись къ Суасону для вспомоществованія Блюхеру.

Отступленіе сдѣлалось весьма затруднительно для сего Генерала и переправа черезъ Эну могла бы ему быть весьма пагубна; ибо тѣмъ временемъ, какъ Бонапарте идучи на Мези, стѣснялъ его правымъ своимъ флангомъ, Герцоги Рагузскій и

Тревизскій двинувшись къ Соасону, надѣялись соединясь съ гарнизономъ, истребить Силезскую армію, которая доведена была уже до величайшей крайности, какъ вдругъ Соасонскій Комендантъ, устрашась прибытія корпусовъ Бюлова и Винценгероде, явившихся подъ стѣнами крѣпости, полагалъ, что городъ несомнѣнно будетъ взятъ. Капитанъ Мартенсъ посланъ былъ парламентеромъ, и тоже самое краснорѣчіе, предъ которымъ покорился Лаферъ, отворило непріятелю ворота Соасона. Комендантъ имѣлъ слабость подписать капитуляцію, почитаемую имъ похвальною по тому единственно, что ему позволено отступить на Виллерсъ-Котеретъ съ войсками и артиллеріею. Со всѣмъ тѣмъ пушечные выстрѣлы ему довольно давали знать, что приближается наша армія и что всѣ угрозы Бюлова имѣли цѣлію освободить Блюхера изъ того затруднительнаго положенія, въ которое онъ приведенъ былъ Наполеономъ. Жители Соасона и храбрые Поляки, составлявшіе гарнизонъ, обнаружили величайшее негодованіе узнавъ, что въ ту минуту, когда Силезская армія готова была погибнуть, ей доста-

вили средства соединиться съ Бюловымъ и Винценгероде. Такимъ образомъ Прусаки избѣгли отъ Герцоговъ Тревизскаго и Рагузскаго и заняли позицію на Краонскихъ и Лаонскихъ возвышеніяхъ.

Герцоги Тревизскій и Рагузскій покушались овладѣть Соасономъ; но Русскіе, предводительствуемые Генераломъ Ланжерономъ, съ удивительною храбростію выдерживали ихъ приступъ. Такъ какъ уже городъ сей потерялъ для насъ всю свою важность, то Бонапарте отозвалъ къ себѣ обоихъ Маршаловъ, осаждавшихъ оной. Жители страны, заключающейся между Уркомъ и Марною, угнѣтаемые пребываніемъ безчисленнаго множества чужестранныхъ войскъ, коихъ поспѣшное отступленіе еще болѣе увеличило ихъ нужды, оставивъ домы свои и хижины, обѣгствомъ старались избѣгнуть обидъ и насилія. Въ глухую и темную полночь пять сотъ сихъ бѣглецовъ, состоящихъ изъ мущинъ, женщинъ и дѣтей всякаго возраста, въ проливной дождь спѣшили укрыться въ каменоломняхъ; ужасной голодъ не замедлилъ увеличить ихъ стра-

даніи. Слезы и рыданія смѣшивались съ громомъ пушечныхъ выстрѣловъ и прибавляли болѣе ужасу горестному ихъ положенію. Вскорѣ ружейный огонь, крики сражающихся, стукъ оружій и лошадиной топотъ съ ужаснымъ трескомъ раздались надъ сими невинными главами. Всѣ почитали себя обреченными на смерть; сказываютъ даже, что многія беременныя женщины отъ великаго страха разрѣшались прежде времяни. Наконецъ, терзаемые голодомъ и ужасомъ, не въ силахъ будучи далѣе оставаться въ сей душной ямѣ, гдѣ болѣе двухъ сутокъ они находились погребенными, сіи злополучныя существа рѣшились предаться всѣмъ военнымъ опасностямъ. Но какое перо можетъ изобразить радость и восторги сихъ женщинъ, дѣтей и старцевъ, когда при Мариньи вмѣсто того, чтобы впасть въ руки чужеземцовъ, они очутились посреди Французскихъ войскъ, коихъ они благословляли мужество и почитали друзьями, братьями и избавителями. (*)

(*) Донесеніе трехъ чиновниковъ округа Лизи на Уркѣ, помѣщенное въ Императорскомъ журналѣ 15 Марта 1814.

Бонапарте не упустилъ воспользоваться сею трогательною сценою; созвавъ къ себѣ начальниковъ семействъ, онъ сказалъ имъ: идите и разскажите жителямъ Парижа тѣ ужасы, которыхъ вы были свидѣтелями и коихъ вы противъ моей воли содѣлались жертвою. По прибытіи въ Парижъ сіи депутаты въ чрезвычайномъ засѣданіи, собранномъ Префектомъ, изъяснили, какимъ страданіямъ была подвержена ихъ провинція. Не желая оправдывать непріятеля, который во многихъ мѣстахъ предавался грабительству и опустошенію, я какъ безпристрастный историкъ долженъ признаться, что донесенія объявляемыя правительствомъ, всегда были ложны и издаваемы для того, чтобы возжечь народъ противу иностранцевъ. Но таковая хитрость не произвела ожидаемаго дѣйствія: одни, приписывая сіи злощастія мщенію раздраженныхъ нами народовъ, негодовали на того, кто навлекъ оное; другіе же при воззрѣніи на картину нашихъ бѣдствій пришли въ несказанное уныніе и ужасъ.

Какъ скоро какой департаментъ очищался отъ непріятелей, то Бонапарте

говорилъ жителямъ: «возьмите оружіе и идите защищать ваши имущества и семейства.« Въ тѣхъ же провинціяхъ, которыя находились еще во власти непріятеля, онъ увѣщалъ жителей бить въ набатъ, какъ скоро услышатъ пушечные выстрѣлы нашихъ войскъ; онъ предписывалъ имъ вырубать лѣса, разрушать мосты, заваливать дороги и нападать съ боковъ и съ тылу на непріятеля, если онъ сражается отступая. Онъ опредѣлилъ, что всякой чиновникъ и каждый житель, который вмѣсто того, чтобы возбуждать патріотическое рвеніе народа, станетъ охлаждать оное, отвращая жителей отъ намѣренія защищаться, будетъ почтенъ измѣнникомъ и преданъ суду. Другимъ же опредѣленіемъ, изданнымъ въ тотъ же день (5 Марта), онъ обънвилъ, что если чужестранные Генералы прикажутъ разстрѣливать Французскихъ обывателей, взятыхъ съ оружіемъ въ рукахъ, то смерть ихъ немедленно будетъ отмщена умерщвленіемъ равнаго числа плѣнныхъ. Со всѣмъ тѣмъ онъ долженъ бы привести себѣ на память, что часто самъ запрещалъ гражданамъ защищать свои жилища.

Генералъ Нансути, начальствующій нашимъ авангардомъ, переправился черезъ Эну при Берри о Бакъ, взялъ въ плѣнъ двѣсти человѣкъ конницы съ предводителемъ ихъ Княземъ Гагаринымъ (?). Бонапарте, двинувшись съ своею арміею къ позиціямъ, выбраннымъ непріятелемъ, получилъ извѣстіе, что онъ укрѣпился отъ самой Краонской равнины до Лаона. Кавалерійскій корпусъ, состоящій изъ десяти тысячь подъ предводительствомъ Винценгероде, двинулся по Реимской дорогѣ, чтобы прорвать операціонную нашу линію, тѣмъ временемъ, какъ мы будемъ дѣлать нападеніе на Краонъ. Корпусы Іорка, Клейста и Ланжерона, начальствуемые Блюхеромъ, долженствовали прикрывать сію кавалерію, тѣмъ времянемъ какъ Сакенъ будетъ подкрѣплять пѣхоту. Наконецъ Бюловъ съ двадцатью-тысячами человѣкъ оставался въ резервѣ для занятія въ случаѣ неудачи важной Лаонской позиціи. Большая часть нашихъ стрѣлковъ, прикрываемые лѣсами и подкрѣпляемые артиллерію, приближались къ непріятелю, но были отражены. Тогда Бонапарте приказалъ Маршалу Нею идти

къ мызѣ д'Эртебизъ; онъ далъ такъ же повелѣніе сдѣлать нападеніе на Краонскія возвышенія съ правой стороны двумъ баталіонамъ гвардіи, изъ коихъ одною начальствовалъ молодой Караманъ. Сей офицеръ, распоряжая колонною, заслужилъ одобреніе Наполеона, который съ того дня почиталъ его такимъ воиномъ, котораго дарованія обѣщаютъ на будущее время большую надежду.

На другой день непріятель очистилъ свою позицію и выбралъ другую, лежащую близъ Краонской равнины. Бонапарте самъ зналъ оную и удостовѣрился, что она была крѣпче первой; ибо къ ней приступить можно было въ одномъ только мѣстѣ и чрезъ тѣсной проходъ. Бонапарте вмѣсто того, чтобы устрашиться новаго сего распоряженія, приказалъ Маршалу Нею сдѣлать главную атаку, тѣмъ времянемъ, какъ Графъ Нансути будетъ стараться очистить себѣ путь съ правой стороны; но Маршалъ, въ нетерпѣніи не дождавшись вспомогательныхъ войскъ, напалъ на непріятеля, и будучи встрѣченъ ужаснымъ огнемъ, нашелся принужденымъ остановиться.

Сѣ того времяни, какѣ сѣ Герцога Беллуно было снято начальство надѣ вторымѣ Корпусомѣ, онѣ предводительствовалѣ двумя дивизіями молодой гвардіи. Бонапарте предписалѣ ему подкрѣплять Маршала Нея и овладѣть Воклерскимѣ Аббатствомѣ, которое непріятели сѣ большимѣ упорствомѣ защищали. Какѣ скоро Наполеонѣ ихѣ выгналѣ изѣ онаго, то приближился кѣ тѣсному проходу; но будучи раненѣ пулею вѣ ногу, нашелся принужденнымѣ оставить мѣсто сраженія. Не взирая на сіи нещастіе и на смерть множества солдатѣ, павшихѣ надѣ ударами Рускихѣ, мы овладѣли проходомѣ. Генералѣ Друотѣ перешелѣ тѣсный проходѣ тѣмѣ времянемѣ, какѣ Маршалѣ Ней шелѣ, чтобѣ очистить себѣ путь сѣ правой стороны. Ужасная канонада раздавалась сѣ обѣихѣ сторонѣ. Стрѣлки наши столь были не свѣдущи, что Генералѣ Друотѣ нѣсколько разѣ соскакивалѣ сѣ лошади и показывалѣ имѣ, какѣ надобно наводить ружье; со всѣмѣ тѣмѣ они сѣ большимѣ мужествомѣ сражались вездѣ, гдѣ непріятель стоялѣ упорно.

Маршалѣ Ней овладѣлѣ проходомѣ тѣс-

нымъ. Генералы Груши и ла Феррьеръ, были ранены; кавалерія ихъ долгое время была поражаема непріятельскою картечью. Бонапарте получивъ извѣстіе отъ Маршала Нея, что войска его весьма уменьшились отъ множества раненыхъ, и что скоро могутъ быть совершенно разбиты, приказалъ придвинуться съ войсками Герцогу Тревизскому и Генералу Шарпантье, коему онъ ввѣрилъ начальство надъ тѣмъ корпусомъ, которымъ предводительствовалъ Герцогъ Беллуно. Тѣмъ временемъ, какъ движеніе сіе происходило, Графъ Воронцовъ отразилъ дивизію Куріала, Менье и Бойера де Ребеваль. Но къ нещастію пять Офицеровъ изъ главнаго его штаба были убиты или ранены, а Графъ Строгановъ, начальствующій срединою, лишился сына, который сражаясь подлѣ него, въ глазахъ его палъ мертвъ.

Блюхеръ, не зная объ успѣхѣ, пріобрѣтенномъ Графомъ Воронцовымъ и видя, что движеніе Винценгероде было неудачно, страшась подвергнуть опасности Генерала Сакена, приказалъ ему отступить на Лаонъ. Бонапарте, смотря съ удивле-

ніемЪ на то, что непріятель отступалЪ вЪ одномЪ мѣстѣ, тогда какЪ на другомЪ побѣдилЪ, воспользовался безпорядкомЪ, каковой произвело движеніе Сакена, и приказалЪ кавалеріи Генерала Кольберта извойскамЪ Генерала Шарпантье подкрѣпить насЪ вЪ томЪ мѣстѣ, гдѣ мы болѣе ослабѣли. Сіе двойное нападеніе исполнено сЪ успѣхомЪ: войска Графа Воронцова отступили тѣмЪ временемЪ, какЪ Генералы КуріялЪ, Менье и БойерЪ, оправясь, снова ударили на непріятеля, которой и началЪ удаляться во всѣхЪ мѣстахЪ. Для довершенія побѣды Бонапарте хотѣлЪ сдѣлать сраженіе генеральнымЪ, приказалЪ придвинуть резервныя батареи. ГрафЪ БельярЪ, начальствующій копьеносцами и гвардейскими драгунами, устремился на непріятеля; но ГрафЪ ВоронцовЪ и ГенералЪ СакенЪ благоразумными и искусными своими движеніями, исполненными сЪ величайшею храбростію и точностію, остановили стремленіе нашихЪ эксадроновЪ. Нансути сЪ своей стороны прискакавЪ сЪ двумя дивизіями тяжелой кавалеріи, снова началЪ атаку; но овраги и неудобность мѣстоположенія содѣлали без-

полезными всѣ его предпріятія. Наконецъ союзныя войска поспѣшно отступили и соединились съ войсками, оставленными ими на Лаонскихъ возвышеніяхъ; что же касается до движенія, которое Блюхеръ намѣренъ былъ сдѣлать на правомъ нашемъ крылѣ, то оное такъ худо было расположено, что войски заблудились и не приняли никакого участія въ сраженіи.

Такова была Краонская битва, въ коей какъ союзныя войска, такъ и Французы пріобрѣли равную честь. Правда, что поле сраженія осталось за нами; но мы купили сію безполезную выгоду безчисленными пожертвованіями. Потеря наша была втрое болѣе непріятельской; восемь тысячь нашихъ воиновъ обагрили кровію сіи ничтожные лавры. Мы не взяли ни однаго человѣка въ плѣнъ, ни одного знамя, ни одна пушка не могла служить для насъ трофеемъ столь кровопролитной битвы; Генералы Ланской и Ушаковъ (?) остались на полѣ сраженія покрытые трупами, обломками оружій, лафетовъ и ящиковъ. Бонапарте, изумленный въ томъ, что получилъ успѣхъ съ войсками гораздо малочисленными противъ непріятельскихъ,

которые жизнію своею доставили ему побѣду, не скрывалъ, что употребилъ послѣднія средства. Извѣщая брата своего Іосифа о подробностяхъ сего сраженія, онъ хладнокровно писалъ: *одна только старая гвардія стояла; прочіе же таяли какъ снѣгъ* (*).

На другой день послѣ Краонскаго сраженія (8 Марта) Маршалъ Ней преслѣдовалъ Генерала Воронцова до деревни Етувель. Дорога, ведущая къ сей позиціи, стѣсненная между двумя болотами, дѣлала движеніе впередъ весьма труднымъ; а чтобы придвинуться къ Лаону, надлежало прежде овладѣть позиціею. Полковникъ Гурго, служащій въ свитѣ Наполеона, получилъ повелѣніе выступить ночью изъ Шавиньона съ двумя баталіонами старой гвардіи. Неустрашимые наши гренадеры, окруживъ деревню Етувель, устремились на враговъ со штыками и разбудили ихъ восклицаніями: *да здравствуетъ Императоръ*. Непріятель, не въ силахъ будучи удерживаться, поспѣшно отступилъ къ

(*) Записки, относящіяся къ исторіи кампаніи 1814, Ф. Коха. Томъ 1 стран. 403.

Лаону, куда послѣдовалъ за нимъ и Маршалъ Ней.

Сей городъ, о занятіи коего Бонопарте прежде не помышлялъ, представлялъ одну изъ самыхъ крѣпкихъ позицій, какія онъ когда либо встрѣчалъ: построенный на возвышенной площадкѣ, которой крутые берега прикрывали пространную ровнину, покрытую деревьями, онъ былъ окруженъ стѣною, защищаемою башнями. Крѣпкое положеніе сего города заставило Союзниковъ рѣшиться, за недостаткомъ другихъ крѣпостей, сдѣлать его хранилищемъ всѣхъ припасовъ и военныхъ снарядовъ. Весь корпусъ Бюлова, укрѣпившійся на сихъ возвышеніяхъ, занималъ городъ, составляя средину союзной арміи, коей фланги простирались отъ Лоневиля до самаго Аши. На разсвѣтъ (9 Марта) Бонопарте хотѣлъ, воспользовавшись густымъ туманомъ, овладѣть деревнями Семилли и д' Ардонъ, которыя находились въ такомъ близкомъ разстояніи отъ Лаона, что можно было почитать ихъ какъ бы предмѣстіемъ сего города. Съ одиннадцать часовъ сраженіе еще продолжалось; атмосфера начала проясняться, и Блюхеръ

примѣтивъ, что вся наша армія приближалась къ нему, съ поспѣшностію поставилъ въ резервъ корпусы Сакена и Ланжерона съ многочисленною арміею Позиція неприятелей была весьма крѣпка. Бонапарте, желая привлечь ихъ на равнину, приказалъ срединѣ и лѣвому флангу отступить тѣмъ временемъ, какъ Герцогъ Рагузскій придвигался впередъ по Реимской дорогѣ.

Наполеонъ никакъ не могъ рѣшиться оставаться въ бездѣйствіи до прибытія корпуса сего Маршала на назначенное мѣсто. Въ нетерпѣніи своемъ онъ ежеминутно посылалъ къ нему Офицеровъ, побуждая ускорить походомъ; но всѣхъ посланныхъ перехватывали Козаки. Тогда Бонапарте приказалъ Генералу Шарпантье, коему окрестности Лаона были весьма извѣстны, сдѣлать нападеніе на Класи, которое имѣло полный успѣхъ; но въ ту минуту, какъ мы овладѣли сею деревнею, Бюловъ выгналъ изъ Ардена дивизію Порети де Морвана, которая лишилась Генерала и Полковника.

Сіе дѣйствіе происходило въ срединѣ, тѣмъ временемъ, какъ Герцогъ Рагузскій

сражался на правомъ крылѣ. Выгнавъ Iорка изъ деревни Веслу, онъ продолжалъ свое движенiе; артиллерiя его испускала ужасный огонь. Въ надеждѣ на успѣхъ, онъ приближился къ Ати. Iоркъ, будучи принужденъ отступить, зажегъ сiю деревню. Войски наши овладѣли оною и при наступленiи ночи расположились на биваки. Блюхеръ, будучи увѣренъ, что Бонапарте идетъ по Реимской дорогѣ, отправилъ на оную корпусы Ланжерона и Сакена, для подкрѣпленiя Iорка и Клейста, которымъ приказалъ наступать. Въ ту же минуту двадцать четыре эскадрона, пользуясь безпечностiю шестаго корпуса, ударили на него въ зади деревни Ати. Прусаки, не находя никакого сопротивленiя, начали рубить безъ пощады нашихъ солдатъ и отбили у Рагузскаго Герцога резервный его паркъ. Маршалъ скакалъ было на помощь разбитымъ войскамъ, но Прускiй Принцъ Вильгельмъ, послѣдуемый корпусами Iорка и Клейста, возобновилъ сраженiе и угрожалъ отрѣзать намъ отступленiе. Устрашенные сею ночною битвою, многiе изъ конскриптовъ потеряли присутствiе духа и

устремились на наши каре, которыя въ темнотѣ стрѣляли на всѣхъ безъ разбора; кавалеристы съ обѣихъ сторонъ падали во рвы, смѣшивались между собою и не знали, на кого обращать свои удары. Желая ближе приступить къ намъ, непріятель кричалъ: *Vive l'Empereur! Да здравствуетъ Императоръ!* А наши, стараясь избѣгнуть пораженія произнесли ужасное *Ура!* (*) Многіе убѣжали въ лѣса; остальные, отступивъ въ величайшемъ безпорядкѣ, соединились не прежде, какъ на разсвѣтѣ; наконецъ сорокъ пушекъ, сто двадцать ящиковъ и болѣе 1200 плѣнныхъ изъ корпусовъ Мармонта и Арриги достались во власть Прусаковъ.

Въ слѣдующій день (10 Марта) Блюхеръ видя, что Французская армія стоитъ въ боевомъ порядкѣ передъ Класи, рѣшился отнять сію деревню. Непріятель семь разъ начиналъ атаку и семь разъ предпріятія его не имѣли никакого успѣха передъ храбростію нашихъ войскъ, которые какъ на семъ мѣстѣ, такъ и въ сре-

(*) Журналъ военныхъ дѣйствій В корпуса, писанный Полковникомъ Фабвье, стр. 51.

динѣ удерживались сѣ рѣдкою неустрашимостію. Бонапарте, ободренный таковымѣ успѣхомѣ, полагалѣ на вѣрное, что Блюхерѣ, утомленный симѣ нападеніемѣ, не вѣ силахѣ иначе подавить шестой корпусѣ, какѣ обнаживѣ то мѣсто, передѣ которымѣ онѣ находился; приказалѣ Генералѣ Куріалу именно овладѣть Лаонскою равниною; но Прусаки, открывѣ свои батареи, принудили его отвергнуть сіе предпріятіе.

За часѣ до захожденія солнца Бонапарте, терзаемый сильнѣйшими безпокойствами и сѣ горестію видя, что героическая храбрость его войскѣ не вѣ силахѣ доставить ему блистательнаго успѣха, приказалѣ отправить отрядѣ для развѣдыванія на Лаферскую дорогу, препоручивѣ исполненіе сего Генералу Друоту. Сей Генералѣ подтвердилѣ, что вѣ семѣ мѣстѣ кѣ непріятелю подступить совершенно невозможно. Не довольствуясь таковымѣ донесеніемѣ, Бонапарте далѣ повелѣніе Графу Белліарду отправить на сію дорогу часть кавалеріи. Белліардѣ, бывѣ остановленѣ вѣ исполненіи своего порученія Рускими, подтвердилѣ первое доне-

сеніе. Не взирая на невозможность получить успѣхъ въ своемъ предпріятіи, Бонапарте все еще колебался. Упорство, съ каковымъ непріятели защищали позиціи, бывшія передовыми постами укрѣпленнаго ихъ лагеря, заставило его, отказавшись отъ всѣхъ своихъ плановъ, рѣшиться отступить на Суассонъ, тѣмъ временемъ, какъ Герцогъ Рагузскій будетъ ретироваться на Физмъ. Чтобъ дать справедливое понятіе о крѣпости Лаонской позиціи, довольно сказать, что человѣкъ, котораго не удерживали никакія затрудненіи, нашелся принужденнымъ отступить и объявить передъ лицемъ всей Европы, что онъ въ первый еще разъ въ жизни нашелъ непреодолимое препятствіе.

Распространился слухъ, что въ это же время Наслѣдный Шведскій Принцъ отправилъ Доктора своего къ Наполеону съ убѣжденіемъ поспѣшить заключеніемъ мира, увѣдомляя, что онъ погибнетъ, если долѣе будетъ колебаться; но Бонапарте презрѣлъ сіе предувѣдомленіе, и отвѣтъ его Шведскому Принцу подтверждалъ, что, не взирая на приближающуюся опасность,

упорство его нимало не уменьшилось. Равнымъ образомъ доказываютъ, что Австрійскій Императоръ, будучи убѣжденъ, что Союзные Государи рѣшились нанести пагубный ударъ его зятю, снова отправилъ къ нему Князя Венцѣслава де Лихтенштейна съ намѣреніемъ дать ему почувствовать необходимость согласиться на сдѣланныя ему предложенія; что въ противномъ случаѣ онъ принужденъ будетъ оставить его на волю его непріятелей, которые для умноженія его злополучія, по видимому, рѣшились возвратить Бурбоновъ. Получивъ сіе извѣстіе, Наполеонъ пребылъ нѣсколько времени въ глубокомъ молчаніи и потомъ вскричалъ: я не боюсь пустыхъ угрозъ. Невыгодный для Франціи миръ будетъ пагубенъ Австріи; Имперія моя необходима для равновѣсія Европы. »Императоръ Францъ II, усматривая, что высокомѣріе зятя его служитъ непреодолимымъ препятствіемъ для миролюбивыхъ его выгодъ, сказалъ: *и такъ онъ перестанетъ царствовать!* Со всѣмъ тѣмъ таковыя изрѣченія еще не утверждены оффиціально. Но какъ произшествія

сіи весьма похожи на истину, потому я, какЪ исправный историкЪ, почелЪ долгомЪ здѣсь помѣстить ихЪ (*).

БлюхерЪ не тревожилЪ Французскую армію вЪ отступленіи; онЪ велѣлЪ только преслѣдовать ее кавалеріи Винценгероде, тѣмЪ времянемЪ, какЪ главная его армія снова заняла свои позиціи между Краоною и ЛаономЪ. Таковая боязливость подала средство Наполеону наградить претерпѣнный имЪ важный уронЪ. Отступленіе его не могло долгое время быть скрытымЪ; оно разрушило бы мечтаніе о мнимыхЪ его побѣдахЪ, естьли бы и фортунѣ не угодно было продолжить его ослѣпленіе; ибо вЪ ту самую минуту, какЪ распустили Шатильонской КонгрессЪ, она приготовляла ему при Реимсѣ послѣднюю свою благосклонность (**).

Бонапарте, пославЪ корпусЪ войскЪ кЪ сему городу, хотѣлЪ отмстить жителямЪ за то, что они сдались горсти КозаковЪ.

(*) Исторія компаніи 1814, описанная АлфонсомЪ БошанЪ томЪ II. стр. 112.

(**) Смотри чертежЪ VII, служащій изЪясненіемЪ сраженія при Реимсѣ.

Послѣ легкаго сраженія Генералъ Корбино занялъ Реимсъ, въ которомъ захватилъ въ плѣнъ четыре баталіона. Россійской Генералъ Сентъ При, уже нѣсколько дней занимавшій позиціи въ Шалонѣ, извѣстясь о сей потерѣ, соединилъ три слабыя дивизіи съ Прускими резервами, находившимися при осадѣ крѣпостей Торгау и Виттенберга. Съ симъ корпусомъ, коего число простиралось до семнадцати тысячь человѣкъ, онъ пошелъ на Реимсъ и устремилъ главную свою атаку на Лаонскіе ворота, которыми и овладѣлъ.

Генералъ Корбино, имѣя весьма слабые средства къ оборонѣ, нашелъ себя окруженнымъ въ семъ пространномъ городѣ, въ который непріятель проникъ со всѣхъ сторонъ. Гарнизонъ, предавшійся смятенію и безпорядку, былъ взятъ частію въ плѣнъ, остальныя же войска отступили на Шалонъ Сюръ-Вель и соединились съ дивизіею почетной гвардіи Генерала Дефранса. Бонапарте, узнавъ, что Руские выгнали насъ изъ Реимса, приказалъ Рагузскому Герцогу идти къ сему городу, но ничего не предпринимать до того времени,

пока онъ самъ не придетъ съ главною арміею.

Приведя Соасонъ въ оборонительное положеніе, онъ оставилъ Маршала Мортье для прикрытія сей крѣпости и двинулся къ Реимсу. 13 Марта вечеромъ онъ былъ въ одной только милѣ отъ сего города, какъ при Фоне два Пруские баталіона хотѣли остановить корпусъ Рагузскаго Герцога, но бывъ окружены дивизіею Рикарда, положили оружіе. Двѣ кавалерійскія дивизіи равнымъ образомъ ударили на три другіе баталіона, которые старались овладѣть Силерійскимъ мостомъ. Сентъ-При видя, что армія наша весьма сильна, приказалъ своимъ войскамъ отступить; для прикрытія же своей ретирады поставилъ первую линію въ позицію. Съ обѣихъ сторонъ сотни орудій извергали ужасное пламя; всѣ возвышенія были заняты; тѣмъ времянемъ какъ дѣлали на оныя нападенія, инженеры наши старались исправить Сентъ-Брискіе мосты, чтобы окружить городъ.

Въ ту минуту къ Бонапарту явился Офицеръ съ депешею отъ Неаполитанскаго Короля, которой узнавъ о его побѣ-

дахъ, выражалъ ему свое раскаяніе въ томъ, что оставилъ его, и клятвенно увѣрялъ, что ожидаетъ только его повелѣній, чтобы все поправить. Бонапарте, занятый важнѣйшими происшествіями, равнодушно принялъ письмо сіе, и отдавъ его сопровождавшему Генералу, сказалъ: *чего онъ отъ меня хочетъ? онъ уже давно ищетъ гибели моей.* Онъ продолжалъ возставать противъ неблагодарности своего шурина, какъ вдругъ вниманіе его было отвращено кавалерійскимъ нападеніемъ 3 полка почетной гвардіи, начальствуемаго Генераломъ Сегюромъ. Храбрые юноши, горящіе нетерпѣніемъ сразиться, съ неустрашимостію устремляются на непріятелей, отражаютъ ихъ до предмѣстія и захватываютъ тысячу человѣкъ пѣхоты и пять сотъ кавалеристовъ со всею артиллеріею; въ семъ то блистательномъ сраженіи Генералъ Сегюръ былъ раненъ, а Маіоръ Белмонъ убитъ.

Рагузскій Герцогъ, достигнувъ въ предмѣстіе, собралъ свою артиллерію: орудія его извергали пламя на непріятелей, которые бѣжали въ безпорядкѣ, когда Гене-

ралы Красинскій и Ексельманъ заняли Лаонскую дорогу, чрезъ которую Русскіе отступали. Взятіе Реимса пріобрѣло намъ множество плѣнныхъ, одиннадцать орудій и множество обозу и экипажа; сверхъ того непріятель потерялъ около четырехъ сотъ человѣкъ убитыми и ранеными. Генералъ Сентъ При, начальствующій симъ корпусомъ, получилъ контузію въ плечо. Бонапарте, желая доказать, что громы его всегда готовы поражать тѣхъ, коихъ вооружило противъ него его тиранство, хотѣлъ, чтобы Генералъ сей, перешедшій въ Россійское подданство, былъ пораженъ также, какъ и Моро. Онъ полагалъ, что помрачитъ его память, упрекая опустошеніемъ своего отечества; какъ будто неизвѣстно никому, что ужасы революціи принудили фамилію Сентъ-При перемѣнить отечество и что Россійскія войска никогда бы не пошли во Францію, если бы не пришла Наполеону въ голову сумазбродная мысль изъ Кремлевскаго дворца предписывать законы Россіи. Послѣ тщетныхъ покушеній ретироваться на Лаонъ, непріятель отступилъ частію на Ретель, а частію

на Шалонѣ. Прусаки, присоединясь къ Блюхеру, извѣстили его о пораженіи, которое сей Генералъ весьма бы легко могъ предупредить, естьли бы не оставаясь въ своей позиціи, онъ воспользовался своими успѣхами. Съ помощію сей ошибки Наполеонъ занялъ Реимсъ, куда и вошелъ (14 Марта) въ два часа поутру при радостныхъ восклицаніяхъ тѣхъ самыхъ жителей, которые прежде съ восторгомъ приняли Козаковъ, а теперь встрѣтили Наполеона какъ избавителя. Войски его были подкрѣплены отрядами, пришедшими изъ Парижа. Онъ осмотрѣлъ ихъ и далъ новое образованіе. Въ сей день за горестію послѣдовала величайшая надежда; крестьяне, пришедшіе во множествѣ въ городъ, предались сильной радости и обнаружили сильное желаніе присоединиться къ арміи; посреди сего же народнаго восторга Г. Рузевиль, жертва приверженности своей къ Бурбонамъ, былъ разстрѣленъ за то, что писалъ къ Князю Волконскому.

Генералъ Мезонъ, коему поручено было защищать Брабантъ, нашелся принужденнымъ отступить за Марну, чтобы прикрыть прежнюю нашу границу. По-

лучивъ повелѣніе соединиться съ Антверпенскимъ гарнизономъ, онъ отправился къ Уденарду. Саксенъ-Веймарскій Герцогъ, наимянованный Генералъ Губернаторомъ Нидерландовъ, безпрестанно затрудняемый въ исполненіи своихъ обязанностей, собравъ многочисленный корпусъ, двинулся противъ него и принудилъ его отступить на Куртрай. Генералъ Мезонъ надѣялся удержаться въ семъ городѣ, но Прускій корпусъ, предводительствуемый Борстелемъ, соединясь съ Брабантцами, принудилъ его очистить оный также какъ и召Менинъ и ретироваться къ Лиллю. Карно желая споспѣшествовать сему движенію, сдѣлалъ вылазку, но узнавъ, что она не имѣла успѣха, опустошилъ окрестности и вошелъ въ Антверпенъ.

Военныя дѣйствія гарнизона крѣпости Бергенъ опъ-Цоомъ достойны быть изображены въ исторіи о блистательнѣйшихъ осадахъ, и я почитая долгомъ раскавать о защищеніи сей крѣпости, которая посредствомъ храбрости солдатъ и благоразумныхъ распоряженій начальниковъ, доставила намъ побѣду, тѣмъ болѣе зна-

меньшую и неожиданную. что оная одержена была надъ Генераломъ Томасомъ Грамомъ, столь ужасно прославившимъ себя при взятіи приступомъ Сенъ-Себастіана, и въ самое критическое время для нашего оружія. Побѣда сія довольнымъ служитъ доказательствомъ, что Французская храбрость при хорошемъ распоряженіи не предается унынію видя непостоянство щастія. Бергенъ опъ Цоомъ, защищаемый двумя тысячами семью стами воиновъ и блокированный сначала жителями той страны, смѣшавшимся съ небольшимъ числомъ Козаковъ, былъ осажденъ Англичанами. Желая лучше скрыть свои предпріятіи, они притворились, что ни мало не помышляютъ объ осадѣ крѣпости; но 8 Марта около десяти часовъ вечера, тѣмъ времянемъ, какъ гарнизонъ находился въ совершенной безпечности, они приложили лѣстницы къ валамъ, перешли черезъ подъемной мостъ и достигли главнаго вала.

Въ ту же минуту гарнизонъ вооружился. Генералъ Бизаннетъ приказалъ наблюдать за общественнымъ спокойствіемъ. Черезъ полчаса послѣ того другая непріятельская колона, съ помощію морскаго

отлива, овладѣла арсеналомъ и примыкающими къ оному двумя бастіонами. Къ сему мѣсту послано было вспоможеніе, какъ вдругъ ружейной огонь, гораздо сильнѣйшій двухъ первыхъ, раздался съ противулежащей стороны. Генералъ Гуръ съ своими войсками ударилъ съ боку на гарнизонъ. Уже раздавались восклицаніи Англичанъ, которые кричали находящимся снаружи, что скоро отворятъ имъ ворота. Новыя войска, предводительствуемыя Генераломъ Кукомъ входятъ также въ городъ безъ всякаго сопротивленія; они устремились по садамъ, заняли дома, стрѣляли изъ окошекъ по нашимъ солдатамъ и окружили ихъ со всѣхъ сторонъ.

Совсѣмъ тѣмъ артиллерія съ четырехъ бастіоновъ, остававшихся въ нашей власти и орудіи гарнизона стрѣляя картечью, поражали всѣхъ, которые являлись на улицахъ и площадяхъ. Патрули и отдѣлившіеся воины сражались часто одинъ на одинъ, военный запасъ истощился, и начали выдавать картечи. Тогда надежда возродилась между нашими солдатами и сраженіе снова началось съ чрезвычайнымъ жаромъ. На колонну Генерала Гура сдѣ-

лано сильное нападеніе. Она потеряла триста человѣкъ и положила бы оружіе, еслибъ не пришелъ на помощь полкъ Англинской гвардіи, который отразилъ одинъ изъ нашихъ баталіоновъ. Отрядъ сей, соединясь по зову Маіора Гуго де Невиль, составляетъ сжатую фалангу, которая въ свою очередь отражаетъ и самаго непріятеля. Наконецъ Генералъ Гуръ и многіе изъ знатнѣйшихъ Офицеровъ упадаютъ, бывъ смертельно ранены; пораженіе Англичанъ становится совершеннымъ и всѣ бѣгутъ къ бастіону, отъ котораго вступили въ крѣпость; но одна изъ ихъ колоннъ не въ силахъ будучи болѣе подвинуться впередъ, ни отступить назадъ, бросаетъ оружіе. Гарнизонъ снова занимаетъ всѣ трое воротъ, и во власти непріятеля остается только одна пристань, гдѣ сраженіе происходитъ съ величайшею яростію.

Около двухъ часовъ утра рѣшено было, пользуясь мѣсячнымъ сіяніемъ, составить три наступательныя колонны и отразить непріятеля за городскіе валы. Сіи колонны двинулись и опрокинули осаж-

дающихъ, которые упадали во рвы, среди коихъ разрушился ледъ, тѣ же, которые успѣли уйти, были поражаемы картечными выстрѣлами и по причинѣ морскаго прилива погрузились бы всѣ въ воду, если бы не начали махать бѣлыми платками умоляя о взятіи въ плѣнъ.

Войски Генерала Кука полагая, что не въ силахъ будутъ удерживаться, побѣжали изъ крѣпости съ помощію своихъ лѣстницъ. Совсѣмъ тѣмъ гвардейскій полкъ не уступалъ; ободренный своимъ Генераломъ, онъ защищался съ отчаяннымъ мужествомъ, на валахъ, въ садахъ и на улицахъ. Солдаты наши намѣрены были зажечь ту часть крѣпости, гдѣ полкъ сей показывалъ сильнѣйшее сопротивленіе, какъ вдругъ Полковникъ того же самаго корпуса, взятый уже въ плѣнъ, прибѣгаетъ къ своимъ соотчественникомъ и представляетъ имъ, сколь безполезно ихъ сопротивленіе. Въ туже минуту пальба прекратилась, Генералъ Кукъ сдался съ своими войсками, коихъ число превосходило гарнизонъ, восемь сотъ Англичанъ и два Генерала погибли въ сей атакѣ. На-

конецЪ четыре знамя служили трофеями сего знаменитаго сраженія (*).

Таковое происшествіе привело вЪ уныніе АнгличанЪ, а предводителя сдѣлало столь боязливымЪ, что не взирая на свое превосходство, онЪ не рѣшался ничего предпринимать до принятія 15 тысячъ ожидаемыхЪ имЪ Прусски о войскЪ, и ограничился сохраненіемЪ линіи отЪ Куртре до Шарлеруа. Крѣпость МобесЪ, хотя была лишена всѣхЪ необходимостей, совсемЪ тѣмЪ не устрашилась грозныхЪ требованій; женщины и дѣти готовились отражать непріятеля. Сей благородный потріотизмЪ напоминалЪ то достопамятное время, когда всѣ Французы сами умѣли защищать свои стѣны.

Не взирая на успѣхи СоюзниковЪ, ни одна изЪ крѣпостей нашихЪ еще не здалась и все заставляло надѣяться, что храбрость неустрашимыхЪ ихЪ гарнизоновЪ будетЪ славно вознаграждена. ГюнингенЪ

(*) Смотри извѣстіе обЪ осадѣ БергенЪ опЪ-ЦоомЪ 8 и 9 Марта 1814, Полковника инженернаго Леграна и донесеніе Генерала Грагама Англійскому Министерству,

изобильно снабженный съѣстными припасами, мужественно отразилъ нападенія Австрійцевъ, бомбардировавшихъ крѣпость. Солдаты, заключенные въ Бефортѣ, дѣлали частыя вылазки для доставленія себѣ съѣстныхъ припасовъ, и отняли у непріятеля много орудій, коими они защищали стѣны. Гарнизонъ Нейбриссака, вмѣстѣ съ Шлетстадскимъ, дѣлалъ частые набѣги; Стразбургскія войска нанесли осаждающимъ многочисленные уроны.

Наконецъ защитники главнѣйшихъ сѣверныхъ крѣпостей равнялись храбростію съ охранителями Реинскихъ крѣпостей и часто были подкрѣпляемы Французскими плѣнниками, коихъ они освободили. Послѣдствія столь неизвѣстной брани заставили бы непріятелей страшиться своего вторженія, если бы они не были увѣрены, что великое ихъ предпріятіе достигаетъ окончанія.

Въ продолженіе трехдневнаго пребыванія Наполеона въ Реимсѣ онъ находился въ ожиданіи рѣшительнаго послѣдствія переговоровъ, происходившихъ въ Шатильонѣ, назначенное для которыхъ время уже истекло; онъ спѣшилъ послать

Герцогу Виченскому новое полномочіе и слухъ о скоромъ заключеніи мира, столь казался вѣроятнымъ, что въ главной квартирѣ не сомнѣвались болѣе о подписаніи онаго. Уполномоченные Союзныхъ Государей, вручили Герцогу Виченскому статьи трактата, сходствующія съ основательными предложеніями, на которыя согласился Наполеонъ, извѣстили его чрезъ Г. Стадіона, что Бонапарту позволяется представить собственный проектъ, но такъ чтобы оный согласовался съ условіями, предложенными Союзными Государями. Герцогъ Виченскій немедленно извѣстилъ Бонапарта, что дѣла находятся въ такомъ положеніи, что военныя происшествія имѣютъ весьма слабое вліяніе на основательныя статьи мирнаго трактата. »Если отвѣтъ, полученный Вашимъ Величествомъ отъ Австрійскаго Императора не даетъ полной надежды на совершенное заключеніе мира, то я не вижу (изъяснялъ онъ ему въ одномъ изъ своихъ писемъ), чтобы осталась какая либо надежда трактатовать о мирѣ на условіяхъ, противныхъ Франкфуртскимъ объясненіямъ. Бонапарте получилъ сіе письмо

въ Лафертѣ Сужуаръ, въ ту минуту, когда онъ надѣялся подъ стѣнами Соасона нанести послѣдній ударъ Силезской арміи. Отвѣтъ его, внушенный кичливостію, каковую подавала ему пріобрѣтеніе побѣды, состоялъ въ такомъ смыслѣ, что онъ хочетъ оставить Французскую Имперію въ прежнихъ ея предѣлахъ и что необходимо должно изыскать средства, чтобы получить подробныя свѣдѣнія о будущемъ установленіи Европы.

Виченскій Герцогъ не почелъ за нужное сообщить сей депеши, коей одинъ духъ могъ произвести разрывъ; онъ снова отписалъ къ Бонапарту, ясно обьявляя ему, что если онъ не приметъ требуемаго проэкта, то все погибло. Къ таковымъ причинамъ Министръ сей прибавлялъ еще могущественнѣйшія, извѣщая Наполеона, что его посѣщалъ дипломатическій агентъ, коему Князь Меттернихъ препоручилъ сдѣлать ему выговоръ за письмо, писанное къ Францу II, и что сей Государь, истощивъ всѣ средства къ удержанію Союзныхъ Государей, найдетъ себя принужденнымъ склониться на ихъ желанія, если Наполеонъ не поспѣшитъ заключеніемъ мира.

Конгресъ продолжался до 15 Марта. Какъ скоро наступилъ сей день, то Герцогъ Виченскій вручивъ уполномоченнымъ Союзныхъ державъ проэктъ Бонапарте, который ясно доказываетъ, что злополучія не перемѣнили его характера. Хотя онъ приведенъ былъ въ самое критическое положеніе, совсемъ тѣмъ требовалъ сохраненія своего могущества, несовмѣстнаго съ возстановленіемъ системы равновѣсія и несоразмѣрнаго съ прочими важнѣйшими Европейскими Государствами; онъ хотѣлъ удержать всѣ позиціи посредствомъ коихъ правительство его угрожало всѣмъ престоламъ и произвело толикія смятенія; желалъ чтобы члены его фамиліи были помѣщены на чужестранные престолы, и чтобы самая та имперія, которая въ продолженіи столькихъ лѣтъ поддерживалась силою оружія, все еще повелѣвала участію Королей и народовъ.

Уполномоченные союзныхъ державъ, въ послѣднемъ засѣданіи, происходившемъ 18 Марта, отвѣчали, что они видятъ изъ ходу дѣлъ, что Французское правительство старается продолжать безплодные переговоры: ибо въ проэктѣ своемъ На-

полеонъ представляетъ виды совершенно противные тѣмъ, какіе державы почитали необходимыми для возстановленія общественнаго порядка, и что продолженіе оныхъ послужитъ единственно къ заблужденію народовъ, для коихъ миръ сдѣлался главнѣйшею необходимостію; тѣмъ временемъ Бонапарте получилъ извѣстіе, что жители Бордо скоро обнаружатъ себя въ пользу Бурбоновъ; что Вандейскій департаментъ готовъ также свергнуть его владычество, и что въ Вогезской провинціи Графъ д'Артуа былъ принятъ съ восторгомъ. Тогда онъ почувствовалъ, но уже поздно, что исполняется все то, о чемъ заранѣе его извѣщали. Желая предупредить таковыя дѣйствія, онъ поспѣшилъ отправить къ Виченскому Герцогу (17 Марта) уполномочіе заключить миръ, на какихъ бы то ни было условіяхъ; но черезъ два дни послѣ того непріятели перехватили одну изъ его депешей, заключающую въ себѣ наставленіи для сего Министра, коими уполномочивая его подписать трактатъ, предлагаемый Союзными Государями, онъ писалъ: не смотря на условія, надобно сыскать какой ни-

будь предлогъ, чтобы отложить на неопредѣленное время здачу Антверпена, Маинца и Александріи, которые онъ называлъ тремя главнѣйшими ключами имперіи (*).

Чужестранные Государи почувствовали тогда, что продолжая переговоры при подобныхъ предзнаменованіяхъ, не достигнувъ того предмета, для коего составился союзъ, и подписавъ трактатъ, основанный на хитрости, изъ чистосердечія, значитъ обмануть ожиданіе народовъ и впасть въ сѣти общаго врага. Въ столь рѣшительную минуту они объявили, что одинъ только миръ можетъ обуздать сей духъ всеобщаго обладанія безпримѣрный въ лѣтописяхъ исторіи; что миръ долженъ быть общимъ въ Европѣ, и всякой другой безполезенъ. Наконецъ они объявили, что Франція, угнетенная всѣми бѣдствіями, никому не должна приписывать претерпѣваемыхъ ею страданій, кромѣ своего властителя, которой не жалѣя крови под-

(*) Рѣчь, говоренная Лордомъ Кастельре въ Нижнемъ Парламентѣ, 28 Апрѣля 1813.

данныхЪ, жертвуетЪ общественною пользою личной своей выгодѣ (*).

ВЪ сіе время Англійскіе Дипломаты представили СоюзнымЪ ГосударямЪ планЪ, состоящій вЪ возведеніи БурбоновЪ на Французскій престолЪ, о которомЪ хотя прежде они и сообщали, но не на вѣрное. До того времяни политика почитала неблагоразумнымЪ признать оный, ибо опасались, чтобы не воспротивился тому Вѣнскій дворЪ; но когда узнали, что упорство Наполеона служитЪ непреодолимымЪ препятствіемЪ требованіемЪ сей державы, тогда дали ей замѣтить, что возстановленіе прежней династіи успокоитЪ воинскій духЪ, коимЪ Франція одушевлена, и что тогда она не будетЪ препятствовать честолюбивымЪ ея видамЪ на Италію. ТакимЪ то образомЪ Австрійскій ИмператорЪ, заглушивЪ вЪ сердцѣ своемЪ родительскую горячность, вторично согласился принести вЪ жертву дочь свою, надѣясь симЪ пожертвованіемЪ пріобрѣсти тишину Европы. КакЪ

(*) Провозглашеніе СоюзныхЪ ДержавЪ, послѣ разрыва Шатильонскаго Конгресса.

скоро Лордъ Кастельре узналъ, что Союзные Государи согласны принять сей планъ, поспѣшилъ извѣстить Графа д'Артуа о ихъ опредѣленіи и побуждалъ его оставить Везулъ. Получивъ сіе извѣстіе, Принцъ отправился въ Нанси, гдѣ онъ удобнѣе могъ соединить вокругъ себя всѣхъ тѣхъ, кои сохранили еще воспоминаніе о благодѣяніяхъ, коими Франція обязана фамиліи Бурбоновъ.

Разрывъ Шатильонскаго Конгресса разрушилъ надежду на заключеніе мира, почитаемаго непреложнымъ важнѣйшими чиновниками и знатнѣйшими военачальниками. Какъ скоро получено было извѣстіе о семъ, то Генералы и статскіе люди почли сіе извѣстіе столь бѣдственнымъ, что старались держать оное въ тайнѣ, чтобы не привести въ унынiе гражданъ и не увеличить ихъ скорби. Послѣ объявленія Союзныхъ Государей, Шварценбергъ и Блюхеръ расположились съ большею неутомимостію продолжать военныя дѣйствія; они также объявили, что воюютъ не съ народомъ Французскимъ, но съ правительствомъ; что един-

ственное ихЪ желаніе состоитЪ вЪ возстановленіи порядка и спокойствія, и что необходимо должно, чтобы народЪ не принималЪ участія вЪ сраженіяхЪ, каковыя будутЪ имѣть сЪ врагомЪ человѣческаго рода, которой не хочетЪ возвратить того, что пріобрѣлЪ насильствомЪ; но народЪ не внималЪ таковымЪ увѣщаніямЪ: любовь кЪ отечеству поставляла ему обязанностію недовѣрять чужестранцамЪ! ТакимЪ образомЪ война продолжалась безЪ послѣдствій, кровь не переставала течь, около ста тысячь человѣкЪ погибло сЪ того времяни, какЪ Союзники переправились черезЪ РеинЪ. Цвѣтущіе города были разграблены, провинціи опустошены сЪ сѣвера и востока. Двѣ могущественныя арміи попеременно угрожали столицѣ, не вЪ силахЪ будучи вЪ оную проникнуть. Одного движенія Наполеона сЪ храбрыми воинами не достаточно было для опроверженія всѣхЪ предпріятій непріятеля.

СЪ обѣихЪ сторонЪ сЪ яростію сражались и всегда сЪ одинаковыми успѣхами; одни побѣждали многочисленностію, другіе отважностію и мужествомЪ, бывЪ предводительствуемы вождемЪ, знакомымЪ со

всѣми военными соображеніями. Толико желанный всѣми миръ удалился отъ Франціи, которая безъ онаго не могла благоденствовать. Провидѣніе въ своемъ правосудіи хотѣло, чтобы всѣ наши бѣдствія были изглажены добродѣтелями тѣхъ, коихъ мы осыпали оскорбленіями. Первое дѣйствіе, долженствовавшее предшествовать благополучному освобожденію отечества, принадлежало странѣ сосѣдственной съ колыбелью Генриха IV подъ покровительствомъ арміи, которая, сохранивъ въ Гишпаніи престолъ Бурбоновъ, провозгласила и во Франціи возвращеніе сей фамиліи, коихъ исторія соединена неразрывными узами съ исторіею нашихъ предковъ. Тщетно почести, богатства и слава оружія старались утишить горесть, чувствуемую нами объ отсудствіи Бурбоновъ; мы не находили благополучія; чтобы наслаждаться наконецъ сладостною свободою, надлежало соединиться подъ древнею хоругвію, которая оправдала свое наименованіе эмблемы мира и согласія, прекративъ ужасную вражду между просвѣщенными народами.

Мы уже видѣли, что Бордоскіе рояли-

сты давно находились въ сношеніи съ Людвикомъ XVIII. Благопріятствуемые происшествіями, они получили уполномочіе составить комитетъ, коего начальникомъ былъ Г. Тиффаръ Сентъ-Жермень; благоразуміе его и праводушіе внушали всеобщую довѣренность. Въ семъ комитетѣ, состоящемъ изъ большаго числа особъ, различныхъ сословій, находилось много художниковъ, коихъ усердіе тѣмъ болѣе достойно похвалы, что оное было весьма безпристрастно. Г. Гомбольтъ, подъ предлогомъ составленія благочестиваго сообщества, собралъ политическое общество, къ коему присоединился Людовикъ Ларошьжекеланъ, братъ знаменитаго владѣльца сего имени. Съ самаго начала революціи сія фамилія питала пламенное желаніе вспомоществовать возстановленію древней монархіи съ таковою твердостію и постоянствомъ, что ни опасности, ни гоненія, ни что не могло ее поколебать.

Комитетъ, собранный подъ руководствомъ Г. Таффарда С. Жерменя, долгое время разсуждалъ безъ всякаго заключенія. Предсѣдательствующій онымъ видя,

что Веллингтонъ стѣснилъ армію Далматскаго Герцога, и что Наполеонъ, пораженный союзными войсками не въ силахъ предпринять противъ Бордо, объявилъ, что движеніе партіи роялистовъ внутри Государства будетъ имѣть сильное вліяніе на рѣшеніе чужестранныхъ Государей, коимъ необходимо надобно доказать, что династія Бурбоновъ имѣетъ еще приверженныхъ.

Со времяни Ортескаго сраженія Веллингтонъ, уполномоченный своимъ правительствомъ, обнаружилъ гораздо благосклоннѣйшія расположенія въ разсужденіи Герцога Ангулемскаго и приглашалъ его пріѣхать въ главную свою квартиру въ С. Северъ. Послѣ отступленія Далматскаго Герцога, городъ Бордо отдѣлялся отъ Англійской арміи только дивизіею Генерала Даррико. Г. Таффаръ Сентъ-Жермень, коему были извѣстны сіи обстоятельства, воспользовался тѣмъ, чтобы послать. Г. Бонщаша Дюбарри, недавно пріѣхавшаго изъ Англіи, къ Ангулемскому Герцогу, съ письмомъ и нѣкоторыми изустными донесеніями. Въ Сентъ Северѣ сей Офицеръ нашелъ Гг. Ларо-

шежакелена и Кейріо, которые едва узнали, что Принцъ вышелъ на берегъ Франціи отправились къ нему въ Сентъ-Жанъ де Люцъ и обЪявили, что роялисты города Поату и Вандейской провинціи готовы защищать права Бурбоновъ. Герцогъ Ангулемской немедленно препоручилъ Г. Боншаму Дюббари сообщить Лорду Веллингтону о расположеніяхъ Бордосцевъ и представить ему, сколь необходимо отрядить къ сему городу корпусъ войскъ; ибо въ ономъ всѣ жители горятъ нетерпѣніемъ освободиться отъ жестокостей владычества Бонапарта.

Веллингтонъ полагалъ, что Государственные причины и превратность военныхъ дѣйствій могутъ принудить Союзныхъ Государей подписать съ Наполеономъ мирный трактатъ, и что тогда Роялисты, будучи открыты, низвергнутся въ бездну. Удерживаемый симъ великодушнымъ страхомъ, онъ противился просьбамъ Г. Боншама Дюбарри, также какъ не соглашался на убѣжденія Тулузской депутаціи и посланнымъ отъ Г. Ларомежакелена: столько-то Англійскій Генералъ былъ увѣренъ, наровнѣ со всею

Европою, въ безсиліи партіи Роялистовъ. Полагаясь болѣе на силу своего оружія, онъ велѣлъ посланнымъ остаться въ главной своей квартирѣ, сказавъ, что увѣрится въ истинѣ ихъ извѣщеній, какъ скоро переправится черезъ Адуръ.

Совсѣмъ тѣмъ Г. Бонтамъ не колебался и не унывалъ. Онъ изобразилъ съ такимъ жаромъ и съ такою силою пламенное желаніе и крайнюю необходимость, каковую чувствовали Гіенскіе Роялисты воспользоваться съ опасностію собственной жизни, столь рѣшительною минутою, что Герцогъ поколебался и требовалъ часъ времяни для размышленія. По истеченіи онаго Г. Бонтамъ возвратился къ Лорду Веллингтону и нашелъ его расположеннымъ вспомоществовать предпріятіямъ Роялистовъ. При прощаніи онъ сказалъ ему съ благосклонностію: вы можете увѣрить Герцога Ангулемскаго, что Фельдмаршалъ Бересфордъ завтра по утру двинется къ Бордо съ своимъ корпусомъ. Получивъ таковое извѣстіе, Принцъ отправилъ Г. Бонтама къ Г. Таффару съ извѣщеніемъ о рѣшеніи Лорда Веллингтона; онъ далъ ему наста-

вленіе въ успѣхъ своего предпріятія, препоручая какъ возможно болѣе щадить кровь, въ такомъ случаѣ, если кровопролитіе будетъ неизбѣжно.

Уже чрезвычайный Коммисаръ 11 военной дивизіи, лишась всей надежды спасти дапартаментъ отъ пребываніе непріятеля, издалъ скорѣйшее повелѣнія, что бы чиновники сложили съ себя должность и въ весьма неумѣренныхъ выраженіяхъ выдалъ прокламацію противъ Герцога Ангулемскаго. Немедленно приказано было очистить магазины и публичныя зданія. Для разрушенія двухъ строющихся фрегатовъ хотѣли зажечь верфь, но жители тому воспротивились. Генералъ Люилье, начальствующій Жирондскимъ департаментомъ, соединилъ только двѣ тысячи конскриптовъ, и полагая, что должно сражаться со всею Англинскою арміею, онъ отступилъ, будучи увѣренъ, что безполезное сопротивленіе подвергнетъ опасности и войско его и городъ Бордо.

Желая избѣгнуть оскорбительнаго волненія, каковое могло бы возбудить противное мнѣніе градскихъ чиновниковъ, Г. Таффаръ уже болѣе мѣсяца пригласилъ въ

свое сообщество Г. Тозіа, товарища Г. Линха, Бордосскаго Мера. Г. Линхъ, получившій недавно титулъ Графа и наименованный Офицеромъ почетной гвардіи, долженъ былъ остаться вѣренъ своимъ обязанностямъ; почему и полагали, что не смотря на любовь свою къ отечеству, должность его и особливо благодарность къ человѣку, отъ котораго онъ получилъ столько почестей, восторжествуетъ надъ всѣмъ; со всѣмъ тѣмъ Г. Ланхъ, въ сердце коего проникъ Г. Ларошжакеленъ, бывъ извѣщенъ о намѣреніяхъ роялистовъ Г. Монденардомъ, согласился имѣть свиданіе съ Г. Таффаромъ; открытія послѣдняго совершенно извлекли его изъ неизвѣстности. Онъ приступилъ къ плану роялистовъ и здѣлалъ распоряженіе вмѣстѣ съ Королевскимъ уполномоченнымъ, чтобы ускорить и обезпечить исполненіе онаго.

Послѣ многихъ опасностей, Г. Бонтамъ пріѣхалъ въ Бордо, въ ту самую минуту, какъ городъ сей былъ очищенъ отъ пребыванія войскъ и главнѣйшихъ чиновниковъ. Онъ далъ отчетъ Г. Таффару и предсѣдательствующему имъ совѣту о благополучномъ исполненіи своего порученія

и о приближеніи Герцога Ангулемскаго. Уполномоченный Короля видя, что не для чего болѣе колебаться, 11 Марта далъ писменное приказаніе всѣмъ начальникамъ образующимъ роты, заготовить бѣлые кокарды и надѣть оныя, какъ скоро Король будетъ провозглашенъ; равнымъ образомъ приготовили бѣлое знамя, чтобы поставить его на камнѣ церкви Св. Михайла. По прибытіи Фельдмаршала Вересфорда жители Рокфора и Базаса съ востортомъ приняли Герцога Ангулемскаго прежде, нежели Бордо объявилъ себя на сторонѣ Короля. По утру 12 Марта шумъ приближенія Англійскихъ войскъ разспространился со всѣхъ сторонъ; эстафеты скакали къ нимъ на встрѣчу, а депутаты, между коими находились Гг. Ларошежакеленъ и Бонтамъ, отправились для представленія Герцогу Ангулемскому желанія Бордосцевъ. Вскорѣ послѣ того пріѣхалъ Полковникъ Вивіанъ, отправленный къ Меру Маршаломъ Бересфордомъ, для возвѣщенія ему, что его Высокопревосходительство надѣется вступить въ союзный городъ, покорный Королю Людовику XVIII. Г.

Линхъ увѣрилъ его въ томъ. Вскорѣ послѣ того кавалерійской отрядъ Національной гвардіи отправился къ дому Мера для предложенія своихъ услугъ, желая сопровождать чиновниковъ въ ихъ шествіи. Меръ и товарищи его приняли сіе предложеніе; соединясь съ Королевскимъ уполномоченнымъ и членами Королевскаго Совѣта, они выступили изъ города. Новообразованныя роты разставлены были по дорогамъ, но съ повелѣніемъ не прежде надѣвать бѣлую кокарду какъ по данному сигналу.

Какъ скоро свита сія вышла за заставу, раздался пушечной выстрѣлъ; при семъ выстрѣлѣ знамя Бурбоновъ начало развѣваться на возвышеннѣйшей башнѣ; Меръ, показавъ на оное, сказалъ Фельдмаршалу Бересфорду: Генералъ! городъ, въ которой вы намѣрены вступить, не есть непріятельской и завоеванной; Августѣйшій Принцъ отъ крови нашихъ Государей, на встрѣчу коему летятъ сердца наши и которой въ сію минуту слѣдуетъ за вами, служитъ намъ вѣрною порукою, что вы не забудете, что Король нашъ Союзникъ вашего Государя. Примите ключи города

Борда, и вошедъ въ него, будьте свидѣтелемъ любви нашей къ Бурбонамъ. При изъявленіи своего восторга мы не забудемъ излить чувствованій признательности къ нашимъ избавителямъ (*). Сія рѣчь, оконченная восклицаніемъ: да здравствуетъ Король! привела въ смущеніе всѣхъ тѣхъ, которые ее слышали. Самъ Бересфордъ весьма благосклонно отвѣчалъ на оную. Болѣе десяти тысячь человѣкъ жителей, разсѣянные на дорогѣ, хотя большая часть изъ нихъ мало понимали все происходившее, видѣли въ семъ приключеніи конецъ всѣхъ своихъ бѣдствій, и слѣдуя примѣру, данному Меромъ, признали союзниковъ въ тѣхъ, коихъ за нѣсколько минутъ почитали непріятелями. Эмбеммы императорскаго правленія изчезли въ одно мгновеніе и бѣлыя кокарды, переходя изъ рукъ Національной гвардіи въ руки гражданъ, начали украшать видъ при единогласныхъ восклицаніяхъ: да здравствуетъ Король! Да здравствуетъ Герцогъ Ангулемскій; да здравствуютъ Бурбоны!

(*) Истинное донесеніе о происшествіяхъ въ Бордо 15 Марта 1814 года, описанное М. Ж. С. Ролланомъ.

Восхищеніе быстрѣе молніи проникло изъ одного конца города въ другой. Изъ каждаго дома, изъ каждаго окошка развѣвалось бѣлое знамя. Англичане и Португальцы съ сердечнымъ изліяніямъ стремились въ объятія жителей Бордо и раздѣляли ихъ восторгъ. Какое трогательное зрѣлище видѣть, какъ народы, бывшіе недавно врагами при одномъ имяни Бурбоновъ, заглушаютъ свою вражду и предаются благополучію, тѣмъ болѣе ощущаемому, что оного съ давняго времяни всѣ сильно желали и за нѣсколько передъ тѣмъ дней не смѣли надѣяться. Лордъ Бересфордъ былъ препровожденъ въ домъ Мера. Едва онъ вступилъ въ него, какъ вдругъ Г. Гишъ, явясь, возвѣстилъ о приближеніи Герцога Ангулемскаго. При семъ извѣстіи всеобщій восторгъ удвоивается, толпы народа стремятся на ту дорогу, по которой Принцъ долженствовалъ проѣзжать; всѣ лѣтятъ къ нему на встрѣчу сгарая нетерпѣніемъ пасть къ ногамъ его; всякой хочетъ коснуться его, поцѣловать прежде другаго руку, приносящую Франціи Божіе благословеніе. Посреди сей тѣсноты и стремленія не обнаружилась ни малѣйшаго

безпорядка и ничто невозмутило всеобщаго восхищенія.

Многочисленная свита молодыхъ роялистовъ сопровождала Г. Линха, вышедшаго навстрѣчу къ Герцогу Ангулемскому. Какъ скоро Принцъ подъѣхалъ, то Меръ сошелъ на землю и началъ говорить рѣчь; но восторгъ и сердечное изліяніе безчисленнаго множество народа препятствовали его слышать; онъ произносилъ одни только прерывающіяся слова; съ глазами, омоченными радостными слезами, и съ сердечнымъ умиленіемъ Меръ схватилъ руку, простертую Принцемъ, который обнявъ его, произнесъ сіи слова, достойныя внука Генриха IV: *забудемъ прошедшее и будемъ видѣть одно только благополучіе въ будущемъ*. Таковы были обѣщанія, данныя Герцогомъ имянемъ Короля, коего воли онъ былъ достойнѣйшимъ истолкователемъ.

Герцогъ Ангулемскій поѣхалъ къ соборной церкви, сопровождаемый безчисленнымъ множествомъ народа. Одни старались вспомнить черты лица его, другіе показывали его тѣмъ, которые никогда его не видали и всѣ его благословляли, видя

окончаніе долговременныхъ своихъ страданій. Самъ Герцогъ раздѣлялъ всеобщій восторгъ; онъ останавливался каждую минуту и каждую минуту воклицанія народа становились сильнѣе и продолжительнѣе; всякой стремился видѣть племянника Короля и оказать Августѣйшему супругу дочери злополучнаго Людовика XVI то уваженіе, каковое внушаетъ гонимая добродѣтель. Архіепископъ ожидалъ его при входѣ въ соборную церковь; онъ нехотѣлъ оставить Бордо, въ надеждѣ скоро видѣть исполненіе пламенныхъ желаній своего сердца. Церковь была украшена для принятія того, котораго почитали Ангеломъ мира, ниспосланнымъ съ небесъ. Восторгъ, возбуждаемый его присутствіемъ, былъ столь великъ, что и самое уваженіе къ святости мѣста не могло обуздать шумной радости, каковую всякой обнаруживалъ, чтобы съ большею силою выразить ощущаемыя имъ чувствованія. Послѣ благодарственнаго молебна, воспѣтаго и повтореннаго въ сердцахъ всѣхъ, Герцогъ Ангулемскій, желая доказать свою признательность жителямъ Бордо, отправился въ Ратушу и просилъ градскихъ

чиновниковъ изъявить гражданамъ, какъ много его трогаетъ пламенная ихъ любовь. Отштуда онъ былъ препровожденъ во дворецъ, куда бывъ безпрестанно останавливаемъ тѣснотою народа, не прежде могъ достигнуть, какъ при наступленіи ночи, коей мракъ былъ разсѣянъ блистательною иллюминаціею.

Потомъ появилась прокламація Бордоскаго Мера, въ коей сей градоправитель извѣщалъ о достопамятномъ происшествіи, которому онъ споспѣшествовалъ. Онъ радовался прибытію Принца и говорилъ, что его присудствіе перемѣнило въ союзниковъ раздраженные народы; увѣрялъ, что чужестранцы для того соединились, чтобы освободить народы отъ бича вселенной и замѣнить его Монархомъ-отцемъ, который одинъ можетъ укротить гнѣвъ Гишпанцевъ, противу коихъ мы ополчались съ вѣроломнѣйшимъ деспотомъ; наконецъ, что Бурбоны, оплакавъ ужасное опустошеніе, произведенное тираномъ, возникнувшимъ изъ своевольства и дерзости, забудутъ заблужденія, произшедшія отъ пустаго мечтанія о свободѣ.

Таковы были приключенія, происходившія 12 Марта въ Бордо. Сіе происшествіе важнѣйшее изъ всѣхъ, каковые только существовали въ городскихъ лѣтописяхъ доказываетъ, что ни военныя обстоятельства, ни страхъ не имѣли никакого вліяніе на поступки чистосердечныхъ и великодушныхъ полуденныхъ жителей. Надобно было необходимо имѣть нѣкоторымъ образомъ геройство, чтобы осмѣлиться провозгласить себя противъ Наполеона, въ ту минуту, когда всѣ еще признавали его владычество, и когда принявъ предлагаемый миръ, онъ могъ бы совершить ужасное мщеніе надъ тѣми, которые осмѣлились свергнуть съ себя его иго. Но какими мученіями долженствовала терзаться душа его, когда онъ узналъ, что въ то время, въ которое онъ хотѣлъ, чтобы возстала цѣлая Франція единственно за него, величайшій изъ Французскихъ городовъ призналъ непріязненное ему знамя и что воспоминаніе о Бурбонахъ, которое двадцатилѣтнія побѣды и завоеванія по видимому привели въ забвеніе, осталось еще начертаннымъ въ сердцахъ Французовъ. Сей примѣръ, опаснѣйшій для него

всѣхъ силій союзниковъ подобно електрическому пламени, разспростирался отъ одного конца Франціи до другаго и заставилъ предпочесть мудрое, мирное благопріятствующее истинной свободѣ правленіе Императорскому правленію, которое деспотизмомъ своимъ заставило посожалѣть о прошедшихъ времянахъ и посредствомъ плачевнаго честолюбія своего заначальника разрушило очарованіе и заставило забыть даже благородное чувствованіе славы.

КНИГА ОДИННАДЦАТАЯ

ПАРИЖЪ.

Большая Австро-Россiйская армiя, предводительствуемая Шварценбергомъ, воспользовавшись отсутствiемъ Наполеона, напала на корпусы Герцога Реджiо и Генерала Жерарда. Генералъ Дюгеимъ былъ принужденъ непрiятельскими движенiями очистить Баръ сюръ Объ и Баварцы заняли оный. Герцогъ Реджiо, согласно данному предписанiю, хотѣлъ овладѣть опять симъ городомъ, и Баварцы пали бы подъ ударами мужественныхъ воиновъ, начальствуемыхъ Графомъ Валми, естьли бы Графъ Витгенштеинъ не поспѣшилъ къ нимъ на помощь. Началось жаркое сраженiе; наши встрѣтили храбро непрiятеля, но когда пришли къ нему новыя вспомогательные войска, онъ сдѣлалъ общее нападенiе на бригаду Генерала Монтфора и на драгуновъ, пришедшихъ изъ Гишпанiи, которые хотя были подавляемы страшною

артиллеріею, но совсѣмъ тѣмъ оказали блистательнѣйшее мужество.

Герцогъ Реджіо, будучи не въ силахъ съ 15 тысячь человѣкъ стоять противу сорока-тысячной, арміи оставилъ поле сраженія и отступилъ на Вандеврь. Шварценбергъ и Витгенштеинъ ранами заплатили за сію выгоду. Посреди сраженія страшной пожаръ оказался въ Баръ сюръ Объ. Вскорѣ новое нещастіе довершило разореніе жителей; ихъ обвинили въ умышленіи на жизнь Принца Баварскаго Карла, когда первое наше нападеніе принудило войска его отступать. Подъ симъ сомнительнымъ предлогомъ городъ былъ преданъ грабежу.

Наполеонъ, вручивъ Герцогу Тарентскому начальство надъ войсками, оставленными на Оби, приказалъ ему отразить непріятеля за сію рѣку и овладѣть городомъ Лаферте. Сей Маршалъ, безпокоясь о положеніи Герцога Реджіо, оставилъ передъ симъ городомъ дивизію Брайера и конницу Генерала Милода, а самъ пошелъ съ остальными своими войсками къ Бару. Въ продолженіи того времяни Генералы Милодъ и Брайеръ, выдержавъ сильную атаку, сдѣланную Генераломъ Гіулау,

оставили Лаферте и соединились въ Фонтетѣ, гдѣ они узнали о злополучномъ послѣдствіи сраженія при Баръ сюръ Объ. Герцогъ Тарентскій отступилъ къ Баръ сюръ Сену; но (2 Марта) Наслѣдный Виртембергскій Принцъ и Гіулау напали на него и принудили очистить сей городъ. Въ окрестностяхъ Троа Маршалъ Макдональдъ и Герцогъ Реджіо устроились въ боевой порядокъ между Лобрессе-лемъ и Паллъо. Принцъ Евгеній Виртембергскій прогналъ насъ изъ сихъ деревень. Тѣмъ временемъ какъ кавалерія Графа Палена угрожала съ тылу нашей линіи, Баварцы преодолѣвъ переправу черезъ Барсъ, обошли Гилльотьерскій мостъ, который войска наши не могли защищать. Маршалъ Удино отступилъ на Троа; но кавалерія Графа Витгенштейна, ударивъ на него въ поспѣшной его ретирадѣ, овладѣла артиллеріею и захватила около тысячи человѣкъ въ плѣнъ, состоящихъ большою частію изъ старыхъ солдатъ.

Дивизія Дюгема, занявъ деревню Сентъ-Паръ, дала время арміи соединиться. Сія будучи разбита, не лишилась бодрости и оставила ночью Троа. Храбрый

ся арріергардъ занялъ позицію въ Вашери, за рукавомъ Сены, и рѣшился всѣмъ пожертвовать, чтобы дать способъ нашимъ колоннамъ удалиться. На другой день на разсвѣтѣ, онъ противупоставилъ сильное сопротивленіе Генералу Раевскому (*). Графъ Вреде, коему препоручено было сдѣлать атаку, требовалъ отъ Генерала Жерарда, чтобы онъ очистилъ городъ. Послѣдній отвѣчалъ, что онъ не прежде выдетъ, какъ въ восемь часовъ. Сраженіе началось снова, и Генералъ Себастіани, Губернаторъ Троа, объявилъ, что если прекратятъ пальбу, то чрезъ часъ армія выступитъ. По истеченіи сей отсрочки Австро-Баварцы нашли всѣ проходы загороженными, почему и нашлись принужденными обходить городъ. Таковая остановка и ночной мракъ, увеличившійся отъ густаго тумана, прекратили преслѣдованіе непріятеля.

Союзники снова заняли Троа, и авангардъ ихъ пошелъ къ Ножану и Мери. Гер-

---

(*) Сей Генералъ заступилъ мѣсто Графа Витгенштейна, раненаго 27 Февраля, во второмъ сраженіи при Баръ-сюръ-Объ.

цогъ Тарентскій, хотя былъ боленъ, но начальствовалъ арміею, простиравшеюся не свыше 25,000. Съ таковыми слабыми средствами уронъ послужилъ бы къ совершенному его пораженію, а успѣхъ не имѣлъ бы никакого послѣдствія. Зная, что Герцогъ сжегъ понтонные мосты, выстроенные на Сенѣ, и отступилъ на лѣвой берегъ, для занятія Провена и Нанжиса; средина союзной арміи ограничилась занятіемъ земель, лежащихъ между Іоною и Марною. Всѣ сіи движенія происходили до 6 Марта. Шварценбергъ, бывшій орудіемъ кабинета, колеблемаго между желаніемъ побѣдить и страхомъ восторжествовать, едва явился на берегахъ Сены, какъ и требовалъ, чтобы прежде, нежели идти далѣе, должно опредѣлительно развѣдать о положеніи Южной и Силезской арміи. Въ продолженіи осмидневной отсрочки, положенной на Шатильонскомъ Конгрессѣ, онъ занимался составленіемъ наступательныхъ и оборонительныхъ плановъ. Но какъ скоро Францъ II удостовѣрился въ безполезности усилій своихъ, чтобы склонить зятя покориться необходимости, онъ пріѣхалъ

въ Троа и положилъ съ союзными Генералами, что Наполеона непремѣнно должно укротить силою.

Въ то же время получено извѣстіе, что Южная армія, занявъ Масонъ, двинулась къ Ліону, и что Наполеонъ, пораженный подъ стѣнами Лаона, нашелся принужденнымъ отступить на Марну, Союзные Государи немедленно рѣшились идти къ нему на встрѣчу. Шварценбергъ перенесъ главную свою квартиру въ Понъ-сюръ-Сенъ, и отправилъ корпусъ Генерала Раевскаго на Вилленоксъ и Провенъ. Герцогъ Тарентскій, окружавшій послѣдній изъ сихъ городовъ, соединилъ войска свои съ войсками Герцога Реджіо. Наслѣдный Виртембергскій Принцъ, обошедъ линію, занимаемую обоими Маршалами, овладѣвъ Саномъ, двинулся къ Фонтенебло, а Платовъ къ Сезаннѣ.

Бонапарте, извѣстясь о семъ движеніи, не взирая на опасность оставить Силезской арміи свободной входъ въ Парижъ, рѣшился оставить Реимсъ (17 Марта) и идти сражаться съ Шварценбергомъ. Маршалъ Ней, коему ввѣрена была экспедиція на Шалонъ, выгналъ Прусаковъ изъ

сего города, съ восхищеніемъ былъ принятъ жителями, которые отправили депутацію къ Бонапарту, съ изъявленіемъ своей благодарности за освобожденіе, послѣ сороводневнаго рабства. Маршалъ Ней, увѣренный, что жители Шампаніи и Лотарингіи готовы возстать противъ непріятеля, вознамѣрился идти партизаномъ въ сіи провинціи, чтобы собрать гарнизоны и напасть съ тылу на союзниковъ; но предпріятіе его было не одобрено.

Получивъ извѣстіе, что Бонапарте приближается чрезъ Еперней и Вертю, Шварценбергъ отложилъ военные свои дѣйствіи противъ Герцога Тарентскаго и изъ Понъ-сюръ-Сенъ пошелъ къ Арсисъ-сюръ-Объ. Хотя Шалонъ былъ занятъ Маршаломъ Неемъ, но войска хотѣли двинуться къ сему городу, какъ вдругъ новыя донесенія извѣстили Австрійскаго Фельдмаршала, что Наполеонъ съ гвардіею своею приближается къ Планси. Послѣ многихъ разсужденій, союзники рѣшились переправиться чрезъ Объ, и вступивъ въ Траннь, занять ту же позицію, какая была въ день Ларотьерскаго сраженія; но Россійской Императоръ, предвидя опасность столь

боязливаго движенія, хотѣлъ, дать сраженіе между Троа и Арсисомъ. Мнѣніе Монарха было принято и даны приказанія къ соединенію арміи. Виртембергцы и корпусъ Раевскаго и Гіулау соединились между Троа и Шармономъ. Въ продолженіе сего времяни жители Планси исправили мостъ; авангардъ нашъ тѣмъ воспользовавшись, переправился черезъ Обь и опрокинулъ нѣсколько кавалерійскихъ отрядовъ.

Сильное прѣніе, каковое наканунѣ происходило въ совѣтѣ Союзныхъ Полководцевъ, и отдѣленіе корпуса Гіулау, подтверждали слухъ, что Австрійскій Императоръ отложился отъ союза. При семъ ложномъ извѣстіи Наполеонъ поспѣшно придвигается къ Мери и приказалъ гвардейскимъ драгунамъ переправиться черезъ Сену пониже сего города и преслѣдовать Австрійцевъ, о коихъ говорили, будто они отступаютъ на Троа и Дижонъ. Вскорѣ онъ узналъ свое заблужденіе и возвратился въ Планси. На другой день, предшествуемый корпусомъ Маршала Нея, Наполеонъ пустился въ путь со всею своею конною гвардіею и занялъ правый берегъ Оби;

гвардейская пѣхота послѣдовала за нимъ на противулежащій берегъ.

Едва онъ вступилъ въ Арсисъ, какъ донесли ему, что многочисленная непріятельская кавалерія расположилась на равнинахъ лѣваго берега Оби. Хотя Бонапарте зналъ, что она находилась тутъ для того только, чтобы прикрывать отступленіе, однако повелѣлъ Генераламъ Себастіани и Ексельману развѣдать о ихъ силахъ. Едва приблизились ихъ эскадроны, какъ непріятельская конница, подкрѣпляемая пѣхотою, явилась въ большомъ количествѣ. Первыя наши колонны, бывъ дурно расположены, увидѣли себя подъ огнемъ батарей, состоящихъ изъ 60 орудій. Положеніе сіе тѣмъ болѣе было затруднительно для сихъ войскъ, что въ случаѣ пораженія надлежало итти черезъ тѣсной проходъ, длиною около полумили, гдѣ надобно было проходить черезъ мосты посреди болотъ.

Сохраненіе Арсиса было для Наполеона весьма важно; онъ полагалъ напасть въ расплохъ на непріятеля, но противъ того, собственная его гвардія подвергнулась опасности. Уже конница наша начала от-

ступать передъ Русскою кавалеріею. Наполеонъ видитъ опасность; онъ летитъ на встрѣчу своимъ эскадронамъ и говоритъ имъ съ большимъ жаромъ: «развѣ вы не были побѣдителями при Шампоберѣ и Монтмиралѣ. Потомъ вынувъ шпагу приказываетъ снова нападать. Сказываютъ даже, что принявъ самъ начальство надъ войсками, онъ повелъ ихъ въ сраженіе, и что въ то время одинъ Козакъ ударивъ въ Наполеона копьемъ, могъ бы прекратить жизнь его, естьли бы одинъ изъ Офицеровъ не успѣлъ отвратить ударъ. Лошадь подъ нимъ была убита, а Мамелюкъ нѣсколько разъ вынималъ саблю, чтобы защищать его. Наконецъ Бонапарте въ семъ дѣлѣ оказалъ себя достойнымъ начальникомъ арміи, которой неустрашимости удивлялись сами непріятели.

Непріятель старался сдѣлать сраженіе жарчѣе. Маршалъ Ней съ горстію храбрыхъ воиновъ упорствуетъ близъ Торси, противъ нападеній Австро Баварцевъ, коихъ силы безпрерывно умножаются. Битва съ обѣихъ сторонъ происходитъ съ ужаснымъ кровопролитіемъ. Баварцы, опечаленные смертію Генерала Га-

бермана, начинаютЪ отступать, какЪ вдругЪ Руские гренадеры и кирасиры, подоспѣвЪ кЪ нимЪ на помощь, обращаются кЪ сраженiю. Наполеону совѣтовали переправиться обратно черезЪ Обь сЪ своею кавалерiею, и сЪ пѣхотою стараться о защищенiи Арсиса; но при захожденiи солнца гвардiя, пришедЪ изЪ Плансы, вступаетЪ вЪ линiю. ВЪ ту минуту ужасная канонада начинается, снова батальоны наши, хотя поражаемые, оставались непоколебимы подЪ стѣнами Арзиса и вскорѣ сей городЪ также, какЪ и деревня Торси, дѣлаются добычею пламени. Сiя кровопролитная битва продолжась цѣлой день и безЪ всякаго послѣдствiя; обѣ армiи сохранили прежнюю позицiю.

КакЪ скоро корпусЪ Герцога Реждiо и кавалерiя ГенераловЪ Дефранса и С. Жермена присоединились кЪ Наполеону, то онЪ сЪ нетерпѣнiемЪ началЪ ожидать слѣдующаго дня. На развѣтѣ (21 Марта) онЪ предсказалЪ, что союзники вѣрно отступили. ВЪ сей надеждѣ НаполеонЪ подвигается впередЪ сЪ намѣренiемЪ ихЪ преслѣдовать; но кЪ величайшему своему удивленiю находитЪ, что они укрѣпились

на Мениль-Контескихъ возвышеніяхъ съ войсками, гораздо многочисленнѣйшими, нежели наканунѣ, и въ неприступномъ положеніи. До втораго часу по полудни, обѣ арміи стояли въ строю и по всему видно было, что произойдетъ сраженіе. Уже войска наши прошли черезъ Арсисъ и расположились на равнинѣ; но едва они вступили въ линію, какъ Маршалъ Ней и Генералъ Себастіани представили Наполеону, что сраженіе, данное въ таковой позиціи и съ столь неравными войсками, подвергнетъ опасности послѣднія его средства. На сей разъ Бонапарте уважилъ ихъ совѣтъ; онъ приказалъ войскамъ переправиться обратно черезъ Объ; но вмѣсто того, чтобы соединиться съ корпусами Маршаловъ Мармонта и Мортье для прикрытія Парижа, армія двинулась къ Витри и Сентъ-Дизье.

Бонапарте приказавъ проѣхать мимо себя артиллеріи и обозамъ, осмотрѣлъ оныя, и потомъ поручилъ Герцогу Реджіо и Генералу Себастіани прикрывать отступленіе. Войска наши отступили въ большомъ порядкѣ и всѣ усилія наслѣднаго Виртембергскаго Принца и Гіулау

обратились въ ничто передъ храбростію сего арріергарда, который противился сильнѣйшимъ нападеніямъ. Въ полночь мостъ при Арсисѣ былъ разрушенъ и Герцогъ Реджіо съ тремя бригадами, пришедшими изъ Гишпаніи, соединился съ Маршаломъ Макдональдомъ, какъ скоро армія прошла дурныя Витрійскія дороги.

Сначала полагали, что сіе отступленіе, произведенное посреди дня и въ виду непріятеля, имѣло цѣлію отвлечь союзныя войска отъ столицы, для того чтобы найти выгодное мѣстоположеніе. Между различными толкованіями разглашенными съ намѣреніемъ изъяснить таковое непонятное движеніе, я почитаю за нужное извѣстить объ одномъ предпріятіи, которое приписываютъ Наполеону. Онъ хотѣлъ идти съ войсками въ Бургонію, въ надеждѣ соединиться съ Кастиліонскимъ Герцогомъ, полагая на вѣрное, что Герцогъ сей, согласно съ даннымъ ему повелѣніямъ съ новопришедшими къ нему вспомогательными войсками, отразилъ Генерала Бубна почти до верховья рѣки Саоны. Но бездѣйствіе Герцога споспѣшествовало корпусу Біанки и резервнымъ

войскамъ, квартирующимъ въ Бургоніи, соединиться съ Южною арміею, которой число простиралось тогда до 50 тысячь, надъ коими принялъ начальство Принцъ Гессенъ-Гомбургскій.

Генералъ Маршанъ, дошедъ до Женевы, отступилъ передъ Графомъ Бубна, который съ шестью тысячами человѣкъ освободилъ сей городъ. Въ Саонской равнинѣ Принцъ Гессенъ-Гомбургскій равномѣрно принудилъ насъ очистить Лонъ-Ле Солнье. Наконецъ Австрійская армія не останавливаясь придвигалась къ Ліону, но Герцогъ Кастигліонскій отступалъ до Лимонесской горы, гдѣ и сдѣлалъ нужныя распоряженія для сраженія. Хотя число войскъ нашихъ втрое было менѣе Австрійскихъ, но Французы храбро сражались, и на мѣстѣ битвы легло около трехъ тысячь Австрійцевъ. 13 Кирасирскій и 7 Линейный полки поддерживали нападеніе съ блистательною храбростію; они отняли обратно у непріятеля артиллерійскій резервъ, которымъ уже онъ овладѣлъ.

19 Марта Принцъ Гессенъ-Гомбургскій ничего не предпринималъ. Въ слѣдующій

день войска его расположились на Мондорскихъ холмахъ. Въ деревнѣ Дардилли происходило кровопролитное сраженіе, въ коемъ отличился Генералъ Естевъ. Деревни нѣсколько разъ брали и отнимали. Французы, будучи принуждены вступить въ позицію, занимаемую Генераломъ Дижономъ, мужественно выдерживали усилія непріятеля, какъ вдругъ является Кастигліонскій Герцогъ и присутствіемъ своимъ и рѣчами оживляетъ храбрость нашихъ солдатъ, удрученныхъ многочисленностію; по его гласу неустрашимые наши воины устремляются на Австрійцевъ занимавшихъ Дюшерскія возвышенія; сраженіе начинается съ новою яростію и артиллерія наша производитъ чудеса. 13й Кирасирскій полкъ отбилъ батарею, состоящую изъ 6 орудій и разбилъ батальонъ, желавшій подкрѣпить оную; равнымъ образомъ эскадронъ 4 гусарскаго полка разбилъ полкъ непріятелей на Клермонтской дорогѣ и взялъ въ плѣнъ Полковника съ четырьмя стами рядовыхъ. Не взирая на сіи блистательные дѣла, войска наши не могли долго противиться столь многочисленнымъ соперникамъ, и отступили въ

Везское предмѣстіе, гдѣ Австрійцы произвели ужасную тревогу, бросая бомбы.

Начальникамъ Ліона прислано было предписаніе отъ правительства не оставлять ни жителей, ни жилищъ въ мѣстахъ, занятыхъ непріятелемъ, и они боялись, чтобы агенты, посылаемые Парижскою полиціею, не побуждали къ исполненію сихъ безчеловѣчныхъ повелѣній; сказываютъ даже, что листы объ изгнаніи жителей были уже выставлены, и что Градоначальники и главнѣйшіе жители, которые станутъ говорить о здачѣ, будутъ назначены къ смертной казни. Желая предупредить сіи постыдныя злоумышленія, умножили вездѣ число смотрителей, а національная гвардія находилась подъ ружьемъ, для удержанія злодѣевъ.

Въ таковомъ затруднительномъ обстоятельствѣ Герцогъ Кастигліонскій созвалъ совѣтъ, составленный изъ чрезвычайнаго коммисара, Префекта, Г. Албона Мера и его товарищей, которыхъ извѣстилъ о превосходствѣ силъ непріятеля, о ожидаемой имъ помощи отъ Наполеона и о полученныхъ повелѣніяхъ. Онъ и Сенаторъ Шапталь спрашивали, намѣрены

ли жители защищаться и чего можно надѣяться отъ національной гвардіи. Г. Албонъ отвѣчалъ, что городъ, за недостаткомъ съѣстныхъ припасовъ, имѣетъ только на четыре дни продовольствія; что непріятель занимаетъ возвышеніе и что Ліонъ будетъ въ ихъ власти даже и тогда, когда жители рѣшатся сдѣлать изъ него вторую Сарагоссу. Тогда Г. Сенневиль, одинъ изъ его товарищей, прибавилъ, что Императоръ почиталъ правиломъ, чтобы большіе города не принимали участія въ военныхъ происшествіяхъ; что Ліонцы утомились уже жертвуя своими пособіями и кровію системѣ безпрерывной войны, которая уже разрушила городъ также, какъ и Францію, и сверхъ того угрожаетъ еще ужаснѣйшими бѣдствіями; что возстаніе жителей и другія средства, предписанныя правительствомъ, есть отчаянныя мѣры, которыя не только не принесутъ никакой помощи, но еще болѣе умножаютъ страхъ. » Я не знаю, прибавилъ онъ съ жаромъ, чтобы градскіе чиновники были обременены большею отвѣтственностію, но не далека та минута, въ которую обвиняемые, если

есть они, сдѣлаются сами обвинителями. Опаснѣйшіе враги наши заключаются не въ станѣ непріятелей; нѣтъ, они между насъ самихъ. Эти люди, коихъ мы почитаемъ нашими соотечественниками, ожидаютъ только безпорядковъ, каковые произойдутъ при бомбардированіи, чтобы довершить разрушеніе втораго города во Франціи, который мы должны почитать долгомъ сохранить для отечества, для Европы и для самихъ насъ (*).

Маршалъ Ожеро, коего имя было всегда знаменованіемъ отважности и храбрости, на сей разъ ослабѣлъ духомъ отъ военныхъ ужасовъ, и допустилъ себя увѣрить, что Ліонъ, который съ одними только жителями выдержалъ достопамятную осаду противъ могущественныхъ республиканскихъ армій, не можетъ удержаться нѣсколько дней, въ то время, когда сверхъ жителей можетъ выставить противъ непріятеля двадцать тысячь воиновъ и когда десять тысячь старыхъ

(*) Записки о военныхъ и политическихъ приключеніяхъ, происшедшихъ въ Ліонѣ въ 1814 и 1815. изданныя Г. Герре.

солдатъ идутъ къ нему на помощь. Но Маршалъ, доблественный защитникъ Франціи, приказалъ отступить и отправился, предшествуемый и послѣдуемый множествомъ городскихъ чиновниковъ, оставя городъ на произволъ жителей.

Очищеніе города происходило въ совершенномъ порядкѣ. Національная гвардія заняла посты, занимаемые нашими войсками; жителямъ запрещено было выходить изъ домовъ. Генералъ Дижонъ, начальствующій аррієргардомъ, переправился черезъ Рону около шести часовъ утра. Въ продолженіи сего времяни Кастигліонскій Герцогъ учредилъ главную квартиру сначала въ Віеннѣ, а потомъ въ Валансе, для охраненія Изерской линіи, за которую отступили Генералы Дессе и Маршанъ. На разсвѣтѣ градское общество отправило парлементера въ главную квартиру Принца Гессенъ-Гомбургскаго съ предложеніемъ городскихъ ключей и съ прозьбою миролюбиво вступить въ городъ. Начальники города предстали передъ Принца гораздо позже, чтобы дать время удалиться отступающей Французской арміи. Принцъ, принимая ихъ, обка-

деживалъ ихъ въ своемъ великодушіи и увѣрилъ, что національная гвардія будетъ служить вмѣстѣ съ Австрійцами. Марта 22 въ 11 часовъ двадцать тысячь человѣкъ вступили въ городъ. Увидя такую малочисленность, народъ удивлялся отступленію Маршала Ожеро и обнаружилъ противъ него явное негодованіе; но вскорѣ послѣ того другія колонны черезъ разныя заставы вступили въ городъ. Число непріятельскихъ войскъ простиралось до 40 тысячь, изъ коихъ двѣ трети двинулись на Віенскую дорогу, а остальныя назначены были составлять Ліонской гарнизонъ.

По прибытіи въ Валансе, Кастигліонскій Герцогъ получилъ извѣстіе отъ военнаго Министра о занятіи Бордо Англичанами и приказаніе отправить по почтѣ на Либурнъ шесть тысячь человѣкъ изъ десяти тысячь, ожидаемыхъ имъ изъ Каталоніи. Съ того времени Маршалъ почиталъ все погибшимъ и въ смущеніи своемъ, отъ сихъ столь злополучныхъ происшествій, онъ поспѣшилъ разрушить Изерскій мостъ, открывъ намѣреніе отступить въ Понъ-Санъ-Эспри,

чтобы не допустить Австрійцевъ переправиться черезъ Рону и воспрепятствовать соединенію ихъ съ Веллингтономъ.

Въ самое это время Императоръ Францъ II оставилъ главную квартиру союзной арміи и изъ Баръ-сюръ Объ отправился въ Дижонъ подъ предлогомъ имѣть сообщеніе съ южною своею арміею. При Шатильонѣ весь Дипломатическій корпусъ присоединился къ нему. 25 Марта онъ пріѣхалъ въ Дижонъ, гдѣ и обнародовалъ манифестъ, коимъ извѣщалъ, что миръ съ Наполеономъ не совмѣстенъ съ спокойствіемъ Европы; но возставая противъ его правительства, они ни слова не упоминали о правахъ Бурбоновъ. Отъѣздъ Австрійскаго Императора, по видимому, былъ необходимъ, ибо многіе причины не позволяли ему присутствовать при опроверженіи правительства, коего утвержденію онъ самъ вспомоществовалъ. Можно сказать за вѣрное даже и то, что союзники требовали его удаленія, чтобы предупредить то дѣйствіе, каковое могли бы произвесть надъ отцемъ слезы любимой дочери, которая испрашивая регенства, требовала установ-

вленія во Франціи рода правленія слишкомѣ вреднаго для политическихѣ видовѣ Англіи. Вѣ тотѣ самый день, вѣ которой Австрійцы вступили вѣ Ліонѣ, Шварценбергѣ, не зная, по какой дорогѣ совмѣстникѣ его направилѣ движеніе, приказалѣ Баварцамѣ, Виртембергцамѣ и корпусу Раевскаго слѣдовать за нимѣ. На другой день Генералѣ изѣ свиты его донесѣ Барклаю де Толли, что онѣ отбилѣ при Соммпюи 14 орудій у нашего аррієргарда и прислалѣ кѣ нему двѣ перехваченныя депеши Князя Нефшательскаго, коими извѣщали Герцога Тарентскаго, что Наполеонѣ пошелѣ на Жуанвиль. Барклай де Толли приказалѣ Генералу Дибичу вручить важныя сіи депеши Князю Шварценбергу, который получилѣ ихѣ вѣ Даммартенѣ, не осмѣливаяся ничего предпринять вѣ столь рѣшительномѣ обстоятельствѣ; онѣ отправился вѣ Пужи кѣ Россійскому Императору, для созванія военнаго совѣта, гдѣ и было положено, что такѣ какѣ Бонапартѣ рѣшился итти сѣ тылу союзной арміи, то Фельдмаршалѣ, не опасаясь сего движенія, долженѣ отправить всѣ свои войска на Шалонѣ для

соединенія съ Блюхеромъ. Не взирая на таковое рѣшеніе и не смотря на то, что Витри находился во власти Прусаковъ, Шварценбергъ выдалъ повелѣніе, которое по видимому болѣе клонилось къ тому, чтобы слѣдовать за Французскою арміею къ Сенъ Дизіеру, нежели идти на Шалонъ.

Таковое отвращеніе отъ плана, коего важность и необходимость всѣми были приняты, принудили Россійскаго Императора созвать тайной совѣтъ въ Соммпюи (24 Марта), на коемъ присутствовали Князь Волконскій и Генералы Барклай де Толли, Толь и Дибичь. Мудрый Россійскій Монархъ почиталъ за необходимость идти на Парижъ, увѣряя, что завоеваніе сей столицы лишитъ Наполеона общественной довѣренности; и что лживые его бюллетени заставляютъ еще жителей колебаться между нимъ и союзниками. Прочіе члены совѣта одобрили сіе мнѣніе, и вскорѣ послѣ того приказано сказать черезъ Генерала Толя Князю Шварценбергу, что Союзные Государи лишаются плода своихъ трудовъ, если будутъ колебаться въ то время, когда наступаетъ

минута исполненія пространнаго ихЪ предпріятія; что Франція, хотя утомленная игомЪ, предастся восторгу, если начальникЪ ея будетЪ побѣдитель, и что находясь вся вЪ расположеніи хитраго человѣка, она сдѣлается вЪ рукахЪ его непреодолимымЪ орудіемЪ; что должно принять лучшія мѣры и всѣ резервныя войска безЪ отлагательства должно двинуть кЪ Парижу. »МожемЪ ли мы найти другой случай, сказано было тамЪ, благопріятнѣе теперешняго, для достиженія нашей цѣли? НаполеонЪ удаляется отЪ своей столицы, сЪ которою соединено его владычество; воспользуемся сею ошибкою и соединимся сЪ БлюхеромЪ; совершивЪ наше соединеніе, мы перейдемЪ черезЪ Сену вЪ Парижѣ и тамЪ окончимЪ наши труды.«

Король Пруской находился вЪ отсутствіи; но Россійской ИмператорЪ ручался за его одобреніе. Сіе сильное рѣшеніе произвело такое дѣйствіе надЪ Генералами, что они не сомнѣвались болѣе вЪ успѣхѣ своего плана. Одушевляемая надеждою и исполненная мужества, союзная

армія двинулась къ Шалону для соединенія съ Блюхеромъ. Бонапарте, искусно противоборствуя сему соединенію до того времяни отдалялъ свое паденіе. Все предписывало ему упорствовать въ своихъ военныхъ дѣйствіяхъ, чтобы обратить въ ничто предпріятія непріятелей, которые съ величайшею твердостію переносили всѣ неудачи, желая достигнуть конца своихъ намѣреній.

Разпространили слухъ, что цѣлію неизъяснимаго марша Наполеона было предпріятіе захватить Графа д'Артуа; нашествіе Генерала Пире на Шалонъ, подтверждало сію догадку, тѣмъ болѣе несправедливую, что въ это время сей Принцъ долженствовалъ пріѣхать въ Нанси. Можно сказать за достовѣрное, что экспедиція сія была сдѣлана съ намѣреніемъ захватить Австрійскаго Императора и Дипломатическій корпусъ, о которыхъ знали, что они отправились въ Дижонъ; другіе полагаютъ, что Наполеонъ, не зная, что предпринять и увѣренный, что Парижъ можетъ нѣсколько дней выдержать нападенія непріятелей, рѣшился производить военныя свои дѣйствія въ тылу

союзной арміи. Слѣдующее происшествіе заставляетъ меня почитать послѣднюю сію догадку вѣроятнѣйшею.

Славный Друе, тотъ самый, который остановилъ въ Вареннѣ Людовика XVI, отправлявшій должность Подпрефекта въ Сентъ Менегу и выгнанный Пруссаками, узнавъ, что Союзные Государи намѣрены возстановить древнюю Монархію, почувствовалъ столь великой страхъ, что употребилъ все вліяніе, какое имѣлъ надъ жителями Арденскаго Департамента къ склоненію ихъ принять оружіе. Какъ скоро онъ составилъ многочисленное ополченіе, то извѣстилъ Бонапарта, что жители департаментовъ Марны, Мааса и Вогезскихъ горъ расположились ополчиться, и нетерпѣливо желая соединиться съ нимъ, умоляютъ его поспѣшить своимъ приходомъ. Наполеонъ тѣмъ болѣе вѣрилъ сему извѣстію, что онъ самъ побуждалъ къ возстанію жителей провинцій занятыхъ непріятелемъ, и посылалъ къ нимъ опытныхъ Офицеровъ, военные снаряды и орудія всякаго рода; а изъ сего и можно заключить, что надежда, которою польстилъ ему Друе, заставила его

сдѣлать ошибку, довершившую его паденіе. Такимъ образомъ, тотъ же самый человѣкъ, который былъ причиною смерти Людовика XVI, сдѣлался невольнымъ орудіемъ возстановленія трона Бурбоновъ.

Наполеонъ, переправясь черезъ Марну въ Фриньикурѣ, требовалъ, чтобы Витрійской гарнизонъ очистилъ городъ. Хотя армія хотѣла взять сей постъ, но Наполеонъ на то не соглашался, опасаясь останавливать путь свой для такого маловажнаго дѣла и пошелъ по Сенъ Дизіерской дорогѣ. Слѣдующая за нимъ союзная армія приближалась къ Витри, какъ Россійскій Императоръ получилъ извѣстіе, что Фельдмаршалъ Блюхеръ вступилъ въ Шалонъ. Вскорѣ послѣ того Генералы Чернышевъ и Винценгероде, составлявшіе его авангардъ, прибыли съ многочисленною кавалеріею. Имъ дано было повелѣніе слѣдовать и примѣчать за движеніемъ Наполеона. Въ ожиданіи, Блюхеръ остался на Марнѣ съ корпусами Воронцова и Сакена; корпуса же Іорка и Клейста изъ Епирне пошли по Монтмиральской дорогѣ. Наконецъ Генералу Бюлову державшему въ осадѣ Суасонъ, дано было пове-

лѣніе быть готовымъ къ походу на Парижъ.

Большая часть сего города, будучи свидѣтелями послѣднихъ успѣховъ Наполеона, все еще ласкалась надеждою, что онъ вскорѣ одержитъ рѣшительную побѣду, которая освободитъ Францію. Отягощенные тиранскою властію, но имѣя сердце пылающее любовію къ отечеству, не могли они вѣрить, чтобы чужестранцы опровергнувъ наше правительство, не стали умышлять на нашу свободу. Граждане въ молчаніи ожидали послѣдствія происшествій, а союзники съ большимъ поспѣшеніемъ приближались къ сей многолюдной столицѣ. Прежнія побѣды Наполеона, по видимому, заставляли весь народъ надѣяться на его щастіе. Сей народъ самъ собою составлялъ многочисленную армію сколько для защищенія жилищъ своихъ, столько и для сохраненія пріобрѣтенныхъ трофеевъ. Симъ поступкомъ они внушили чужестранцамъ полезный страхъ особливо же когда имъ пришло на мысль, что Наполеонъ можетъ приближиться и сжать ихъ между столицею и собою. Отступленіе ихъ, въ глазахъ народа, одушевленнаго

любовію къ отечеству, упоеннаго желаніемъ побѣды и жаждущаго мщенія было бы невозможно, и тогда не многіе изъ тѣхъ, которые переправились черезъ Рейнъ, могли обратно перейти черезъ сію рѣку, чтобы разсказать соотечественникамъ о своемъ пораженіи.

Одинъ изъ могущественныхъ Государей будучи увѣренъ, что легко вступить въ Парижъ, если только Бонапарте не преградитъ пути союзнымъ войскамъ, рѣшился явиться въ немъ какъ избавитель, если, какъ увѣряли его, достаточно будетъ одного его присутствія для прекращенія кровопролитной войны. Сія превосходная мысль такъ понравилась Союзнымъ Монархамъ, что Прускій Король, Князь Шварценбергъ, Министры и Генералы, увлеченные столь великодушными чувствованіями, всѣ съ радостію согласились вспомоществовать сему великому и отважному предпріятію, которое одно могло дать сей важной драмѣ щастливую развязку.

Россійской Монархъ мало безпокоился о совѣтѣ регентства, которой слабостію своихъ актовъ доказывалъ свое ничтожество; Онъ имѣлъ сношенія съ

Парижемъ, чтобы лучше знать расположеніе умовъ гражданъ; ибо рѣшеніе сего города всегда увлекало рѣшеніе цѣлой Франціи, и коего наружное спокойствіе приготовляло удивительное возмущеніе. Сія столица раздѣлялась на двѣ партіи: одна, состоящая изъ роялистовъ, основывала освобожденіе свое на возвращеніи Бурбоновъ; другая, хотя гораздо многочисленнѣйшая, но была не столь видна: ибо всѣ желанія ея стремились къ благоразумной свободѣ и она ожидала только благопріятнаго случая, чтобы обнаружить себя между послѣдними. Почти всѣ служили Наполеону; но большая часть повиновались ему или изъ страха, или по необходимости.

Роялисты, надъ коими начальствовали нѣкоторые изъ древнѣйшихъ дворянъ, желали опровергнуть Императорскій тронъ въ той надеждѣ, что въ царствованіе Бурбоновъ они снова отыщутъ права свои; но сія партія, не взирая на свое усердіе, была такъ мала и незначуща въ политическихъ дѣлахъ, что вѣрила ложной прокламаціи, изданной будто бы Наслѣднымъ Шведскимъ Принцемъ, въ коей

онъ изъявлялъ желаніе стараться о возвращеніи Людовика XVIII. Не сомнѣваясь въ достовѣрности сего неизвѣстнаго провозглашенія, Королевскій Комитетъ рѣшился вступить въ сношеніе съ Карломъ Іоганномъ и отправить агентовъ къ Графу д' Артуа съ представленіемъ ему хода дѣлъ и послѣдствія переговоровъ. По пріѣздѣ въ Ліонъ, Королевскіе Депутаты отнеслись къ Генералу Бюлову, которой увѣдомилъ ихъ, что Наслѣдный Шведскій Принцъ находится въ Литтихѣ; что онъ имѣетъ весьма мало вліянія на совѣтъ Союзныхъ Государей, и что если хотятъ заняться участію Бурбоновъ, то должно отнестись къ Россійскому Императору. (*)

Тогда большая часть агентовъ отъ того же комитета отправились къ сему Государю и увѣряла его, что Франція гнушается деспотизмомъ также, какъ и безначаліемъ и сожалѣетъ о добрыхъ Государяхъ, нѣкогда управлявшихъ ею; что въ ней заключаются ревностные роялис-

---

(*) Смотри журналъ Француза, сочиненный Графомъ Гень де Мотіаньякъ.

ты, и что классѣ людей, болѣе благопріятствуемый революціею, угнетенный и немощный, безпокоющійся о будущемѣ, желаетѣ также мира и свободы; что хотя сельскіе жители и начинаютѣ вооружаться, но они также будутѣ рукоплескать паденію Наполеона, если избавятся отѣ двойной тягости конскрипціи и отѣ тяготительныхѣ налоговѣ. Наконецѣ сіи агенты склонили Союзныхѣ Государей обѣявить, что они не будутѣ противиться желаніямѣ народа и почитаютѣ возвращеніе Бурбоновѣ залогомѣ прочнаго мира. Для лучшаго подтвержденія сказаннаго они не переставали повторять Союзникамѣ то, что Г. Витроль сказалѣ ихѣ Министрамѣ: «Приходите вѣ Парижѣ, и черезѣ недѣлю Наполеонѣ будетѣ лишенѣ престола.»

Россійскій Императорѣ, не питавшій никогда мысли предписывать Французамѣ выборѣ правительства, мало вѣрилѣ донесеніямѣ такихѣ людей, одушевленнымѣ вообще непримиримою ненавистію кѣ приверженцамѣ революціи, которую поселяло вѣ нихѣ оскорбленное самолюбіе и старые предразсудки. Но онѣ болѣе до-

вѣрялъ партіи, начальствуемой Княземъ Талейраномъ, составленной изъ людей отправлявшихъ важныя должности, которая по видимому имѣла согласное мнѣніе съ роялистами въ отношеніи къ главнѣйшему пункту, то есть въ желаніи низпровергнуть прежнюю Монархію; но сія партія хотѣла, чтобы она учреждена была на твердыхъ основаніяхъ и безъ злоупотребленій, каковыя находились въ прежнемъ правленіи.

Сношенія Князя Меттерниха съ Г. Талейраномъ могли заставить страшиться, что люди присоединившіеся къ сему впадшему въ немилость Министру для того только оставили Наполеона, чтобы лучше обезопасить имѣнія и чины свои, и положить Французскую корону на колыбель его сына. Союзники видѣли, что тогда могущественная Австрія подкрѣпится цѣлою Французскою Имперіею; въ таковомъ обстоятельствѣ Прусскій Король и Англинскіе агенты, соединились съ роялистами, тѣмъ временемъ какъ Австрійскіе Министры распространяли слухъ, что для Французовъ достаточно одного регенства. Наконецъ,

Наслѣдный Шведскій Принцъ имѣлъ также требованія на Французскій престолъ, и партизаны его уже занимались изысканіемъ ему сообщниковъ. Ничего еще не было извѣстно, какимъ образомъ кончится сіе великое предпріятіе, и ни что не поддерживало надежды партіи роялистовъ, которая въ самомъ Парижѣ состояла изъ малаго числа людей.

Въ таковой неизвѣстности, союзные Государи рѣшились согласоваться въ выборѣ правительства съ желаніемъ самихъ Французовъ. Но Россійскіе Министры, будучи прозорливѣе Австрійскихъ, положились въ томъ на Князя Талейрана, коего мнѣніе весьма уважили какъ революціонисты, такъ и приверженцы Бурбоновъ. Талейранъ привлекъ къ себѣ сердца роялистовъ, обѣщая имъ возвращеніе законныхъ Государей; увѣряя же, что учредится Конституціонное правительство, онъ заставилъ согласиться на свои виды многихъ изъ Сенаторовъ и Членовъ Гражданскаго общества. Наконецъ большая часть національной гвардіи обѣщала защищать дѣйствія первыхъ членовъ Государства и одобряла ихъ рѣшеніе. Съ того времени

полагали на вѣрное, что примѣръ рвенія оказанный въ столицѣ распространится по всѣмъ провинціямъ.

Какъ скоро былъ назначенъ сей планъ, то Блюхеръ, получивъ повелѣніе двинуть всѣ свои войска къ Парижу, и Винцегероде, отправленный къ Сенъ Дизіеру съ 10ю тысячами конницы и многочисленною артиллеріею, принялъ всевозможныя мѣры къ увѣренію Наполеона, что большая союзная армія его преслѣдуетъ, тѣмъ временемъ, какъ она поворотя отъ Витри тремя колоннами двинулась въ столицу. Прекрасная погода благопріятствовала сему важному движенію. Корпусы Маршаловъ Мармонта и Мортье, коихъ число простиралось только до 17 тысячъ, служили единственною преградою непріятелю въ толь великой опасности.

Извѣстно, что Наполеонъ оставивъ Марну и двинувшись на встрѣчу Шварценберга, предписалъ начальникамъ сихъ двухъ корпусовъ удерживаться между Соасономъ и Реимсомъ и прикрывать Парижъ, если Блюхеръ переправится черезъ Эну. Герцогъ Тревизскій, будучи принужденъ очистить Реймсъ, соединился съ своимъ

товарищемъ при Физмѣ, гдѣ Генералъ Венсанъ, стоящій въ Шато-Тьери, передалъ имъ повелѣніе Бонапарте слѣдовать чрезъ Еперней движенію главной своей арміи. Но такъ какъ городъ сей былъ занятъ Теттенборномъ, то они пошли на Шато-Тьери, чтобы присоединиться къ арміи Наполеона черезъ Монтмираль и Шампоберъ. Въ Вертю они нашли письма, адресованныя къ Теттенборну, которыя изъясняли намѣреніе, принятое Россійскимъ Императоромъ, чтобы совокупными силами идти на Парижъ. Но въ сихъ бумагахъ полагали видѣть скрытную сѣть и драгоцѣнное сіе открытіе осталось безполезно.

Оба Маршала подвигались съ безпечностію впередъ, не воображая, чтобы Наполеонъ могъ сдѣлать такую ошибку, чтобы идти съ тылу союзной арміи, какъ вдругъ Рагузскій Герцогъ, пришедъ въ Вертю, примѣтилъ многочисленную колонну и къ величайшему своему удивленію узналъ, что она непріятельская. Онъ немедленно отступилъ на Феръ Шампенуазъ (25 Марта). Кавалерія Генерала Раевскаго преслѣдовала его и захватила много поро-

ховыхъ ящиковъ и багажу. Цесаревичь Константинъ Павловичь начальствуя лично конницею, ударилъ на нашихъ Кирасировъ и пѣхоту вмѣстѣ съ Австрійцами и Виртембергцами. Войска наши стѣсненныя со всѣхъ сторонъ, не могли противиться столь многочисленнымъ силамъ, они отступили на Сезанну, оставя въ добычу непріятеля множество пушекъ и плѣнныхъ.

Близь Феръ Шампенуаза Союзные Государи услышавъ на правомъ крылѣ войскъ своихъ сильную канонаду, отозвали назадъ кавалерію, преслѣдующую Маршаловъ Мармонта и Мортье. Маршалы симъ воспользуясь, отступили на Аллеманъ. Громъ артиллеріи, нанесшій непріятелямъ безпокойство, произошелъ отъ сраженія одной Французской колонны, состоящей изъ пяти тысячь человѣкъ и начальствуемой Генералами Пактодомъ и Амеемъ, за которой слѣдовало безчисленное множество военныхъ припасовъ, посланныхъ Военнымъ Министромъ къ Наполеону. Французская колонна также хотѣла присоединиться къ арміи, но бывъ атакована близь Вильзене, старалась отступить къ Феръ-Шампе-

нуазу въ надеждѣ соединиться съ войсками Маршаловъ; но находясь между двумя союзными арміями, не могла уклониться отъ битвы; окруженная со всѣхъ сторонъ и состоящая частію изъ конскриптовъ и національной гвардіи, она сомкнулась въ каре и противилась пушечнымъ выстрѣламъ и кавалерійскимъ нападеніямъ.

Полковникъ Рапатель, закрывшій глаза Генералу Моро, и принятый Императоромъ Александромъ въ Россійскую службу, приближается къ Французской колоннѣ, которая, отчаясь въ побѣдѣ, по крайней мѣрѣ желаетъ умереть съ честію: « сограждане, закричалъ онъ солдатамъ, оставьте безполезное сопротивленіе, вы получите свободу! » Едва вылетѣли изъ устъ его сіи слова, какъ онъ палъ, пораженный двумя пулями. Благодѣтельный Россійскій Императоръ весьма сожалѣлъ о немъ; онъ видѣлъ въ немъ вѣрнаго друга великаго человѣка, коего память всегда была ему любезна. Хотя артиллерія ужасно опустошила ряды сей горсти воиновъ, со всѣмъ тѣмъ Руские противъ воли исторгнули ихъ отъ неминуемой смерти. Они сдались въ числѣ четырехъ тысячь, между коими находи-

лось семь Генераловъ. Сіи чиновники проходили мимо Россійскаго Императора, который чрезмѣрно выхвалялъ ихъ мужество.

Корпусы Маршаловъ Мортье и Мармонта и кавалерія Генерала Белліара, пробившись сквозь Прускія войска, занимавшія мѣстечко Сезаннъ, поспѣшно отступили по дорогѣ, ведущей къ Мо. Безпорядокъ и разстройство въ рядахъ Французскихъ солдатъ сдѣлались еще сильнѣе, когда внезапно пришли войска Іорка и Клейста, которыя прочистили себѣ путь къ Лаферте-Гошеръ, тѣмъ временемъ, какъ арміи Маршаловъ подходили къ сему городу (26 Марта). Дивизія Компаня, прошедшая уже оной, переправилась черезъ Марну въ Трилпортѣ. Герцогъ Тревизскій съ гвардейскою дивизіею тщетно предпринималъ очистить себѣ путь. Тогда оба Маршала двинулись полями къ Провену и послали въ Ножанъ дивизію Сугама, для обезпеченія Наполеону переправы черезъ Сену, предполагая, что онъ пройдетъ чрезъ Троа близъ Нанжиса. Они раздѣлились: Герцогъ Тревизскій укрѣпился въ Гинѣ, а Герцогъ Рагузскій пошелъ къ Мелюну. Въ Бриконтъ Роберъ

они опять соединились и вмѣстѣ пошли на Шерантонъ, чтобы занять позицію на возвышеніяхъ, прикрывающихъ Парижъ. Корпусы сіи въ различныхъ сраженіяхъ, безпрестанно происходящихъ, потерпѣли величайшую потерю; непріятель отбилъ также весьма много артиллеріи; по его вычисленію мы лишились около ста орудій.

Въ сихъ двухъ злополучныхъ остаткахъ корпусовъ число солдатъ равнялось числу Офицеровъ. Подлѣ стараго воина, который не взирая на свои отрепья, сохранилъ еще воинственный видъ, находились конскрипты, не достигшіе совершеннолѣтія, которые съ трудомъ могли нести оружіе, слишкомъ тягостное для ихъ слабыхъ рукъ; они забывали собственныя свои бѣдствія и помышляли единственно объ общественныхъ злополучіяхъ; претерпѣвая голодъ и безъ роптанія снося усталость, они обливались слезами, воображая, какому уничиженію подвергнулась прелестная наша Франція. Надежда прикрыть столицу до прибытія Наполеона, была единственная, услаждаю-

щая ихъ мысль, ліющая въ стѣсненную душу ихъ нѣкоторое утѣшеніе.

Главная квартира Шварценберга 27 Марта учреждена въ Куломье. Въ тотъ же день и Блюхеръ перенесъ свою въ Ла-ферте. На другой день они продолжали свой маршъ; одинъ долженствовалъ переправиться черезъ Марну въ Ланьи, а другой пошелъ къ Мо. Національная гвардія, смѣшанная съ регулярными войсками, хотѣла остановить Блюхера, но была разбита и лишена своего начальника. Генералъ Венсенъ, коему поручено было охраненіе Мо, разрушивъ мостъ, остановилъ на короткое время движеніе союзныхъ войскъ.

Всѣмъ было извѣстно, что оба корпусы, оставленные для прикрытія Парижа, тѣмъ временемъ, какъ Наполеонъ двинулся въ Шампанію, были разбиты и совращены съ настоящаго пути; но никто не могъ подозрѣвать, чтобы непріятель съ такою быстротою и особливо съ такими многочисленными силами придвигался къ столицѣ. Тѣ изъ Французовъ, которые занимались національною честію, или были привержены къ Наполеону, старались успокоить слабые умы и возбуждали на-

родъ вооружиться всемъ, что только отчаяніе представитъ глазамъ ихъ. Непріятель уже третій разъ приближается, говорили они; но развѣ войска наши не отражали его? Скрывая опасность, они увеличивали средства къ сопротивленію, и увѣщали жителей лучше погребстись подъ развалинами города, нежели позволить варварамъ вступить въ оной. Чтобы придать болѣе жару тѣмъ, которые намѣрены были защищаться, они увѣрили ихъ, что приближающіяся непріятельскія войска есть ничто иное, какъ заблудившаяся колонна, попавшая въ сѣть, разставленную Бонапартомъ.

Совсемъ тѣмъ опасность часъ отъ часу становилось сильнѣе. Напрасно многіе Офицеры, предшедствовавшіе Маршалу Мармонту, извѣщали Іосифа и членовъ Регенства, что приближается безчисленная армія, и что для удержанія оной должно употребить всѣ способы, какіе только можетъ выставить столица; но боязнь предпринять что либо безъ приказанія Наполеона удерживала ихъ въ бездѣйствіи, и тѣмъ временемъ, какъ союзныя войска подходили часъ отъ часу ближе, они

отправили курьеровъ въ Шампанію, прося повелѣній Бонапарта.

Не взирая на приверженность, обнаруженную Парижскою національною гвардіею, Наполеонъ недовѣрялъ ей и ничего не предписывалъ брату его на щетъ той выгоды, какую могъ извлечь изъ содѣйствія ея; онъ не хотѣлъ заняться образованіемъ оной, въ надеждѣ, что можетъ обойтись и безъ нее, и вмѣсто тридцати тысячь, которые они могли бы доставить, нашлось только 12, изъ коихъ только половинное число имѣли ружья и порохъ. Генералъ Орнано, начальникъ гвардейскихъ депо, собралъ четыре тысячи конскриптовъ и наскоро вооруживъ ихъ, составилъ дивизію, надъ коей начальство принялъ Генералъ Мишель. Войска сіи, пройдя мимо Тюльерійскаго дворца, заняли позицію на окрестныхъ возвышеніяхъ 27 Марта.

Со времени набѣга Нормановъ Парижане никогда не видали въ стѣнахъ столицы пріуготовленій къ сраженіямъ противъ чужестранныхъ войскъ. Въ первой еще разъ они услышали въ полночь глухой шумъ движущейся артиллеріи, кото-

рой безъ чрезмѣрнаго честолюбія Бонапарте никогда бы не раздался въ святилищѣ наукъ и художествъ. Сіи военныя распоряженія посреди города, почитаемаго обиталищемъ удовольствій и срединою промышленности, произвели горестное впечатлѣніе въ жителяхъ. Взирая на все сіе съ растерзаннымъ сердцемъ, они воображали, что весь городъ преданъ будетъ грабительству или пламени. Съ ужасомъ спрашивали другъ друга: но гдѣ же Императоръ? Что сдѣлалось съ его арміею? Какая будетъ наша участь, если онъ придетъ? Что мы будемъ дѣлать, если побѣдимъ, или сами будемъ побѣждены? По всюду слышны были однѣ только жалобы, стенанія и тревога черни непривыкшей къ терпѣнію, смѣшавшіяся съ рыданіями богачей, кои по роскоши своей никогда не знали горестей въ жизни.

Прусаки, понеся значительный уронъ при Клаіе, двинулись по Соасонской дорогѣ, а дорогу къ Мо оставили арміи Шварценберга. Генералъ Раевскій, идущій впередъ, приближился къ нашему арріергарду, укрѣпившемуся въ Вилъ-Паризисъ. Послѣ нѣсколькихъ легкихъ сшибокъ,

непріятель, для собранія войскѣ своихѣ, предложилѣ перемиріе на четыре часа. Генералы Компанѣ и Винценѣ согласились на то, вѣ надеждѣ вскорѣ получить подкрѣпленіе. У сихѣ двухѣ Генераловѣ оставалось только нѣсколько тысячь новобраннаго войска; для обороны не принято никакихѣ мѣрѣ; редуты, построеніемѣ коихѣ хвастались, даже не были начаты, и злополучные солдаты, которые уже нѣсколько дней сражались сѣ геройскою твердостію, сѣ трудомѣ находили хлѣбѣ. Наконецѣ послѣ сопротивленія при Шелле и Бонди, Генералѣ Компанѣ занялѣ позицію на Беллевильскихѣ возвышеніяхѣ.

Правительство старалось успокоить волненіе Парижанѣ и не переставало твердить о побѣдахѣ. Но когда гульбища, не давно еще украшаемыя блистательными экипажами и прекрасными женщинами, покрылись ранеными солдатами и поселянами, оставившими свои хижины; тогда ужасная истина представилась во всемѣ своемѣ видѣ и повергла вѣ смятеніе свидѣтелей сихѣ скорбныхѣ зрѣлищѣ. Тамѣ видны были крестьяне, влекущіе за собою остатки малаго своего

имущества; тамъ тащились телеги съ соломою, служащія постелею горестнымъ ихъ семействамъ; за ними шли стада ихъ, приносящія имъ пищу; но злополучные хозяева сихъ стадъ часто находились принужденными оставлять ихъ на дорогѣ не въ состояніи будучи заплатить подати, собираемой смотрителями за право впустить оныя въ городъ. Парижане бѣжали на встрѣчу сихъ бѣглецовъ, коихъ горестное положеніе возбуждало сострданіе самыхъ нечувствительныхъ душъ; они осыпали ихъ вопросами, и повѣствованіе о претерпѣнныхъ бѣдствіяхъ сими нещастными заставляло ихъ самихъ ожидать равныхъ злополучій.

Смятеніе и безпорядокъ царствовали на улицахъ и площадяхъ. Уныніе изображалось на всѣхъ лицахъ, а отчаяніе овладѣло сердцами всѣхъ. Всѣ знали, что Наполеонъ ожидаетъ сохраненія своей короны отъ сопротивленія Парижа, и что онъ предписалъ Министрамъ своимъ употреблять самыя насильственныя мѣры для предупрежденія здачи столицы. По его приказанію надлежало сдѣлать на стѣнахъ зубцы, а заставы запереть и

обнести оныя палисадами, улицы перерывъ канавами, выломать каменья, коими они были вымощены, и переносить его въ верхніе этажи домовъ, чтобы бросать ими въ непріятелей. Наконецъ Бонапарте приказалъ вооружить чернь, сжечь предмѣстія, взорвать мосты и отступивъ на лѣвой берегъ Сены защищать оный съ яростію, до той минуты, какъ онъ придетъ съ своею арміею. Страшась, чтобы варварскіе сіи повелѣнія не были исполнены, всякой пряталъ свои товары, зарывалъ сокровища; банки, лавки, магазины болѣе не отворялись; картежные игроки, которые изъ алчности къ деньгамъ призирали всѣ опасности, прекратили свои засѣданія, и домы, въ коихъ производилась игра, равномѣрно были заперты.

Какъ скоро войска наши оставили Пантень и все пространство, заключающееся между Монмартромъ и Сенъ Дени, Россійскій корпусъ Раевскаго перешелъ Бондійскій лѣсъ и 29 Марта по утру аванпосты его двинулись къ Лавиллету и Винсенскому лѣсу, для атакованія Французскихъ корпусовъ, соединившихся подъ стѣнами Парижа. При пер-

вомъ пушечномъ выстрѣлѣ, Министры, составлявшіе совѣтъ Регентства, безпокоясь о участи Французскихъ войскъ, собрались вмѣстѣ; сообщивъ другъ другу виды свои, они тѣмъ увеличили собственный страхъ и безъ притворства предались ужасу при видѣ близкой опасности; они измѣряли глубину оной и не сомнѣвались болѣе, что имперія наша, истощенная неравною борьбою, готова пасть. Будучи далеки отъ того, чтобы презирать бурю, сіи люди, столь кичливые, столь высокомѣрные во время своего благополучія, повергліись въ уныніе при оборотѣ щастія. Не взирая на то, что обѣщали своему властителю продолжительнымъ упорствомъ сдѣлать безсмертнымъ свое имя, они трепетали за великолѣпныя свои жилища, за сокровища, даже за жизнь свою и немедленно отправили къ Лоару многочисленные обозы, навьюченные собственнымъ ихъ имуществомъ и государственными сокровищами. Приказали поспѣшно очистить присутственныя мѣста. Наконецъ не взирая на нетерпѣніе свое оставить Парижъ, чиновники Императорской полиціи не прежде выѣхали изъ города, какъ предавъ

пламени всѣ тайные доносы и акты, коихъ сами были сочинителями, и которые лишивъ ихъ уваженія, заставляли трепетать устрашенныя ихъ души, скораго возвращенія правосудія, столь долгое время не признаваемаго ими.

Въ первомъ засѣданіи Совѣта Регентства рѣшено было, чтобы правительство и Марія-Луиза не оставляли столицы; говорятъ даже, что сія Государыня, одушевленная чувствованіями, достойными своего рожденія и сана, приняла намѣреніе предстать въ сопровожденіи двѣнадцати Парижскихъ Меровъ предъ Союзныхъ Государей для полученія выгоднѣйшихъ условій. Но какъ предпріятіе ея препятствовало плану тѣхъ людей, которые по сношенію съ Министрами Союзниковъ хотѣли удалить Регентство, чтобы намѣренія роялистовъ не были трудны для исполненія во время пребыванія дочери Цесарей, тогда вѣроломный Талейранъ (присягнувшій Людовику XVI, Робеспьеру, Республикѣ, Наполеону, Людовику XVIII и нынѣ удаленный отъ дѣлъ), по хитрости совѣтовалъ Маріи Луизѣ уѣхать, а Камбасересъ изъ стра-

ха принялъ сей совѣтъ; другіе утверждаютъ, что имянное повелѣніе было причиною сего рѣшенія; ибо Наполеонъ страшился, чтобы супругу и сына его не препроводили съ торжествомъ въ Вѣну; но симъ же самымъ повелѣніемъ Бонапарте предписывалъ брату своему Іосифу не выѣзжать изъ Парижа, развѣ въ послѣдней крайности.

Надлежало употребить силу, чтобы заставить Марію Луизу оставить Тюльерійской дворецъ. Она предчувствовала слѣдствія пагубнаго своего удаленія; глаза ея оросились слезами. Римской Король также плакалъ; горесть сего ребенка умножила скорбь Императрицы и увеличивала отвращеніе ея, причиняемое несноснымъ путешествіемъ. Побуждаемая всѣми своими совѣтниками, она сѣла въ карету, держа въ рукахъ сына, обливая его слезами. Горесть Августѣйшей Государыни разтрогала всѣхъ зрителей сей жалостной столицы; всякой сострадалъ, взирая на злополучіе, не перестающее преслѣдовать нещастную Государыню, которая бывъ супругомъ своимъ два раза выгоняема изъ того города, въ коемъ получила бытіе, бѣ-

жала отъ отца, изъ той столицы, надъ которою царствовала. Императрица и Римской Король выѣхали изъ Парижа въ провожденіи Министровъ и вельможъ въ ту самую минуту, когда національная гвардія пошла противъ непріятеля. Князь Тайлеранъ, какъ великій Вице-избиратель, долженствовалъ также сопровождать правительницу. Едва выѣхалъ за заставу, какъ подъ предлогомъ, что забылъ нѣкоторыя бумаги, онъ возвратился въ Парижъ, гдѣ уже все пріуготовилъ для исполненія своихъ намѣреній.

Марія-Луиза, удаляясь отъ Парижа, не могла отвратить омоченныхъ слезами глазъ своихъ отъ сего великаго города, въ которомъ она наслаждалась всѣми прелестями самодержавія, и въ коемъ знаменитые граждане обнаружили къ ней столь великодушную приверженность. Жестокія обстоятельства ея отъѣзда и разныя размышленія, пришедшія на память, привели ее въ самое жалостное положеніе. Отъ Парижа до самаго Рамбулье никто не произнесъ ни одного слова въ каретѣ, въ которой она сидѣла съ придворными дамами, равно огорченными; одни только

глубокіе вздохи Императрицы прерывали сіе мертвое молчаніе; сердце ея ужасно терзалось при воззрѣніи на сына и при воспоминаніи о положеніи своего супруга.

Парижская гвардія, исполненная патріотизма и мужества, располагалась сражаться, будучи увѣрена въ вспомоществованіи правительства. Сія горячность перемѣнилась въ негодованіе, когда она узнала, что члены Регентства вмѣсто того, чтобы самимъ подавать примѣръ мужества, осмѣливались, убѣгая изъ города, препоручить Парижанамъ стараніе о защищеніи столицы, которую сами оставили. Іосифъ Бонапарте, возвратясь съ возвышеній, лежащихъ близь Парижа, куда ѣздилъ онъ для рекогносцированія, имѣлъ совѣщаніе въ Тюльерійскомъ дворцѣ съ Герцогами Рагузскимъ и Тревизскимъ. Рѣшено было, чтобы первой изъ сихъ Маршаловъ занялъ съ Генералами Компанонъ и Орнано Романвильскую и Пантинскую позицію; а второй вступилъ въ линію между Каналемъ и Монмартромъ; на семъ возвышеніи Іосифъ учредилъ главную свою квартиру; остальныя войска долженствовали съ на-

ціональною гвардіею защищать окружности города не прикрываемыя арміею.

Присоединивъ къ корпусамъ Мормонта, Мортье и Компана отъ четырехъ до пяти тысячь человѣкъ, начальствуемыхъ Генералами Орнано и Мишелемъ, и шесть тысячь національной гвардіи, которые изъ собранныхъ двѣнадцати тысячь одни только могли вступить въ линію, нашли, что Парижъ для защиты своей выставилъ только тридцать тысячь обученныхъ солдатъ, между коими было пять тысячь конницы. Іосифъ, въ качествѣ Президента Регентства, былъ начальникомъ сей арміи; извѣстныя всѣмъ его свойства, неопытность, особливо же воспоминанія о поступкахъ его въ Гишпаніи, ослабили мужество воиновъ и давали имъ предусматривать, что самое героическое мужество подъ предводительствомъ неискуснаго сего начальника будетъ имѣть бѣдственныя послѣдствія. Потому ли что онъ имѣлъ тогда намѣреніе защищать столицу, отъ сохраненія коей зависѣло благополучіе его семейства, или лучше сказать потому, что онъ хотѣлъ прикрыть бѣгство свое хвастовствомъ: онъ

обнародовалъ прокламацію, коею успокоивалъ Парижанъ и обѣщалъ никогда не оставлять ихъ.

30 Марта, въ три часа утра, начали бить походъ во всѣхъ частяхъ Парижа. При семъ звукѣ, предвѣстникѣ сраженія, солдаты національной гвардіи, назначенной для подкрѣпленія дѣйствующей арміи, стремительно выходятъ изъ домовъ и спѣшатъ занять определенные ей посты; жены и дѣти ихъ со слезами стараются отвратить ихъ отъ сего намѣренія, которое можетъ навсегда похитить ихъ у семействъ; но честь призываетъ ихъ и дѣлаетъ нечувствительными къ гласу природы. Военные и большая часть гражданъ, не зная о предпріятіяхъ, умышляемыхъ различными партіями, и волонтеры къ нимъ присоединяются: ибо даже въ сей день Французы имѣли одинакую мысль; всѣ почитали первѣйшею обязанностію спасти столицу и повиноваться Правительству, коего проступки хотя и осуждали, но безъ онаго опасались порабощенія отечества.

Тѣмъ временемъ какъ линейныя войска и національная гвардія приготовлялись

выдерживать достойную почтенія оборону, союзные Генералы, оставивъ корпуса Сакена и Вреде для наблюденія въ окружностяхъ Мо, положили, чтобы обѣ ихъ арміи совокупно шли на Веллевильское и Монмартрское возвышенія, которыя они почитали центромъ и ключемъ къ позиціи. До начатія сраженія два парламентера явились на двоихъ постахъ Герцоговъ Рагузскаго и Тревизскаго; Маршалы не хотѣли ихъ выслушать и расположились дать сраженіе.

Около шести часовъ солнце, возвышаясь на горизонтѣ, возвѣщало чистой и ясной день—какъ вдругъ Россійскій корпусъ Раевскаго атаковалъ деревни Пантень и Романвиль; Силезская армія находилась вокругъ Сентъ-Дени, тѣмъ временемъ, какъ корпусъ Виртембергскаго Наслѣднаго Принца съ корпусомъ Графа Гіулау занялъ Винсенской лѣсъ и наблюдалъ Шарантонскій мостъ. Сіи войска угрожали нашимъ позиціямъ; артиллерія извергала ужасное пламя, сопровождаемое сильною стрѣльбою изъ ружей; стрѣлки во всѣхъ мѣстахъ умножаются, сходятся, отсту-

паютЪ, сближаются опять и сЪ яростію поражаютЪ другЪ друга. Приверженцы Императорскаго правленія, подкрѣпляемые тѣми, которые не терпѣли владычества чужестранцевЪ, пользуясь звукомЪ оружій и громомЪ пушекЪ, чтобы возбудить народЪ, будучи увѣрены, что довольно одной только минуты, чтобы воспламенить его, заставить стремиться кЪ оружію и пріобрѣсть значительную побѣду.

ВЪ семЪ намѣреніи они разпространили слухЪ, что непріятель отраженЪ; что НаполеонЪ прибылЪ; что у него есть пушки, штыки и пики, которые надобно употребить вЪ дѣйствіе. « Для великодушныхЪ душЪ, говорили они, все должно служить защитою. Если варвары осмѣлются проникнуть вЪ ПарижЪ, то безпорядокЪ распространится вЪ ихЪ рядахЪ; тогда надобно, чтобы всякой гражданинЪ вышелЪ изЪ своего дома для довершенія пораженія арміи, которая найдетЪ смерть вЪ тѣхЪ стѣнахЪ, вЪ коихЪ она ласкалась получить побѣду. « Смущенные сими сильными словами, старые и молодые люди всѣхЪ сословій, при видѣ опасностей, которымЪ

подверглось ихъ отечество, поставляютъ для себя обязанностію спасти оное отъ гнѣва раздраженной Европы, которой мщеніе готово совершиться. Большая часть жителей стремятся къ заставѣ въ надеждѣ получить оружіе; не многіе получаютъ ружья, прочіе же возвращаются обнаруживъ свое негодованіе. Тогда имъ даютъ пики; они отвергаютъ сіе безполезное оружіе и кричатъ, что имъ измѣнили; но имъ измѣнило ихъ правительство, которое они старались защищать. По непредусмотрительности Регентства и измѣнѣ Талейрана, Витроля и другихъ недостойныхъ столица обречена была покоренію.

Хотя Генералы, защитники Парижа, знали навѣрное, что необходимо должно уступить силѣ, совсѣмъ тѣхъ чувствованіе чести заставило ихъ удвоить усердіе, чтобы пощадить Францію отъ посрамленія. Іосифъ также хотѣлъ показать мужество съ Монмартрскаго возвышенія; онъ отправлялъ во всѣ мѣста Офицеровъ, для поощренія національной гвардіи и войскъ защищаться. Таковая довѣренность заставила полагать, что

Парижъ атакованъ только частію непріятельской арміи.

Сія мечта все еще продолжалась, какъ вдругъ Генералъ Гюллень, начальствующій Парижскимъ гарнизономъ, привелъ къ Іосифу Капитана Пейра. Сей Офицеръ, которому наканунѣ приказано было развѣдать окружности Пантеня, разсказалъ, что попавъ на непріятельскіе аванпосты, онъ былъ представленъ къ одному изъ момогущественныхъ Монарховъ, который изъявилъ ему удивленіе свое, почему мы отказались выслушать его парламантеровъ и сказалъ: Мнѣ очень досадно, что Парижъ упорствуетъ; напрасно жители полагаютъ, какъ Я слышалъ, что одна только дивизія Моей арміи явилась подъ стѣнами города; нѣтъ, здѣсь всѣ силы Европы; сопротивленіе будетъ напрасно; возвратитесь къ своимъ начальникамъ и объявите имъ, что Генералъ Барклай де Толли приметъ депутатовъ, посланныхъ градскими чиновниками для вступленія въ переговоры.» Онъ прибавилъ, что сей Монархъ вручивъ ему адресы и манифесты, снова повторилъ, что всегда готовъ трактовать о мирѣ;

но что если городъ будетъ взятъ силою, тогда онъ не можетъ удержать войска отъ грабежа.

Іосифъ Бонапарте сидѣлъ тогда за столомъ и въ совершенной безпечности. Услышавъ донесеніе Капитана, онъ всталъ съ своего мѣста и сказалъ: и такъ, намъ не остается болѣе ничего дѣлать, какъ вести переговоры.« Тѣмъ времянемъ, какъ онъ разсуждалъ съ своими Офицерами, многочисленныя непріятельскія колонны, подъ начальствомъ Ланжерона, заняли Оберь-виллерскія равнины, и Герцогъ Рагузскій прислалъ къ Іосифу съ донесеніемъ, что войска его стѣснены и готовы здаться, почему и просилъ его поспѣшить присылкою подкрѣпленія. Тогда Іосифъ отчаясь въ успѣхѣ и видя, что щастіе отказалось благопріятствовать его брату, которой ввѣрилъ охраненіе столицы своей весьма худому военачальнику, и опасаясь, чтобы не отрѣзали ему дороги на Версаль, немедленно отправилъ къ Герцогамъ Тревизскому и Рагузскому уполномочіе здаться. Вскорѣ послѣ того онъ выѣхалъ изъ Парижа, предавъ на произволъ судьбѣ

національную гвардію, которая должна была отвѣтствовать передъ раздраженнымъ непріятелемъ за приверженность, обнаруженную ею къ тѣмъ, кои ее оставили.

Не взирая на побѣгъ Іосифа, битва не прекращалась. Потеря была безчисленна и съ обѣихъ сторонъ: стрѣльба возобновлялась съ большимъ жаромъ. Блюхеръ и Виртембергскій Наслѣдный Принцъ получили повелѣніе двинуться съ своими войсками, первый на Монмартръ, а второй къ Венсенскому лѣсу; Генералъ Барклай де Толли опасался, что они не прежде захожденія солнца могутъ принять участіе въ сраженіи, ибо замедленіе и успѣхи, полученные нами при деревняхъ Пантенѣ и Роменаилѣ, отложивъ на нѣсколько время занятіе непріятелемъ возвышеній, прикрывающихъ Парижъ, могли перемѣнить ходъ военныхъ дѣйствій, потому что все предвѣщало, что если Наполеонъ, даже и безъ арміи нечаянно явится, то геній его, плодовитый въ политическихъ и военныхъ способахъ, найдетъ средство противупоставить упорнѣйшее сопротивле-

ніе (*). Союзные Государи, видя крайнюю опасность и необходимость употребить чрезвычайное усиліе, рѣшились величайшею быстротою увѣнчать свое предпріятіе.

Не медля ни одной минуты, Графъ Барклай де Толли для подкрѣпленія Генерала Раевскаго, приказалъ придвинуть на возвышеніе, между Пентеномъ и Романвилемъ, два полка Россійскихъ гренадеровъ, подъ прикрытіемъ Прусской и Баденской гвардіи. Войска наши приняли ихъ съ рѣдкою неустрашимостію, и нанесли симъ отборнымъ войскамъ такой значительный уронъ, что послана была для ихъ подкрѣпленія дивизія Россійской гвардіи; но не взирая на свою храбрость, солдаты наши нашлись принужденными уступить многочисленности и отступили на Беллевиль и Мениль-Монтань.

Опасаясь подвергнуть опасности сіи войска, Генералъ Барклай де Толли приказалъ стрѣлкамъ соединиться и ожидать движенія, каковое должно сдѣлать

(*) Извлеченіе изъ журнала кампаніи Австрійской арміи.

на обѣихъ флангахъ Силезской арміи и Виртембергскій корпусъ, полагая что сими маневрами удобнѣе будетъ овладѣть Беллевилемъ. Совсѣмъ тѣмъ пѣхота наша пошла противъ непріятеля и нанесла ему такой уронъ, что Барклай де Толли принужденъ былъ придвинуть два полка кирасиръ. Русскіе, видя успѣхъ, пріобрѣтенный сими полками, неустрашимо защищались противъ послѣднихъ покушеній нашихъ солдатъ. Они отбили виноградники и лѣса, находящіеся передъ Романвилемъ и Пантеномъ.

Артиллерія Парижской гвардіи, коею управляли воспитанники политехнической школы, двинулась къ Венсенскому лѣсу противъ Виртембергцовъ, начинавшихъ подвигаться впередъ, какъ вдругъ полкъ улановъ, выступилъ изъ Монпреля и напалъ на сей конвой. Испугъ лошадей, неопытность вожатыхъ произвели такой безпорядокъ, что Русскіе вѣрно овладѣли бы орудіями, если бы Генералъ Венсенъ съ полкомъ драгунъ не ударилъ на улановъ и не принудилъ ихъ оставить конвой, изъ коего они захватили только десять пушекъ съ нѣсколькими воспитан-

никами, изъ которыхъ большая часть была ранена.

Войска Ланжерона, овладѣвъ деревнями Сентъ-Уень и Обервилье, придвигались къ Клиши, а корпусы Клейста и Іорка шли на ла Виллетъ. Въ тотъ же часъ батареи наши начали дѣйствовать противъ непріятельскихъ колоннъ, тѣмъ времянемъ какъ пѣхота старалась удержать ихъ ружейнымъ огнемъ. Прусская гвардія, пришедшая подкрѣпить Русскихъ, много потерпѣла; но получивъ вспоможеніе, отрѣзала наши войска, овладѣла мызою Рувруа и принудила насъ выдти изъ Лавиллета. Герцогъ Тревизскій препоручилъ Генералу Христіани взять обратно сію деревню; всѣ уступаютъ нашимъ гренадерамъ и охотникамъ. Будучи слишкомъ малочисленны, они не могли долго удерживаться на выигранномъ мѣстѣ, находятся принужденными отступить и окружаются непріятелемъ, который требуетъ здачи; но сіи побѣдоносные прежде воины, слыша въ первой разъ такое требованіе, отвѣчаютъ на оное, очистивъ себѣ путь по трупамъ Прусаковъ.

Генералъ Барклай де Толли, будучи увѣренъ, что взаимное движеніе обѣихъ союзныхъ армій произведетъ хорошее послѣдствіе, приказалъ Виртембергскому Принцу Евгенію и Генералу Милорадовичу дѣйствовать противъ Беллевиля и Мениль-Монтаня, а Князю Горчакову идти на Шаронъ. Сіи войска сдѣлали немедленно генеральную атаку на всю линію отъ послѣдней деревни до самаго Монтмартра. Герцогъ Рагузскій видя, что войски его не въ силахъ удерживать непріятеля принявъ начальство надъ однимъ баталіономъ изъ дивизіи Рикарда, двинулся впередъ для защищенія Беллевиля; но Россійская батарея въ минуту открыла огонь и распостранила безпорядокъ въ нашихъ рядахъ. Генералы Рикардъ, Пеллепортъ и Клавель были ранены; самъ Маршалъ получилъ сильную контузію пулею. Близъ Шаранны 7й Парижской легіонъ, командуемый Г. де Бревановъ, долгое время удерживалъ усиліи Князя Горчакова.

Но не взирая на мужество нашихъ войскъ, безпрерывныя нападенія непріятельскихъ войскъ, воспламененныхъ желаніемъ проникнуть въ богатую и знаме-

нитую Французскую столицу, имѣли совершенный успѣхъ, и они овладѣли Беллевильскими возвышеніями, на коихъ находилось 20 пушекъ, поставленныхъ въ батарею. Въ ту же минуту корпуса Іорка и Клейста выходятъ изъ Лавиллета и занимаютъ первые дома, примыкающіе къ заставамъ, гдѣ еще отбиваютъ нѣсколько орудій, тѣмъ временемъ какъ на правомъ нашемъ крылѣ Русскіе заняли Шаронъ, кладбище Монъ-Луи, и также подступили къ Парижу.

Оставался одинъ только Сентъ-Шомонской пригорокъ, на которомъ еще дѣйствовала наши артиллерія; канонерами ея были воспитаники Политехнической школы, изъ коихъ старшему было не болѣе 20 лѣтъ. Сіи молодые люди знали превосходно теорію, но имъ недоставало практики; въ разсужденіи же мужества они равнялись съ старыми канонерами. Воспламененные восторгомъ и славою, они сражались какъ львы и съ рѣдкимъ искуствомъ; пламя артиллеріи поражало непріятелей, приближающихся къ охраняемой ими позиціи. Не получая вспоможенія, они готовы были всѣ погибнуть. Многіе изъ нихъ

испустили духъ подлѣ тѣхъ самыхъ орудій, коихъ они не хотѣли оставить. Генералъ Кампанъ, съ изумленіемъ взирая на подвиги сихъ храбрыхъ юношей и чувствуя всю опасность ихъ положенія, посылаетъ къ нимъ на помощь эскадронъ Польскихъ козаковъ, тѣмъ временемъ какъ Генералъ Соколинскій собираетъ остатки національной гвардіи, принимаетъ надъ ними начальство, идетъ впередъ и сею неожиданною еволюціею освобождаетъ справедливо почитаемыхъ надеждою отечества.

Положеніе Герцога Тревизскаго было столько же затруднительно, какъ и товарища его. Уполномочіе для здачи города до него не достигло и онъ старался твердостію своею удержать Блюхера, который еще колебался приближиться къ Монмартру. Въ сію минуту пріѣхалъ Генералъ Дежанъ, отправленный Наполеономъ изъ Доланкурта; онъ вручилъ Маршалу депеши, въ коихъ ему предписывалось недопускать чужестранцевъ вступать въ столицу, и сообщить Шварценбергу что предложенія касательно заключенія мира уже сдѣланы Австрійскому Импера-

тору. Герцогъ Тревизскій предчувствовалъ, что сіе коварное препорученіе не произведетъ никакаго дѣйствія. Со всѣмъ тѣмъ онъ послалъ начальника главнаго своего штаба съ письмомъ къ Австрійскому Генералиссимусу. Но Князь Шварценбергъ отвѣчалъ, что Государь его соединенъ съ Союзниками неразрывными узами, которыя не позволяютъ ему заключить миръ особенно отъ нихъ (*).

Между тѣмъ Рагузскій Герцогъ, пользуясь даннымъ ему уполномочіемъ, просилъ перемирія на четыре часа, обѣщая уйти въ городъ, тѣмъ времянемъ, какъ будутъ вести переговоры о здачѣ. Императоръ Александръ, всегда готовый щадить человѣческую кровь и желая предупредить разрушеніе столь прекраснаго города, согласился на сіе предложеніе. Графъ Орловъ требовалъ также и отъ Герцога Тревизскаго здачи, но получилъ въ отвѣтъ отъ Маршала, что онъ прежде погребетъ себя подъ развалинами Монмартра, не-

(*) Записки о компаніи 1814, описан. Ф. Кохомъ, томъ II. стран. 494.

жели согласишся уступишь Парижъ на постыдныхъ условіяхъ. Въ продолженіи сего времяни Мортье получилъ извѣстіе отъ Герцога Рагузскаго, что онъ готовъ заключить пристойную конвенцію; почему и отправился въ Лавилетъ съ союзными уполномоченными; но въ отсутствіе его Генералъ Ланжеронъ, дѣйствующій на правомъ крылѣ главной квартиры Шварценберга, не бывши извѣщенъ о заключеніи перемирія, далъ жаркое сраженіе на Монмартрскихъ возвышеніяхъ, коими и овладѣлъ вмѣстѣ съ защищавшею оные артиллеріею.

Непріятели, овладѣвъ заставами и Монтмартскими возвышеніями, бросили нѣсколько бомбъ въ предмѣстіе сего же имяни, которые даже достигли шоссе д'Антена. Въ то же время козаки ворвались въ предмѣстіе Св. Антонія, а колонна войскъ Виртембергскаго Кронъ-Принца, перешедъ Сентъ-Морской мостъ и Венсенской лѣсъ, овладѣла Шарантонскимъ мостомъ, не взирая на храбрость защищавшихъ оной воспитанниковъ Алфорской школы. Передовые отряды сего Принца распространясь въ окружностяхъ

Берси стрѣляли въ отряды національной гвардіи.

Страшась продолженія военныхъ дѣйствій, начали говорить о перемиріи; Парижане снова поверглись въ ужасную тоску. Удары непріятеля причинили сильнѣйшій ужасъ; оный увеличивался, еще болѣе когда слышны были горестныя и жалобныя восклицанія раненыхъ и умирающихъ. Въ непродолжительномъ времяни ужасъ распространился изъ булеваровъ даже въ отдаленнѣйшія части города. Толпа народа, побѣжавшая на правой берегъ Сены для собранія свѣдѣній, съ поспѣшностію возвратилась назадъ; лавки снова были заперты, ворота въ домахъ завалены, улицы и рынки опустѣли и всякой, запершись въ покояхъ, съ ужасомъ ожидалъ послѣдствія сей плачевной брани. Другіе, не столь боязливые, ходили взадъ и впередъ и со вниманіемъ слушали нелѣпыя и противорѣчущія одно другому извѣстія. То говорили, что непріятель отраженъ, что Пруской Король взятъ въ плѣнъ; то желая возбудить волненіе и снова начать военныя дѣйствія, агенты Императорскаго правленія снова

распространяли слухЪ о прибытіи Наполеона. Непобѣжденный, но только обманутый движеніями СоюзнихЪ Государей, онЪ внушалЪ еще величайшую довѣренность и если бы сбылось разпущенное извѣстіе, то нѣтЪ сомнѣнія, что появленіе сего знаменитаго полководца можетЪ быть произвело бы чудеса.

КакЪ скоро прекратилось сраженіе, то Россійской ИмператорЪ и Прускій Король сЪ смущеніемЪ заключили вЪ обЪятія другЪ друга. ИмператорЪ Александръ, имѣя глаза, орошенные слезами и сердце исполненное радости, вскричалЪ: *человѣчество восторжествовало, кровь не будетъ болѣе проливаться!* ПотомЪ они отправились на Беллевильскія возвышенія. ОсмотрѣвЪ пространную столицу Франціи, они возвратились вЪ деревню Бонди, оставя армейскіе корпусы свои вЪ позиціи, на томЪ самомЪ мѣстѣ, гдѣ они сражались.

ТакимЪ образомЪ кончились непріязненныя дѣйствія противЪ столицы. Можно утвердительно сказать, что они были весьма кровопролитны и похвальны для

тѣхъ, которые хотѣли отразить ихъ. Важность послѣдствій и трудность обстоятельствъ заставили забыть съ одной стороны мужество защитниковъ Парижа, а съ другой безчисленность пожертвованій, каковыя надлежало сдѣлать для окончанія сего великаго завоеванія.

Конечно было бы не у мѣстараскызывать, что Парижане оказали героическую храбрость и утверждать, что отцы семейства готовы были пожертвовать своею жизнію для правительства, которое они мало любили; но историкъ, другъ истины, можетъ безъ пристрастія свидѣтельствовать, что великодушные граждане вооружавшіеся, въ семъ случаѣ послѣдовали священному своему долгу, повелѣвавшему имъ защищать свои жилища и противупоставить усиліямъ непріятеля упорнѣйшее сопротивленіе. Исполняя въ точности приказаніи опытнѣйшихъ Генераловъ, они стали во вторую линію, чтобы дать войскамъ нашимъ видъ многочисленности.

Большая часть сей гвардіи была оставлена на заставахъ для отраженія легкихъ войскъ, которыя могли бы прорваться

со стороны и вступить въ предмѣстія. При главнѣйшихъ атакахъ, они также выставляли стрѣлковъ и нанесли союзнымъ войскамъ значительный уронъ, который, по собственному ихъ выраженію, простирался до 9 тысячь человѣкъ убитыми, ранеными или заблудившимися. Наконецъ изъ шести тысячь національной гвардіи, служившихъ подобно регулярнымъ войскамъ, болѣе пяти сотъ человѣкъ было убито или ранено. Таковая приверженность тѣмъ болѣе заслуживаетъ похвалу, что оная происходила отъ благороднаго чувствованія національной гордости; а когда сія гвардія, истинная защитница отечества, была отослана тѣми, которыя вооружили ее, то вмѣсто того, чтобы предаться справедливому негодованію за столь подлый поступокъ, она совершенно покорилась благоразумнымъ совѣтамъ мудраго Маршала Монсея. Сей герой увѣщевалъ ее стоять непоколебимо на своемъ постѣ и твердостію своею соотвѣтствовать общественному ожиданію, и давалъ замѣтить, сколько нужно въ сію критическую минуту показать все свое мужество, чтобы не предать

прекраснѣйшій въ свѣтѣ городъ чужестранцамъ, коихъ намѣренія въ разсужденіи Французовъ были еще неизвѣстны.

Какъ скоро обнародовано было, что военныя дѣйствія прекратились и что конвенція немедленно будетъ подписана; тогда внутренность Парижа приняла совершенно другой видъ: безчисленное множество народа явилось на булеварахъ и въ предмѣстіяхъ Сентъ Дени и Сентъ-Мартинъ. Жители не обнаруживали ни удивленія, ни страха; положеніе ихъ было спокойно и важно; сказываютъ, что тайное предчувствіе увѣряло Парижанъ, что развязка сей великой драмы не будетъ для нихъ пагубна. Женщины прекрасно одѣтыя и блестящіе экипажи мѣшались съ длинною цѣпью обоза пушекъ и телегъ, наполненныхъ ранеными солдатами. Сіи злополучныя жертвы, окруженныя уваженіемъ и общественною любовію, получили самыя великодушныя старанія; всякой старался усладить ихъ страданія въ томъ, что только сострадание можетъ внушить трогательнѣйшаго.

Со времени побѣга Іосифа Бонапарте нѣкоторые Меры собираясь въ Ратушѣ раз-

суждали, какія должно употребить способы для сохраненія столицы, коей участь имѣетъ вліяніе на судьбу цѣлой Франціи. Узнавъ о благосклонныхъ расположеніяхъ Союзныхъ Государей, они чувствовали необходимость поспѣшить капитуляціею, которую надѣялись заключить подъ благопріязными предзнаменованіями. Не медля нимало, Префекты департамента и полиціи отправились въ Лавиллетъ, гдѣ находился уже Графъ Орловъ и Генералъ Паръ, первый посланный Россійскимъ Императоромъ, а другой Княземъ Шварценбергомъ, которые вели переговоры съ Полковниками Фабвье и Дени, отправленными Герцогомъ Рагузскимъ, которымъ Маршалъ Мортье оставилъ на волю сочинить статьи трактата, коего основаніе было уже извѣстно, и по силѣ которыхъ оба Маршалы долженствовали очистить Парижъ съ оружіемъ и обозами, съ условіемъ, чтобы союзники не прежде вступили въ городъ, какъ на другой день 31 Марта въ семь часовъ утра.

Отсутствіе начальника Національной гвардіи поставило градскихъ чиновниковъ въ затруднительное положеніе. Трудно

было въ столь многолюдномъ городѣ, наполненномъ недовольными, коихъ ненависть и нищета побуждали къ безпорядку, сохранить спокойствіе до вступленія союзныхъ войскъ. А по приходѣ ихъ какъ заставить почитать публичныя заведенія, народные памятники и особливо сіи великолѣпные Музеумы, тѣмъ болѣе драгоцѣннѣйшіе, что оные содѣлались единственнымъ, но достойнымъ почтенія плодомъ двацати-лѣтнихъ побѣдъ! Герцогъ Конегліано отъѣзжая, оставилъ повелѣнія для наблюденія порядка въ сію ужасную ночь; но въ подобномъ обстоятельствѣ тысяча непредвидѣнныхъ случаевъ воспрепятствовали тому. Въ сумерки Національная гвардія, кипящая усердіемъ къ общему дѣлу, по собственной охотѣ расположилась въ Тюльерійскомъ дворцѣ, чтобы сохранить и защитить замокъ; другіе устремились въ тюрьмы и удержали злодѣевъ, старавшихся убѣжать. Кордегардіи были усилены и патрули умножены, для того, чтобы разсѣять скопища людей, между коими находилось много такихъ, коихъ поступки предвѣщали дурныя намѣренія. Всѣ домы были заперты, ни въ одномъ этажѣ не видно

было огня, и при малѣйшемъ шумѣ всѣ окна наполнялись женщинами, дѣтьми и стариками, которые съ жадностію старались узнать, что нибудь касающееся до ихъ участи.

Столица начала отдыхать и успокоиваться на щетъ судьбы своей, какъ воинъ, который за день передъ симъ могъ бы спасти ее присутствіемъ, едва не ожиданнымъ своимъ прибытіемъ не превратилъ въ поле пораженія и опустошенія. Двинувшись къ Сентъ Дизіеру, Наполеонъ ласкался, что привлечетъ къ себѣ непріятелей. Онъ пошелъ на Дулеванъ, съ намѣреніемъ приближиться къ Парижу, какъ начальникъ арріергарда донесъ ему, что союзная армія за нимъ слѣдуетъ. Наполеонъ немедленно возвратился къ Сентъ Дизіеру со всѣми своими силами, которыя онъ употребилъ противъ одной кавалеріи Винценгероде и Чернышева; онъ одержанъ верхъ; но пять дней, которые онъ потерялъ въ семъ сраженіи, были причиною его паденія. Тѣмъ временемъ, какъ Наполеонъ располагался овладѣть Витри и какъ Маршалъ Удино двинулся на Баръ ле Дюкъ, онъ получилъ извѣстіе

вечеромъ 27 Марта, что обѣ союзныя арміи приближаются къ Мо. Вмѣсто того, чтобы немедленно за ними слѣдовать и занять Сезанскую и Монмиральскую дороги, онъ возвратился опять на Сентъ Дизіеръ и Дулеванъ и приказалъ со всевозможною поспѣшностію идти къ Парижу. При проѣздѣ Баръ-Сюръ Объ онъ узналъ отъ многихъ курьеровъ, что братъ его Іосифъ находился въ чрезмѣрномъ стѣсненіи, но со всѣмъ тѣмъ они увѣряли его, что сообщеніе вездѣ свободно. По прибытіи въ Троа въ шесть часовъ вечера ему бы должно было немедленно по почтѣ отправится въ Парижъ, куда бы онъ могъ пріѣхать поутру 30 Марта, но вмѣсто того онъ легъ спать и уже въ семь часовъ утра, отрядивъ впередъ для развѣданія пути 1500 гвардейскихъ кавалеристовъ, онъ отправился верьхомъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ Офицеровъ.

Проѣхавъ съ величайшею поспѣшностію Санъ и Фонтенебло, Бонапарте сѣлъ въ послѣднемъ городѣ въ коляску и приказалъ распространить слухъ, что за нимъ слѣдуетъ вся его армія. Въ надеждѣ встрѣтить посланныхъ имъ впередъ Офице-

ровъ, онъ вышелъ изъ коляски въ Куръ де Франсе, близъ Жювизи, и ходилъ по дорогѣ большими шагами; но ни мало не показывалъ ни въ словахъ, ни въ движеніяхъ смущенія, или безпокойства. Часто онъ внимательно прислушивался и послѣ сраженія, происходящаго въ тотъ день, онъ ласкался надеждою, что Парижъ все еще удерживается, потому что не слыхалъ треску и шуму отъ Гренельскаго порохового магазеина, который онъ приказалъ взорвать на воздухъ, если непріятель овладѣетъ столицею. Со всѣмъ тѣмъ, не смотря на то, что былъ густой туманъ, онъ видѣлъ, какъ небо воспламенено было огнями биваковъ, отъ Нельи до самаго Винсенна; ужасное зрѣлище для воина, который воевалъ всегда въ отдаленныхъ странахъ и который недавно еще поклялся, что не уступитъ ни одной деревни въ своей Имперіи, даже и тогда, когда непріятель станетъ лагеремъ на высотахъ Монмартра.

Въ величайшемъ нетерпѣніи, съ стѣсненнымъ сердцемъ, Наполеонъ продолжаетъ путешествіе свое въ сопровожденіи трехъ каретъ, какъ вдругъ близъ Мора-

нжи, около одиннадцати часовѣ вечера, кѣ нему пріѣхалѣ Генералѣ Белліардѣ, который, тѣмѣ временемѣ какѣ кавалерія его заняла позицію вокругѣ Вилль Жюифѣ, прискакалѣ увѣдомить Бонапарте, что Іосифѣ присоединился кѣ Маріи Луизѣ, и что столица сдана Союзнымѣ Государямѣ на капитуляцію. « При сихѣ словахѣ Наполеонѣ испустилѣ глубокой вздохѣ и вѣ сердечной горести воскликнулѣ: « и ты также братѣ мой, измѣнилѣ мнѣ: « Онѣ немедленно вышелѣ изѣ кареты сѣ Княземѣ Невшательскимѣ и Генералами, Коленкуромѣ и Бертраномѣ, потомѣ приказалѣ свитѣ своей возвратиться кѣ Курѣ де Франсу.

Тогда Наполеонѣ обнаружилѣ всѣмѣ окружавшимѣ его Офицерамѣ желаніе идти немедленно кѣ Парижу и взбудить духѣ національной гвардіи. « Армія присоединится ко мнѣ, сказалѣ онѣ, завтра или послѣ завтра, и я поправлю все дѣло. « Генералѣ Белліардѣ далѣ ему замѣтить, что національная гвардія обязана трактатомѣ ничего не предпринимать, и что легко можетѣ случиться, что онѣ попадетѣ вѣ руки Козаковѣ, если не отложитѣ

намѣренія своего приближиться къ Парижу. «Нѣтъ нужды, сказалъ Бонапарте, слѣдуйте за мною съ вашею кавалеріею.» Но, Ваше Величество, прибавилъ Генералъ Белліардъ, двадцать тысячь воиновъ занимаютъ возвышенія охраняющія столицу; къ тому же по заключеніи конвенціи я также не могу болѣе въ нее вступить. При сихъ словахъ Наполеонъ вскричалъ: а кто заключилъ эту конвенцію? я не признаю ее! Что дѣлаетъ Іосифъ? Гдѣ Военный Министръ! Да, да, я хочу ѣхать; вездѣ гдѣ нѣтъ меня, всѣ дѣлаютъ одни только глупости.» Въ нетерпѣніи и гнѣвѣ онъ ходилъ скорыми шагами, потомъ сказалъ съ жаромъ: Маршалы не должны уступать до моего прибытія; ихъ долгъ былъ окружить цѣлый Парижъ, поставить въ линію всю національную гвардію и укротить возвышенія, снабженныя артиллеріею, тѣмъ временемъ какъ линейныя войска сражались бы на ровномъ мѣстѣ.» На сдѣланное ему замѣчаніе, что сіи возвышенія дурно укрѣплены и что недоставало орудій большаго колибра, онъ прибавилъ съ жаромъ: перестань же; я вижу, что всѣ съ

ума сошли; вошъ что значитъ употреблять людей безъ великаго духа и безъ дарованій. Со всѣмъ шѣмъ Кларкъ почитаетъ себя великимъ Министромъ, а Іосифъ искуснымъ Генераломъ; но первый изъ нихъ ничто иное какъ измѣнникъ, а другой трусъ (*).

Въ слѣдствіе совѣта, происходящаго въ Куръ де Франсѣ, рѣшено было ѣхать въ Фоншенебло для ускоренія марша первыхъ армейскихъ колоннъ. На разсвѣтѣ пришло изъ Парижа множество солдатъ, разсѣявшихся по дорогамъ, коихъ число ежеминутно увеличивалось. Бонапарте, соединивъ ихъ, отправилъ на Фоншенебло, куда отправился и самъ послѣ сильныхъ убѣжденій бывшихъ при немъ. Вручилъ Герцогу Виченскому уполномочіе для производства переговоровъ съ Союзными Государями. Онъ не дождался послѣдствія сего препорученія, и тотъ, кто съ торжествомъ входилъ въ столицы главнѣйшихъ Европейскихъ государствъ, бѣжалъ отъ своей резиденціи въ ту минуту,

(*) Записки о компаніи 1814 года, описанныя Кохомъ, томъ 2, стр. 564.

когда непріятели готовы были вступить въ нее.

Извѣстно, что въ капитуляціи ничего не было условлено объ гражданскихъ выгодахъ города Парижа, и столица совершенно поручалась великодушію побѣдителей; два Префекта, Гг. Шаброль и Паскье, находясь въ ужасной неизвѣстности, въ каковую ихъ ввергли столь пустыя надежды, рѣшились отправиться въ Бонди, въ главную квартиру Союзныхъ Государей съ депутаціею отъ Градскаго общества. Ихъ сопровождали Коммисары чужестранныхъ Государей, окончившіе порученіе свое въ два часа утра. Сіи кареты, сберегаемыя для торжественныхъ и церемоніальныхъ дней, украшенныя позолотою, на которыхъ отсвѣчивался огонь биваковъ, переѣзжали поле сраженія, покрытое развалинами, мертвыми и ранеными. Прежде градоначальники Европейскихъ столицъ такимъ образомъ привѣтствовали Наполеона-побѣдителя, но они никогда не имѣли горести подобно симъ попирать ногами лошадей своихъ, трепещущіе трупы друзей своихъ родственниковъ, испускающихъ духъ,

вокругъ стѣнъ знаменито ими защищаемыхъ.

Какъ скоро депутаты прибыли въ главную квартиру Союзныхъ Государей, то нашли побѣдителей въ спокойномъ снѣ. Графъ Нессельроде принявъ ихъ, обѣщалъ доставить аудіенцію у Россійскаго Императора. Въ ожиданіи того, они получили приказаніе отъ Князя Шварценберга, чтобы не распускать національную гвардію и чтобы оная до самаго вступленія союзныхъ войскъ охраняла заставы и всѣ посты небходимые для общественнаго спокойствія.

Вскорѣ послѣ того Императоръ Александръ допустилъ къ себѣ Парижскихъ депутатовъ. Онъ принялъ ихъ весьма милостиво, и желая успокоить самъ перьвый началъ говорить. Въ благосклонныхъ выраженіяхъ увѣрялъ Онъ ихъ, что любитъ Французовъ, и что имѣетъ во Франціи одного только непріятеля. « Одинъ человѣкъ, сказалъ онъ, котораго Я прежде уважалъ, но который будучи поглощенъ честолюбіемъ и исполненъ вѣроломства, напалъ на мои владѣнія, опустошилъ ихъ, сжегъ мою столицу и заставилъ искать

безопасность въ освобожденіи Европы. Одно только его упорство, прибавилъ Онъ, принудило меня его преслѣдвать въ самую внутренность Французской Имперіи; но Я съ однимъ только тѣмъ человѣкомъ веду войну, котораго по описанію Моему вы узнаете, почему Я и не называю его.» Наконецъ обѣщалъ, что чувствованія Его и Союзныхъ Государей вскорѣ будутъ извѣстны, и что Онъ ожидаетъ только знать истинное желаніе Парижанъ, чтобы заняться ихъ благополучіемъ, въ полной увѣренности, что вся Франція будетъ согласна съ волею столицы.

Префекты и Депутаты благодарили Россійскаго Императора за великодушныя его расположенія. Получивъ таковые залоги общественнаго благоденствія, они поспѣшили доставить въ Парижъ сіи лестныя утѣшенія. Едва начало разсвѣтать, какъ сія свита вторично переѣхала поле сраженія. Огни на бивакахъ уже погасли. Солнце среди дыму утреннихъ паровъ озаряло первымъ лучемъ своимъ верхушку холмовъ, обагренныхъ великодушною кровію. Побѣдители устроива-

лись въ колонну, при звукѣ военной музыки; всѣ они носили на рукахъ бѣлую перевязку, надѣтую въ день Ларотьерскаг сраженія, которую Французы поч… …ли знакомъ соединенія для партіи роялистовъ. Въ Парижѣ царствовало величайшее спокойствіе; національная гвардія продолжала сохранять совершенный порядокъ; толпа народа начала собираться на булеварахъ, когда депутація прибыла къ Ратушѣ и вдохнула надежду въ городскихъ чиновниковъ, ожидавшихъ единственно ея прибытія, чтобы узнать объ участи столицы и какимъ образомъ они должны исполнять свои обязанности.

Сей обширный городъ, справедливо почитаемый гнѣздомъ всѣхъ революцій, рѣшившихъ участь Франціи и обагрившихъ кровію Европу, бывшій жертвою народнаго безначалія и деспотизма Наполеона, видѣлъ себя, послѣ двадцати-лѣтнихъ побѣдъ, униженнымъ и побѣжденнымъ тѣми, надъ коими мы почти всегда торжествовали. Жители Парижа никакъ не осмѣлились ласкать себя надеждою, чтобы непріятель вступилъ въ городскія стѣны, предложилъ свободу угнетавшему

его народу; совсѣмъ тѣмъ участь Французовъ зависѣла отъ ихъ собственной воли. Страшились, чтобы народъ по гордости своей не вздумалъ перетолковать въ дурную сторону великодушныхъ предложеній Союзныхъ Государей и чтобы прелесть владычества не заставила насъ пренебречь благодѣяній Провидѣнія, которое назначая права народовъ, всѣмъ даруетъ свободу.

Ходъ происшествій подавалъ надежду роялистамъ, что обнаруживъ свои замыслы, они привлекутъ къ себѣ народъ также, какъ и въ Бордо, и такимъ образомъ убѣдятъ союзныя державы, находящіяся еще въ нерѣшимости, что сердце Французовъ никогда не перестанетъ быть привержено къ Бурбонамъ. Но какъ можно съ успѣхомъ сдѣлать заговоръ противъ Наполеона, въ такомъ городѣ, на которой онъ изливалъ сокровища Европы, и гдѣ на каждомъ шагу находились трофеи его побѣдъ и монументы его величія? Правда, что отъѣздъ членовъ регентства и отступленіе арміи оставили Императорское правленіе безъ голоса и безъ опоры; никто не имѣлъ титла или званія, въ коемъ

бы могЪ говорить вЪ пользу онаго: родитель Маріи Луизы находился вЪ отсутствіи, Князь же ШварценбергЪ, исполняющій волю Россійскаго Императора, возвѣщалЪ, что, согласно даннымЪ ему предписаніямЪ, онЪ обязанЪ согласоваться сЪ желаніемЪ ПарижанЪ. СЪ того времени недовѣрчивость и страхЪ овладѣли сердцами начальниковЪ города; они не осмѣливались ничего предпринимать; а многочисленность народа, угнетеннаго тягостнымЪ игомЪ, заставляла полагать, что онЪ сЪ восхищеніемЪ признаетЪ владычество, которое исторгнетЪ его изЪ рабства: и такЪ все долженствовало зависѣть отЪ ощущенія, каковое произведетЪ вступленіе чужестранцевЪ, и отЪ мнѣній народа.

Уже многіе изЪ роялистовЪ отправились кЪ РоссійскимЪ и ПрусскимЪ ГенераламЪ. Снисходительность ихЪ была перетолкована вЪ хорошую сторону. Возвратясь вЪ ПарижЪ, они разпустили слухЪ, что все споспѣшествуетЪ исполненію ихЪ намѣреній. Градское общество, надЪ коимЪ простиралось вліяніе Принца Талейрана, сообщивЪ слова союзниковЪ,

совершенно внушило главнѣйшимъ гражданамъ чувствованія признательности къ симъ Монархамъ, которыя быстро распространились по среди безчисленнаго множества народа, ожидавшаго наканунѣ сдѣлаться жертвою ужаснѣйшихъ насильствъ.

Наконецъ наступилъ для Парижа сей достопамятный день, долженствовавшій положить предѣлъ долговременной нашей революціи. (31 Марта) Съ самаго утра безчисленное множество народа покрыло булевары, начиная отъ Магдалины, до самаго предмѣстія Св. Антонія. Извѣстіе, что Парижъ не сдѣлается театромъ войны, успокоило умы и предупредило жителей въ пользу чужестранцевъ. При видѣ нѣсколькихъ кавалеристовъ, отправленныхъ впередъ для развѣданія пути, рукоплесканія и благодарственныя восклицаніи были предшествіемъ сего неслыханнаго зрѣлища, каковое представляли сіи разноплеменные народы. Вдругъ восклицанія были прерваны ропотомъ; раздраженная чернь, видя отряды Козаковъ, приняла ихъ сперва съ угрожающимъ видомъ и крича: да *здравствуетъ Императоръ*; но

сіи крики не имѣли никакихъ послѣдствій, во многихъ мѣстахъ жители даже и безъ побужденія обнаружили негодованіе свое противъ Правительства, столь долго ихъ угнѣтавшаго.

Въ ту самую минуту, какъ Союзники вступали въ Парижъ, явилась прокламація отъ Князя Шварценберга; оною предлагалось жителямъ чистосердечное примиреніе, если будутъ стараться покориться Правительству, могущему утвердить союзъ государствъ; призывали гражданъ споспѣшествовать заключенію мира; подражая поступкамъ жителей Бордо; обѣщали, что никакой постой не отяготитъ столицы, и что Союзные Монархи будутъ дѣйствовать согласно желанію знатнѣйшихъ чиновниковъ и почтеннѣйшихъ Государственныхъ людей. Наконецъ приглашали Парижанъ, имянемъ вооруженной Европы, соотвѣтствовать довѣренности чужестранцевъ.

Начальники партіи роялистовъ немедленно воспользовались сею прокламаціею; они громко читали ее, и желая ускорить дѣйствіе, каковое оная долженствовала

произвести надъ собравшимся народомъ, всегда оканчивали чтеніе восклицаніемъ: да здравствуетъ Король, и бросая во множествѣ бѣлыя кокарды. Сіе восклицаніе повторялось толпами роялистовъ, украшенными тою же кокардою и разпущенными бѣлыми знаменами; нѣкоторые изъ нихъ ѣхали верьхами и число ихъ ежеминутно увеличивалось людьми всѣхъ сословій, которые, слѣдуя за ними, хотя и не обнаруживали еще никакихъ намѣреній, но съ восторгомъ рукоплескали, слыша данное обѣщаніе заключить миръ и прекратить конскрипцію и произвольные налоги; всѣ восклицали: да здравствуетъ Король! Да здравствуютъ Бурбоны! безпрестанно раздавались; новость сихъ восклицаній, неслыханныхъ въ продолженіи цѣлыхъ двадцати лѣтъ, вскорѣ привлекли вниманіе и удивленіе всего народа. Окошки и балконы, выходящіе на булевары, были наполнены нарядными женщинами. Имѣя мало понятія о Государственныхъ дѣлахъ, коихъ правила весьма несходны съ природною ихъ чувствительностію, они обнаруживали радость свою, видя сіе соединеніе роялистовъ, однакоже сей энту-

зіазмъ сей не распространился еще за улицу Ришелье. Далѣе знаки роялизма становились рѣже, въ отдаленнѣйшихъ же частяхъ города ихъ со всѣмъ было не видно.

Конные егери открывшіе шествіе Союзныхъ Государей, имѣли лѣвую руку перевязанною бѣлою перевязью; сіе обстоятельство, о коемъ я уже изъяснилъ, имѣло большое вліяніе на поступки Парижанъ, которые почитали сей знакъ какъ бы волею Монарховъ. Сія увѣренность способствовала успѣху роялистовъ; она придала духу самымъ боязливимъ, а сопротивникамъ внушала непреодолимое препятствіе.

За сими первыми войсками послѣдовали гвардейскіе козаки; послѣ шла регулярная кавалерія, за нею пѣхота, въ срединѣ ѣхалъ Россійской Императоръ, со всѣмъ своимъ главнымъ Штабомъ; возлѣ него Прусскій Король, Великій Князь Константинъ Павловичь, Князь Шварценбергъ и Лордъ Кацкартъ, Англинскій Посланникъ. Подлѣ Императора Александра ѣхалъ Графъ Состенъ де Ларошьфуко служившій ему путеводителемъ; стеченіе

народа столь было велико, и такъ тѣснились всѣ разсмотрѣть сихъ знаменитыхъ особъ, что при воротахъ Сенъ Мартина надлежало остановиться. Люди самые отличнѣйшіе состояніемъ, чиномъ или воспитаніемъ, мѣшались, толпились вмѣстѣ съ народомъ, чтобы имѣть удовольствіе говорить съ Россійскимъ Императоромъ; каждый хотѣлъ видѣть его и прикоснуться къ нему; цѣловали руки его, колѣна платье; осыпали благословеніями называя своимъ избавителемъ. Смущенный сею трогательною сценою, Императоръ съ трудомъ могъ произнести слѣдующія благосклонныя слова внушеные ему сердечными чувствами: »мы идемъ къ вамъ не такъ какъ завоеватели, сказалъ онъ всѣмъ его окружающимъ, мы ваши союзники. Французы Мои друзья!«

Еслибы народъ не принялъ Союзныхъ Государей съ радостію, то нѣтъ сомнѣнія, что не взирая на многочисленность войскъ ихъ, они устрашились бы, видя себя заключенными въ городѣ, гдѣ вся армія ихъ, по видимому, была окружена безчисленнымъ множествомъ жителей. Народъ, собравшійся на булеварахъ, обнару-

живалъ одни только дружественные расположенія; одинъ и тотъ же духъ возбуждалъ его движенія; онъ бросался на встрѣчу къ Россійскому Императору и Прускому Королю съ такимъ стремленіемъ, что не взирая на свое благорасположеніе, они не могли удовлетворить общественнаго нетерпѣнія; со всѣхъ сторонъ раздавались восклицанія: *да здравствуетъ* Александръ! *Да здравствуетъ Фридрихъ Вильгельмъ, да здравствуютъ наши избавители!*« Вмѣстѣ съ сими восклицаніями раздавались другія гораздо сильнѣйшія въ пользу Бурбоновъ и непріятныя выраженія на щетъ того, коего начинали почитать тираномъ и похитителемъ престола.

Національная гвардія, которая очистила дорогу для проходу войскъ, не оставляла трехцвѣтной кокарды и согласовалась съ повелѣніемъ уважать свободное и миролюбивое выраженіе общенародныхъ мнѣній. Какъ скоро Государи доѣхали до Рыбнаго (Poissonierè) булевара, то радость роялистовъ обнаружилась гораздо живѣйшимъ и сильнѣйшимъ образомъ. Къ шумнымъ восклицаніямъ суетящейся толпы, присоединились рукоплесканія, разда-

вавшіяся изо всѣхъ окошекъ домовъ, начиная отъ сего булевара до Елисейскихъ полей. Балконы прекраснѣйшихъ зданій наполнены были знатными особами и особливо множествомъ женщинъ лучшаго общества, которыя хлопали въ ладоши въ знакъ удовольствія и махали бѣлыми своими платками, которые развѣвали на подобіе знаменъ. Тысячи зрителей, растроганные сею трогательною картиною, проливали слезы и съ восторгомъ украшали себя тѣмъ цвѣтомъ, который былъ символомъ мира и вмѣстѣ знакомъ возстановленія политики. Тщетно партизаны Наполеона хотѣли остановить непреодолимое движеніе и уничтожить знаки роялизма; слова ихъ были заглушаемы восклицаніями: да здравствуетъ Король! Да здравствуютъ Бурбоны! которыя со всѣхъ сторонъ наполняли воздухъ.

Никогда еще исторія не представляла примѣра столь чистосердечнаго, столь блистательнаго и столь всеобщаго восторга. Сіи изъявленія радости превосходили выразительностію своею все, чего только могъ желать самый пламенный другъ Бурбоновъ. Чужестранцы, не столь

растроганные, но равно внимательные къ сему зрѣлищу, не сомнѣвались, что возстановленіе прежней династіи и желаніе мира сдѣлались первѣйшею необходимостію Парижанъ, которые послѣ долговремяннаго утѣсненія возвращались къ свободѣ. Сіе рвеніе было тѣмъ сильнѣе, что просвѣщенный Французскій народъ, не знавшій о военныхъ произшествіяхъ, сильно негодовалъ, что былъ обманутъ презрительною хитростію. Союзныя арміи, о коихъ возвѣщали столько разъ, что истреблены, разрушены, вмѣсто того представляли изумленнымъ глазамъ ихъ безчисленное множество воиновъ, исполненныхъ силы и славы; тотъ же самый народъ, который наканунѣ еще хотѣлъ сражаться съ союзниками, почиталъ тогда вступленіе ихъ въ свою столицу днемъ своего благополучія. Сія любовь и благодарность къ тѣмъ, которые въ теченіи одной ночи изъ враговъ сдѣлались нашими избавителями, казались единодушными. Совсѣмъ тѣмъ, во внутренности души, сердце наше было стѣснено и на глазахъ блистали слезы при воззрѣніи на чужестранное войско, вступив-

шее въ столицу силою и по необходимости, но унизившее нашу славу; надобно было имѣть всѣ добродѣтели Россійскаго Императора и чрезмѣрную необходимость въ заключеніи мира, чтобы удержать благородное чувствованіе народной гордости.

Въ продолженіи шествія сей знаменитой свиты, которое продолжалось нѣсколько часовъ, Монархи отвѣтствовали на всеобщіе восторги неограниченнымъ благоволеніемъ и слова всегда были пропатательнымъ выраженіемъ того участія, каковое они принимали въ благоденствіи Франціи. Народъ пребывалъ въ изумленіи, помышляя о великодушіи Монарховъ, которые вмѣсто того, чтобы предаться своему гнѣву, отмщали намъ за военные бѣдствія предложеніемъ сладостей благодѣтельнаго мира. Невозможно выдти изъ удивленія, взирая, какъ сіи Государи, будучи рождены Царями, прославившіе себя великими подвигами благосклонно внимали послѣдняго изъ гражданъ.

Роялисты, собравшись вокругъ Императора Александра, съ воплемъ требовали у него возвращенія Бурбоновъ. Толпы

гражданъ равно тѣснились вокругъ иностранныхъ Генераловъ и Офицеровъ и изъявляли имъ свои мнѣнія и желанія своего сердца, не взирая на беспрестанно увеличивающееся число тѣхъ, которые носили бѣлую кокарду. Союзные Государи отвѣчали: «Мы не хотимъ имѣть вліянія на «ваши желанія: откройтесь намъ яснымъ «и законнымъ порядкомъ; тогда оные бу«дутъ исполнены.» Однакоже, разсказываютъ, что Гжа де Семалле, знаменитая содѣйствіемъ своимъ въ пользу роялистовъ (*) обливаясь слезами, бросилась къ ногамъ Императора Александра и просила его о возвращеніи своего Короля. Монархъ милостиво поднялъ ее и сказалъ: «вы этого хотите, народъ Французскій желаетъ, и такъ, онъ будетъ съ вами!» Другіе очевидные свидѣтели напротивъ того утверждаютъ (**), что Графъ Состенъ де ла Рошефуко, умолявшій Союзныхъ Монарховъ о призваніи во Францію

(*) Исторія о возстановленіи Алфонза де Бошана Томъ II, стр. 373.

(**) Историческое повѣствованіе о событіяхъ, происходившихъ 31 Марта 1814, стр. 61.

законныхЪ ея владѣтелей, не получилЪ желаемаго отвѣта.

ТѣмЪ временемЪ, какЪ Союзные Государи пребывая на ЕлисейскихЪ поляхЪ, смотрѣли на проходящія свои войска, народЪ, который столь долгое время былЪ лишенЪ сладостной свободы, сЪ яростію восклицалЪ противЪ похитителя оной, коего пагубное честолюбіе едва неподвергло насЪ ужаснѣйшему мщенію. Сей самый народЪ, который на канунѣ еще трепеталЪ передЪ изображеніемЪ своего притѣснителя, предавался всей своей ненависти и вЪ негодованіи своемЪ тѣснился вокругЪ Аустерлицкой колонны. Сей удивительный памятникЪ самЪ собою вселялЪ почтеніе. Со всѣмЪ тѣмЪ чернь, для которой нѣтЪ ничего священнаго, вЪ волненіи своемЪ осмѣливалась поднять разрушительную руку на сей безсмертный монументЪ, если бы Россійскій Государь необЪявилЪ, что принимаетЪ его подЪ свое покровительство, и что статуя Наполеона тогда только будетЪ снята сЪ своего мѣста, когда ее заступитЪ изображеніе Мира.

Тогда общая ярость обратилась на сію

статую. Тысяча рукЪ привязываютЪ ей на шею веревку и тщетно силятся опровергнуть при безпрерывныхЪ восклицаніяхЪ : *смерть тирану*. Широкое бѣлое знамя покрываетЪ изображеніе того, коего недавно еще превозносили великимЪ и великодушнымЪ, и улица, носившая его имя, добровольно названа улицею мира. Парижане, свободно давЪ полетЪ своему гнѣву, не поставляютЪ предѣловЪ своей ярости; они сЪ насильствомЪ исторгаютЪ знаки и эмблемы Императорскаго правленія, а чтобы означить паденіе Наполеона и покрыть безчестіемЪ его память, они поступаютЪ сЪ его изображеніями сЪ такимЪ же неистовствомЪ, какое происходило вЪ РимѢ во время погребенія Нерона.

КакЪ скоро союзныя войска расположились вдоль улицЪ булеваровЪ и Елисейскихъ полей, то ИмператорЪ Александръ пошелЪ пѣшкомЪ изЪ Елисейскаго дворца вЪ домЪ Князя Талейрана. Дорогою онЪ сЪ кротостію принималЪ почести отЪ народа, толпами во кругЪ него тѣснивщагося; черезЪ нѣсколько минутЪ за нимЪ послѣдовалЪ Прусскій Король. По

утру Графъ Нессероде разговаривалъ съ Г. Талейраномъ объ отвращеніи важнаго спора, могущаго произойти въ Генеральномъ совѣтѣ, на коемъ долженствовали присудствовать Союзные Государи. Императоръ Австрійскій вручилъ полномочіе Князю Шварценбергу. Сей Генералъ, въ качествѣ посланника, сказалъ Герцогу Далбергу, одному изъ ревностнѣйшихъ лицъ, желавшихъ опровърженія Имперіи, что онъ полагаетъ съ Княземъ Меттернихомъ, что оставить на тронѣ Наполеона несовмѣстно съ спокойствіемъ Европы и что лучше всего возстановить на Французскомъ престолѣ династію Бурбоновъ, какъ скоро сдѣлается извѣстно, что возвращеніе ихъ будетъ одобрено большинствомъ голосовъ Сената и согласно съ желаніемъ арміи.

Таковое изъясненіе со стороны Австріи предшествовало открытію Совѣта. Императоръ Александръ, обнаруживъ великодушныя намѣренія одушевлявшія Союзныхъ Государей, сказалъ господину Талейрану, что онъ не прежде сдѣлаетъ рѣшительное опредѣленіе, какъ узнавъ отъ

него, что будетъ безопаснѣе: 1) заключить съ Наполеономъ миръ; 2) возстановить Регентство, 3) или возвратить домъ Бурбоновъ. Два первыя предложенія были опровергнуты Г. Талейраномъ съ большимъ жаромъ; онъ представлялъ послѣднее весьма сходственнымъ и всѣми желаемымъ, которое одно могло возвратить миръ и благоденствіе; онъ увѣрялъ, что Франція снова процвѣтетъ подъ владычествомъ фамиліи Бурбоновъ, наученныхъ злополучіями и продолжительнымъ пребываніемъ въ странѣ, справедливо почитаемой убѣжищемъ свободы; наконецъ, что Бурбоны будутъ приняты съ радостію.

Россійскій Императоръ спросилъ тогда у Г. Талейрана, какими средствами можно достигнуть предлагаемаго имъ намѣренія; на что онъ отвѣчалъ: должно сдѣлать воззваніе къ главнѣйшимъ чиновникамъ столицы, увѣриться въ мнѣніи Сената, а примѣру первыхъ членовъ Государства послѣдуетъ столица и вся Франція. Не взирая на чрезмѣрное снисхожденіе Сенаторовъ и увѣреніи Министра, знакомаго съ политическими хитростями,

Россійскій Императоръ все еще колебался и потому желая разсѣять сомнѣнія, заставлявшіе его медлить рѣшеніемъ, онъ созвалъ совѣтъ, состоящій изъ знатнѣйшихъ особъ, которые собрались въ домѣ Князя Талейрана. Императоръ сказалъ имъ твердымъ голосомъ, что онъ не намѣренъ возбуждать войны; что Наполеонъ, три раза обманувъ его, внесъ мечь опустошенія въ самыя нѣдра его владѣній; что его привела въ Парижъ не алчность къ завоеваніямъ, ни мщеніе; что онъ все сдѣлалъ, чтобы предохранить Французскую столицу отъ ужасовъ войны, и что какъ ему, такъ и Союзникамъ его извѣстны только два непріятеля: Наполеонъ и тотъ, кто вздумаетъ покушаться на свободу Франціи. Прусскій Король и Князь Шварценбергъ признали сіи благородныя, возвышенныя чувствованія; ибо оныя не возможно было слышать безъ душевнаго умиленія. Таковая великость духа Россійскаго Императора, наполнивъ изумленіемъ всѣхъ слушателей, снискала ему въ сей достопамятный день вѣчныя права на благородность Французовъ.

Потомъ онъ предлагалъ испытать

расположенія народа, обЪявивЪ, что желаніе большинства голосовЪ будетЪ подкрѣплено всѣми силами СоюзныхЪ МонарховЪ. Ему подтвердили, что большинство голосовЪ состоитЪ изЪ роялистовЪ, и что если они не обнаруживали еще себя, то сему было единственною причинною производство ШатильонскихЪ переговоровЪ, что столица провозглашаетЪ себя вЪ пользу БурбоновЪ, а примѣру ея послѣдуютЪ всѣ Французскія провинціи. У Короля Прусскаго и Князя Шварценберга снова требовали обЪясненія; они отвѣчали согласно видамЪ и желаніемЪ собранія. «И такЪ, сказалЪ Россійскій ИмператорЪ, обЪявлю, что впредь я не намѣренЪ вести никакихЪ переговоровЪ сЪ ИмператоромЪ НаполеономЪ.« И когда ему представили; что должно исключить и фамилію его, то онЪ прибавилЪ: ни сЪ какимЪ членомЪ изЪ его фамиліи.« ПотомЪ Государи обЪяснили, что они будутЪ уважать цѣлость прежнихЪ владѣній Франціи и ея конституцію. Немедлено былЪ сочиненЪ манифеста вЪ таковомЪ смыслѣ: ИмператорЪ **Александръ** его подписалЪ и черезЪ часЪ

онъ былъ напечатанъ и обнародованъ во всемъ Парижѣ.

Сіе объявленіе утвердило участь Франціи и рѣшило судьбу Бурбоновъ. Возстановленіе на престолъ законной династіи зависѣло отъ сего совѣта. Съ той минуты, желанія всѣхъ свободно могли обнаружиться, всѣ сердца и души могли соединиться для ускоренія исполненія. Общество роялистовъ было созвано въ домъ Г. Лепелетье де Марфонтенъ. Болѣе шести сотъ особъ отправились туда и съ восторгѣ своемъ они сочинили адресъ въ сильнѣйшихъ выраженіяхъ Россійскому Императору и Прусскому Королю, съ просьбою, чтобы Французская депутація отправлена была подъ ихъ покровительствомъ къ брату злополучнаго Людовика XVI, и умоляла его возвратить Франціи непоколебимое основаніе общественнаго блага. Гг. Ферранъ, Ла Рошефуко, де Лаферте Мень и Шатобріанъ вручили сей адресъ Императору Александру, который своей стороны обнадежилъ ихъ чрезъ Г. Нессельроде въ согласіи своемъ на рѣшеніе Французовъ.

Общественное мнѣніе было обнародовано добровольно и въ сильныхъ выраже-

ніяхЪ, но не надлежащимЪ порядкомЪ. Законодательный корпусЪ, который по учрежденію своему долженствовалЪ почитаться первымЪ гласомЪ народа, былЪ распущенЪ и не могЪ соединиться вЪ таковомЪ числѣ, которое могло бы придать симЪ актамЪ видЪ законности, каковой требовали обстоятельства. ОдинЪ только СенатЪ дѣйствовалЪ при возстановленіи, но члены онаго всегда готовы были исполнять тиранскія повелѣнія Наполеона; почему Франція казалась болѣе расположенною обвинять ихЪ вЪ своихЪ бѣдствіяхЪ, нежели полагаться на нихЪ для своего освобожденія. КЪ тому же многіе изЪ членовЪ онаго оставили ПарижЪ по приближеніи опасности, и тѣ, которые не учавствовали вЪ намѣреніи роялистовЪ, видя, каковое направленіе приняло общественное мнѣніе, трепетали и о собственной своей безопасности; они страшились дѣйствій народной ненависти и не могли ласкаться надеждою способствовать акту, которой осуждалЪ прежніе ихЪ поступки.

ВЪ таковой неизвѣстности Градское общество осмѣлилось первое провозгла-

сить себя въ пользу Бурбоновъ; оно обнаружило желаніе, чтобы прежняя династія была возстановлена въ лицѣ Лудовика XVIII и законныхъ его наслѣдниковъ. Сіе мужественное рѣшеніе, краснорѣчиво выраженное въ адресѣ, сочиненномъ Г. Белларомъ и подписанномъ Парижскими Мерами, произвело въ столицѣ родъ электрическаго потрясенія, которое проникнувъ во всѣ класы общества, возбудило противъ Наполеона столь сильное негодованіе, что достаточно было одного сего акта, чтобы довершить его паденіе.

Сенаторы, ожидавшіе быть погребенными подъ развалинами Имперіи, созванные деклараціею Россійскаго Императора для учрежденія временнаго правительства и приготовленія новой конституціи, отправились во всемъ парадѣ на чрезвычайное засѣданіе, на которое были приглашены Княземъ Талейраномъ. Они явились въ смущеніи, съ блѣдными лицами, но тихи и учтивы; ибо не знали еще, сколь неограниченно великодушіе Императора Александра. Какъ скоро они извѣстились о предписанныхъ имъ высокихъ должностяхъ, тогда надежда начала водворять-

ся вѣ сердцахѣ ихѣ и глаза заблистали радостію. Сѣ изумленіемѣ взирая на довѣренность, которой почитали себя не достойною, они поспѣшили уступить общественному мнѣнію сѣ такою же скоростію, сѣ какою покорялись волѣ Наполеона. Сіи люди долгое время незнавшіе своихѣ обязанностей, предписывавшіе акты, удручительные для ихѣ отечества, видя себя приглашенными составить новое правительство, сѣ помощію чужестранной силы, приняли на себя тотѣ же духѣ, какой имѣли подѣ покровительствомѣ Наполеона.

Шестьдесятѣ пять Сенаторовѣ, которые за два дни передѣ тѣмѣ приступили бы ко всему, что только требовалось для поддержанія Имперіи, и которые до сихѣ порѣ не переставали находить всѣ войны справедливыми, необходимыми и политическими, отринули сотворившее ихѣ правительство и посредствомѣ чудеснаго превращенія, сѣ восторгомѣ одобрили политическое возстановленіе и наименовали Князя Талейрана, Герцога Далберга, Графа Бернонвиля, Жокура и Г. де Монтескіо членами времяннаго правле-

нія, которые немедленно издали воззваніе къ арміямъ, возвѣщая онымъ, что Франція разторгла свои оковы, въ коихъ стенала столько лѣтъ, и что воины почтены будутъ бунтовщиками противъ отечества, если не оставятъ знаменъ человѣка, которой родясь иноплеменникомъ (*), измѣнилъ всѣмъ нашимъ надеждамъ и обезславилъ честь нашихъ оружій; наконецъ, что Французскіе солдаты перестали принадлежать Наполеону, и что Сенатъ и отечество освобождаютъ ихъ отъ данной клятвы.

Журналы не замедлили обнародовать декларацію Людовика XVIII, данную въ Гартвелѣ, которая уже распространилась въ Понъ-сюръ-Сенѣ и въ Троа. Въ сей деклараціи Монархъ, предвидя участь Наполеона, съ 1 Генваря 1814 года извѣщалъ Французовъ, что единственный залогъ согласія, мира и благополучія долженъ основываться на возстановленіи древней династіи; онъ обѣщалъ уничтожить многіе налоги. Желая внушить въ сердца

(*) Смотри воззваніе времяннаго правительства.

всѣхъ довѣренность и спокойствіе, онъ увѣрялъ военныхъ, что титла ихъ и чины оставятся при нихъ, обѣщая сверхъ того Генераламъ, приверженнымъ къ фамиліи Бурбоновъ, награды гораздо дѣйствительнѣйшія, нежели какія даны имъ похитителемъ, который всегда былъ готовъ не признавать заслугъ. Въ газетахъ также напечатана была прокламація Монсье, брата Короля, выданная имъ при вступленіи на Французскую землю, что „бѣдствія наши должны быть изглажены „надеждою на забвеніе заблужденій и несогласія и раздоровъ.„ Таковые благородныя мысли, о коихъ долговременное тиранство истребило у насъ воспоминаніе, лаская великодушнымъ душамъ, возбуждали энтузіазмъ и заставляли проливать слезы умиленія самыхъ возмутительныхъ людей.

Въ засѣданіи 3 Апрѣля, Сенатъ объявилъ отрѣшеніе Императора Наполеона и освободилъ народъ и армію отъ присяги въ вѣрности. Сіе рѣшеніе предохранило Францію отъ междоусобной войны и придало публичному мнѣнію видъ національнаго желанія; оно соединило съ выгодами

отечества всѣхъ добрыхъ гражданъ, разрушило ослѣпленіе, привязывающее еще армію къ ея начальнику, и возвысило достоинство судилища, котораго чрезмѣрное угожденіе заставляло нѣсколько разъ унижаться предъ Наполеономъ. Но въ изданіи сего акта Сенатъ учинилъ большую ошибку, предавъ посрамленію человѣка, въ которомъ потомство найдетъ довольно великихъ качествъ, для перевѣса многочисленныхъ его проступковъ, и которому сіи самые Сенаторы обязаны своими преимуществами и состояніемъ. Лаская ему въ то время, когд онъ дѣлалъ величайшія насильства, не лишились ли они права принимать участіе въ общественномъ негодованіи? Тогда только примѣтили, что сей человѣкъ низокъ, подлъ, когда онъ пересталъ быть страшнымъ, и вздумали оскорблять память его лиша его короны. Едва возможно было укротить озлобленіе горделивой черни. Но не значило ли обижать и Союзныхъ Государей помрачивъ воина, коему и Монархи часто оказывали большое уваженіе. Особливо же симъ оскорбляли Австрійскаго Императора, которому тогда каза-

лось непростительно, что онъ предалъ Наполеону дочь свою.

Какъ скоро Сенаторы разрушили позлащенныя свои цѣпи, то отправились къ Россійскому Императору для изъявленія своего уваженія. Монархъ отвѣчалъ на ихъ привѣтствіе слѣдующими великодушными словами: «Человѣкъ, называвшій себя Моимъ союзникомъ, несправедливо вторгнулся въ мои владѣнія; Я воевалъ съ нимъ, а не съ Франціею. Я другъ Французскому народу, здѣланное теперь рѣшеніе еще болѣе усугубляетъ сіе чувствованіе. Весьма справедливо, весьма благоразумно дать Франціи твердые и основательные учрежденія, соотвѣтственныя съ дѣйствительнымъ ея просвѣщеніемъ. Союзники Мои и Я будемъ защищать ваше рѣшеніе.» Сіи слова, столь благородные, столь сладостные для великодушнаго сердца, такъ растрогали Императора Александра, что Онъ на минуту остановился, потомъ съ смущеніемъ продолжалъ: въ доказательство продолжительнаго союза, какой Я хочу имѣть съ Французами, Я возвращаю всѣхъ плѣнныхъ, находящихся въ Россіи; временное правительство у Меня

просило ихъ, и Я дарю ихъ Сенату, въ вознагражденіе за здѣланное имъ установленіе.

Такимъ образомъ могущественнѣйшій земный Монархъ, коего честолюбія ничтобы не могло остановить; ежели бы онъ послѣдовалъ Наполеону, вмѣсто того, чтобы устрашить свѣтъ успѣхами своихъ войскъ, старался поселить радость въ сердца всѣхъ. Извѣстясь, что военные скрываются въ Парижѣ, Онъ приказалъ увѣдомить ихъ, чтобы они ничего не опасались, и чтобы совокупно съ Французами споспѣшествовали великимъ мѣрамъ, долженствовавшимъ рѣшить благоденствіе Франціи и цѣлаго свѣта. Благосклонность Императора снискала ему всеобщую любовь, а великость души его была могущественнѣе, нежели Его оружіе. Въ семействахъ, въ публичныхъ обществахъ, вездѣ говорили только о добродѣтеляхъ Александра; каждому пріятно было разсказывать или слышать слова, вышедшія изъ устъ сего добраго Государя, котораго благоволеніе простиралось до столь высочайшей степени, что Французскій народъ гордился даже его тріумфомъ.

Когда его увѣряли, что весь народъ нетерпѣливо ожидалъ его прихода, то Онъ отвѣчалъ съ пріятностію: „обвиняйте въ моемъ замедленіи храбрость Французовъ!“

Тотъ день, въ который Сенатъ произнесъ отрѣшеніе Наполеона, Россійскій Императоръ и Прусскій Король проѣзжали верьхами по прекраснѣйшимъ частямъ города и съ благоволеніемъ принимали объявленія народнаго удовольствія. Сія самая чернь придавала Государямъ болѣе блеска и удвоила благодарность гражданъ всѣхъ сословій. Монархи изъявили желаніе быть въ театрѣ. Хотѣли представить піэсу Траянъ, но Россійской Императоръ, опасаясь найти въ ней выраженія противныя его скромности, желалъ, чтобы представлена была Весталка. Сей спектакль, единственный въ нашихъ лѣтописяхъ представлялъ многіе тысячи военныхъ, пришедшихъ изъ всѣхъ странъ Европы, покрытыхъ ранами, знаками отличій и собравшихся въ мѣсто, посвященное удовольствіямъ, послѣ продолжительныхъ сраженій за независимость своихъ владѣній и за спокойствіе свѣта.

При видѣ подобной картины, гораздо важнѣйшей, гораздо величественнѣйшей нежели всѣ очарованія театральнаго зрѣлища, единогласные раздались восхищеніи и восклицанія и распространились по всей залѣ. Монархи выражали, сколь для нихъ чувствителенъ пріемъ великодушнаго народа, которой не взирая на свой національной духъ, не могъ удержаться, чтобы не платить имъ долгъ благодарности, каковой заслуживала безпримѣрная ихъ умѣренность. Въ оркестрѣ, посредствомъ щастливаго внушенія, раздалась музыка національной пѣсни: Виватъ Генрихъ IV. Хотя оная давно уже была забыта, но произвела какъ бы безуміе. Всѣ зрители два раза ее пропѣли; женщины, коихъ прелести и украшеніе прибавляли блеска сему празднеству, раздѣляли общественное веселіе, махая платками и бросая въ партеръ бѣлыя кокарды.

На другой день толпа роялистовъ, украшенная бѣлою кокардою и развѣвая бѣлое знамя, проѣзжала городъ восклицая: да здравствуетъ Король! Окошки и балконы были покрыты безчисленнымъ множествомъ народа, который отвѣчалъ на сіе

восклицаніе, повторяя оное съ восхищеніемъ. Нѣтъ болѣе войны, нѣтъ конскрипціи! кричали со всѣхъ сторонъ. Матери, растроганныя сими увѣрительными словами, съ нѣжностію взирали на дѣтей своихъ и радовались, помышляя, что они не будутъ болѣе жертвою ненасытной алчности къ завоеваніямъ. Въ то же время явилось знаменитое твореніе Г. Шатобріана, подъ названіемъ о *Бонапарте и Бурбонахъ*. Сіе блистательное сочиненіе совершенно сорвало завѣсу, прикрывавшую еще гнусное тиранство, и внушило Французамъ необходимость имѣть отеческое правительство. Дѣйствіе онаго было чудесно и ненависть противъ Наполеона тогда столь была велика, что сей Дифирамбъ (*), внушенный добродѣтельнымъ негодованіемъ, принятъ во всей Франціи и во всей Европѣ съ такимъ одобреніемъ, какого нынѣ не получитъ самая безпристрастная исторія.

Въ тотъ же день (3 Апрѣля) восемдесять членовъ Законодательнаго Корпуса,

---

(*) Дифирамбъ, родъ стихотворенія, посвященнаго Бахусу.

находившіеся уже въ Парижѣ, собрались подъ предсѣдательствомъ Г. Феликса-Фолкона, для изъявленія согласія на актъ Сената, коимъ Наполеонъ и члены его фамиліи отрѣшались отъ престола. Судилище Кассаціонное и общество Адвокатовъ подписались также на опроверженіе Имперіи, выражая желаніе, чтобы новая конституція утвердила общественную свободу и возвратила Франціи древнюю ея династію. Большая часть изъ цареубійцъ, отправлявшіе публичные должности, первые подали голосъ къ возвращенію Бурбоновъ. Такимъ образомъ все предвѣщало, что возвращеніе сей Августѣйшей фамиліи на Французской престолъ будетъ принято съ радостію и что всѣ чиновники и Градоправители охотно покорятся постановленію Сената и повелѣнію времяннаго Правительства.

Одинъ изъ Министровъ обнаружилъ національной гвардіи желаніе Союзниковъ видѣть ее украшенною бѣлою кокардою; но начальникъ Главнаго Штаба далъ замѣтить, что Россійской Императоръ желаетъ свободнаго изъясненія мыслей, и

должно, чтобы національная гвардія рѣшилась сама собою на сіе безъ посредства чужестранцевъ. Россійской Императоръ принялъ сіе замѣчаніе весьма благосклонно, что и доказываетъ, что онъ хотѣлъ, чтобы Французы свободно выражали свои мнѣнія. Генералъ Дессоль, котораго имя довольно извѣстно во Французской арміи, наименованный начальникомъ гражданской гвардіи, ревностно соотвѣтствовалъ сей высокой довѣренности; онъ просилъ Генерала Пикарда, котораго полученная рана удержала въ Парижѣ, и коего дарованія и дѣятельность обѣщали ему полезныя содѣйствія, вспомоществовать ему въ семъ дѣлѣ. Чистосердечное и праводушное присоединеніе сихъ Генераловъ къ фамиліи Бурбоновъ увлекло Герцога Беллуно, Генераловъ Дюпона, Леграна и множество Офицеровъ, которые послѣдовавъ ихъ примѣру, радовались, что исторгли свое отечество отъ ига Наполеона, и не подвергли оное власти чужестранцовъ. Наконецъ Генералъ Дессоль, по повелѣнію временнаго правительства, возвѣстилъ, что Парижская гвардія приметъ бѣлую кокарду, долженствующую быть національнымъ

цвѣтомъ; ибо оный снова здѣлался знакомъ соединенія всѣхъ Французовъ. Сіе соединеніе, столь нужное для спасенія народа, было удивительное дѣйствіе той врожденной любви, каковую народы сохраняютъ къ законнымъ своимъ Государямъ для общаго блага. Провидѣніе начертавъ ее во всѣхъ сердцахъ, хотѣло, чтобы оно пробудилось въ насъ съ тѣмъ большею силою, что длинный рядъ злощастныхъ и знаменитыхъ произшествій, по видимому, совершенно заглушилъ ее.

КНИГА ДВѢНАДЦАТАЯ.

МИРЪ И ХАРТІЯ.

Тѣмъ временемъ, какъ Парижане занимались опроверженіемъ Имперіи и явно обнаружили себя въ пользу Бурбоновъ, Наполеонъ собиралъ войска свои въ Фонтенебло. Рагузскій Герцогъ, занявъ позицію при маленькой рѣчкѣ Эссонъ, нашелъ его въ семъ городѣ; тайное ихъ совѣщаніе продолжалось весьма долго. Безъ сомнѣнія Бонапарте упрекалъ его за то, что онъ не продолжилъ однимъ днемъ защиту Парижа, и сей несправедливый упрекъ оскорбилъ Маршала.

Наполеонъ, осматривая въ Эссонѣ позицію Герцога Рагузскаго, узналъ отъ Офицеровъ, оставленныхъ Маршаломъ для здачи заставъ, что народъ объявилъ себя въ пользу Бурбоновъ, и что Россійскій Императоръ выдалъ декларацію, которая уничтожила всѣ его надежды. Вскорѣ послѣ того онъ возвратился въ Фонтенебло

молчаливъ, задумчивъ въ и величайшей горести. Бонапарте все еще надѣялся, что препорученіе, данное имъ Герцогу Виченскому остановить приговоръ, который готовы были произнести Союзные Государи, исполнится съ успѣхомъ; но дипломатъ сей возвратясь извѣстилъ его, что онъ просилъ за него у Россійскаго Императора, который рѣшась защищать волю народа, совѣтовалъ ему избрать для себя уединенное мѣсто, и что симъ только средствомъ утвердится спокойствіе Франціи и миръ Европы. Въ тотъ же день (2 Апрѣля) Графъ Шуваловъ пріѣхалъ въ Мелунъ и просилъ аудіенцію у Наполеона. Генералъ Флаго, посланный узнать причину его прибытія, имѣлъ съ нимъ свиданіе.

Гвардія, оставшаяся на дорогѣ отъ Троа, поспѣшно пришла въ Фонтенебло; за оною послѣдовали остальныя войска. Извѣстіе о взятіи столицы поразило ихъ ужасомъ. Они могли идти на Парижъ и сдѣлать городъ сей театромъ кровопролитной брани; но сіе отвергали благородномыслящія души ихъ. Уже смятеніе и уныніе распространилось въ рядахъ воиновъ; одни полки на-

значили депутатовъ для выраженія своихъ мнѣній, другіе разсуждали. Наконецъ сія армія, болѣе десяти лѣтъ покорная гласу своего предводителя, по видимому, желала освободиться отъ скорбнаго повиновенія, страшась ужасовъ междоусобной войны. Сострадая къ бѣдствіямъ отечества, они измѣривали глубину оныхъ и все сдѣлавъ для славы, не хотѣли увеличивать собственныхъ злополучій.

Въ воскресенье (3 Апрѣля) происходило такое волненіе во Французскихъ войскахъ, какого невозможно описать. Совсѣмъ тѣмъ, всѣ Генералы и Офицеры приняли здравыя мысли и не хотѣли споспѣшествовать гласу низверженнаго честолюбца; они еще болѣе укрѣплялись въ своихъ мысляхъ, получая извѣстія изъ Парижа, возвѣщавшія каждую минуту, что чиновники цѣлыми партіями переходили на сторону Бурбоновъ. Сверхъ того многіе Маршалы отказались дѣйствовать, и многіе изъ военныхъ согласовались съ ихъ мнѣніемъ. Но большая часть войскъ все еще повиновалась Наполеону, и не взирая на намѣренія солдатъ, онъ умѣлъ удерживать ихъ въ покорности.

Отслушавъ обѣдню, Бонапарте приказалъ сдѣлать смотръ, и собравъ вокругъ себя Офицеровъ и унтеръ офицеровъ, онъ сказалъ имъ значительнымъ тономъ, что непріятель, выигравъ поспѣшностію время, пришелъ прежде его къ Парижу, и овладѣлъ имъ; что горсть эмигрантовъ, соединясь съ мятежниками, надѣли бѣлую кокарду и предались власти Русскихъ; что даже заключась въ настоящихъ своихъ границахъ онъ не можетъ получить мира; но что онъ скоро нападетъ на столицу и принудитъ непріятеля ее оставить. „Могу ли я на васъ положиться?" съ жаромъ вскричалъ Бонапарте. Полагайтесь! полагайтесь! отвѣчали тысячу голосовъ; мы носимъ трехцвѣтную кокарду, прибавилъ онъ и прежде погибнемъ, нежели ее снимемъ.

Будучи доволенъ живѣйшимъ впечатлѣніемъ, произведеннымъ сею рѣчью, онъ вошелъ во дворецъ, увѣренный въ ихъ преданности и созвавъ начальниковъ корпусовъ для открытія имъ своихъ намѣреній, онъ разсуждалъ съ ними о исполненіи оныхъ и назначилъ приступъ 5 Апрѣля. Желая избѣгнуть безчисленныхъ бѣдст-

вій, Маршалы и начальники корпусовъ собрались къ Невшательскому Князю и разсуждали, что должно имъ предпринять. Въ жару своихъ прѣній они раздрали кровавую завѣсу, прикрывавшую раны любезнаго нашего отечества. Тщетно миліоны Французовъ призывались къ оружію; столица и половина порабощенныхъ нашихъ провинцій не могли болѣе отвѣтствовать на сіе воззваніе. Напрасно наша армія хотѣла противиться; войска чужестранныхъ Государей, въ десятеро многочисленнѣйшія, приближались, чтобы истребить остатки храбрыхъ нашихъ воиновъ, которые проходя Францію во всѣхъ мѣстахъ, оставляли только потоки крови и кучи развалинъ.

Скорбные воины, помышляя о сей плачевной картинѣ, полагали, что благоденствіе цѣлаго народа не должно быть посвящено выгодамъ одного человѣка. Извѣстіе объ отрѣшеніи его отъ престола укрѣпило ихъ рѣшеніе и заставляло ихъ предусматривать, что армія почтется возмутительною, если будетъ противиться желанію народа, изъявленному съ такимъ восторгомъ и законнымъ порядкомъ,

и что для избѣжанія ужаснѣйшихъ злополучій должно совѣтовать сложить съ себя корону тому, которой былъ препятствіемъ для спокойствія свѣта. Сію истинну, пагубный плодъ всего, что ласкательство столь долгое время скрывало, весьма было трудно внушить такому человѣку, которой недавно еще заставлялъ трепетать Королей. Князь Нефшательской принялъ на себя извѣстить о томъ Наполеона. Въ сумерки онъ пошелъ во дворецъ и достигши покоевъ Бонапарте, нашелъ его погруженнымъ въ глубокую меланхолію. Князь Нефшательской съ наружнымъ спокойствіемъ, далъ ему замѣтить, что отрѣченіе есть единственное средство, могущее предохранить Францію отъ ужаснѣйшаго раздробленія; но предложеніе его съ гнѣвомъ было отвергнуто и Князь удалился, не смѣя болѣе противорѣчить.

Вечеромъ Императорская гвардія получила повелѣніе идти къ Парижу и прошла ночью Фонтенеблоской лѣсъ при яркомъ мѣсячномъ сіяніи; глубокое молчаніе царствовало во всѣхъ рядахъ; раздавался одинъ только звукъ штыковъ, который смѣшивался съ глухимъ шумомъ движенія

многочисленной артиллеріи; мрачныя размышленія занимали старыхъ солдатъ; большая часть изъ нихъ приводили себѣ на память то время, въ которое сей же самый лѣсъ сіялъ торжествами, когда Бонапарте выѣзжалъ для прогулки или за охотою. Опечаленные шли съ горестными мыслями; они завидовали участи своихъ товарищей, погибшихъ на полѣ битвы, и оплакивали занятіе нашей столицы, вспоминая, что нѣкогда сами вступали въ столицы почти всѣхъ Европейскихъ Государствъ. Желая омыть позоръ сей, они рѣшились погребсти себя подъ развалинами Парижа: благородная и превосходная гордость возбуждаемая любовію къ славѣ и отечеству!

По утру 4 Апрѣля армія двинулась къ Ессону, гдѣ находилась гвардія и корпусъ Герцога Рагузскаго. Триста орудій, привезенныхъ съ поля брани, сложенныя вмѣстѣ съ тѣми, которые были при арміи, составили артиллерію изъ семи сотъ пушекъ. Союзныя войска съ своей стороны пошли также впередъ и около двухъ дней занимали линію, простирающуюся отъ Версаля до Апи. Солдаты, вос-

пламененные голосомъ Наполеона, казались расположенными за нимъ слѣдовать, и столица могла бы обратно быть взята, если бы сія армія, малая числомъ своимъ, но ужасная воспламеняющимъ ея жаромъ, вышла изъ Фонтенебло.

Неудачное предпріятіе Князя Нефшательскаго, заставило Маршаловъ рѣшиться на отважный поступокъ. Маршалъ Ней, сдѣлавшійся истолкователемъ ихъ, удержалъ рвеніе, какое Бонапарте внушалъ солдатамъ, требуя громкимъ голосомъ, чтобы онъ отрекся отъ престола. Наполеонъ притворился, будто не слышитъ его и продолжалъ располагать войсками. По окончаніи смотра онъ пошелъ во дворецъ. Маршалъ Ней послѣдовавъ за нимъ, спросилъ, знаетъ ли онъ о революціи, произшедшей въ Парижѣ. Бонапарте съ принужденнымъ спокойствіемъ отвѣчалъ, что нѣтъ. Тогда Маршалъ, подавъ ему газеты, съ твердостію сказалъ. «Вы уже не Императоръ, не можете начальствовать и армія не должна болѣе вамъ повиноваться. Прочтите актъ вашего отрѣшенія.» Бонапарте, пораженный симъ громоноснымъ извѣстіемъ, предался сильно-

му гнѣву; и Ней съ твердостію сказалъ, что одно только его отрѣченіе можетъ спасти Францію. Начался сильный споръ, какъ вдругъ вошелъ Маршалъ Лефевръ и обратясь къ Наполеону съ большимъ жаромъ сказалъ: »вы погибли; вы не хотѣли слушать совѣтовъ вашихъ чиновниковъ; Сенатъ отрѣшилъ васъ отъ престола.«

Никогда еще столь откровенный и столь дерзкій языкъ не поражалъ слуха Наполеона; онъ былъ внѣ себя; слышанныя имъ слова привели его въ большое замѣшательство и совершенно похитили все его надежды; глаза и голосъ измѣняли притворному его спокойствію, а душа, сильно волнуемая, казалась издыхающею отъ горести. Въ то же время пришли Маршалы Макдональдъ и Удино; извѣстясь о великихъ происшествіяхъ, случившихся въ Парижѣ, они присоединились къ своимъ сотоварищамъ. Совершенно зная правило, что войска учреждены для того, чтобы вспомоществовать, а не противоборствовать желаніямъ народа, они рѣшились не допустить армію до упрека, каковому они подвергнулись бы, слѣпо раболѣпствуя честолюбцу. Подъ предлогомъ

защищенія отечества пришедъ во дворецъ, они донесли Наполеону, что возмущеніе непреодолимо и что все погибнетъ, если онъ не откажется отъ престола, коего ему не позволяютъ уже занимать, и что они сами не могутъ долѣе ему повиноваться не обнаруживъ себя преступниками противъ законовъ отечества и чести.

Бонапарте, принужденный уступить жестокой необходимости, казался быть согласнымъ сложить санъ свой и подписать актъ отреченія въ пользу своего сына. Онъ прибавилъ къ оному убѣдительнѣйшее письмо къ Россійскому Императору, въ коемъ просилъ Его о снисхожденіи. Маршалъ Ней и Герцогъ Тарентскій, переставъ почитать Наполеона Императоромъ, продолжали вести себя въ разсужденіи его какъ старинные друзья, и по сему отношенію заслуживаютъ похвалу за почтеніе свое къ сему злополучному воину. Оба Маршала, вмѣстѣ съ Герцогомъ Виченскимъ поѣхали въ Парижъ съ предложеніемъ Бонапарта, чтобы представить оное на разсмотрѣніе Сената и узнать, ж[illegible]аютъ ли Парижане, чтобы Французскій престолъ перешелъ

вѣ его сыну. Армія, безпокоясь объ его участи, твердо настояла въ исполненіи сей статьи, желая, чтобы правила, для которыхъ она столь долго сражалась, всегда существовали.

Тѣмъ временемъ Герцогъ Рагузскій, начальствующій передовыми постами арміи, имѣлъ сношеніе съ Княземъ Шварценбергомъ, (*) и посредствомъ тайныхъ распоряженій обѣщалъ Князю не сражаться, если жизнь Наполеона не будетъ подвержена опасности. По утвержденіи сихъ условій, депутаты, посланные въ Парижъ для испрошенія регентства, переправлясь черезъ Эссону, увѣдомили Маршала, что Наполеонъ подписалъ обѣщаніе отрѣчься отъ престола; что они ѣдутъ просить прекращеній военныхъ дѣйствій, и что ему назначено также отправиться съ ними въ Парижъ. Сіе извѣстіе повергло Маршала въ такое смущеніе, какого онъ не въ силахъ былъ скрыть; онъ признался, что Шварценбергъ присылалъ ему предложенія, на которыя онъ отвѣтствовалъ. Герцогъ Тарентскій, ко-

(*) Достовѣрная записка Герцога Рагузскаго, стран. 7.

его откровенность весьма извѣстна, сказалъ ему, что если не заключено еще никакихъ условій, то Маршалъ можетъ принять участіе въ выгодахъ Наполеона. Герцогъ Виченскій прибавилъ, что таковое сближеніе, которому онъ не знаетъ причины, есть благопріятное для нихъ начало; почему и просилъ Маршала ѣхать вмѣстѣ. Герцогъ Рагузскій, будучи принужденъ согласиться, сдалъ начальство Генералу Сугаму, котораго войска Бонапарте присоединилъ къ его корпусу.

Уполномоченные, коимъ поручено было защищать выгоды Наполеона и его фамиліи, пріѣхавъ въ Шевилли, гдѣ находилась главная квартира Шварценберга, сообщили ему цѣль своего согласія; но Герцогъ Рагузскій не согласился явиться съ нимъ къ Князю. Маршалы отправились потомъ къ Виртембергскому Кронъ-Принцу, который увѣрялъ ихъ, что условіе, сдѣланное съ Герцогомъ Рагузскимъ, уже утверждено; но Маршалъ снова объявилъ, что онъ не заключалъ никакого условія (*).

(*) Историческія записки о кампаніи 1814 года, описанныя Ф. Кохомъ, баталіоннымъ начальникомъ. Томъ II. стр. 578.

Герцогъ Виченскій и Маршалы Ней и Макдональдъ, въѣхавъ въ Парижъ, были свидѣтелями того веселія, каковое производило возвращеніе Бурбоновъ: горестное предвѣщаніе для Наполеона. Совсѣмъ тѣмъ, они усердно исполняли возложенное на нихъ препорученіе. Будучи представлены Россійскому Императору, они воспользовались благосклоннымъ его пріемомъ и изъяснили намѣренія Наполеона и желанія арміи. Императоръ, казавшійся сперва расположеннымъ принять ихъ предложеніе, оставилъ ихъ до другаго дня. Сіе начало показалось Маршаламъ столь щастливымъ предзнаменованіемъ, что они отправили въ Фонтенебло курьера съ извѣстіемъ къ Бонапарту, что они надѣются все кончить благополучно. Пріѣздъ сего курьера исполнилъ радостію главную квартиру, но не произвелъ никакого пріятнаго ощущенія; онъ былъ печаленъ цѣлый день. « Я отказался отъ престола потому, что хотѣли того, сказалъ онъ; но Франціи въ томъ нѣтъ никакой пользы. Сынъ мой еще ребенокъ, а жена не знаетъ государственныхъ дѣлъ. Г. Шварценбергъ будетъ Вице-Императоромъ; но

если Австрія этого хочетъ, то согласятся ли на то другія державы? Нѣтъ, они не допустятъ, чтобы соединились двѣ сильнѣйшія Имперіи; и я не ожидаю ничего хорошаго отъ предпріятія Маршаловъ.«

Въ слѣдующій день, какъ увѣряютъ, Россійскій Императоръ позвалъ къ себѣ Князя Талейрана, Генерала Деаоля и главнѣйшихъ союзныхъ Министровъ для разсужденія о сдѣланномъ Наполеономъ предложеніи покориться опредѣленію Сената, если Монархи согласятся передать сыну его права на Французскій престолъ. Въ семъ знаменитомъ возвѣщеніи Государственные люди говорили, что военная сила не имѣетъ права разсуждать о судьбѣ Имперіи; что она должна повиноваться, а никогда не вступаться въ наслѣдіе престоловъ; что низложеніе Бонапарте произошло съ согласія главнѣйшихъ членовъ Государства и одобрено народомъ. Они говорили, что одна только долговременность и благодѣянія, оказанныя народу, даютъ право надъ нимъ царствовать; что если бы Наполеонъ былъ и законный Государь, то заслуживаетъ отрѣшенія за то, что онъ

старался утвердить себя насильствами, лишающими его законнаго права, и что сей завоеватель желалъ укрѣпить тронъ свой на силѣ войскъ: почему оный и долженъ ниспровергнуться, когда онъ лишился своего войска.

Къ симъ разсужденіямъ, состоящимъ въ соображеніи народныхъ правъ, присоединились также политическія причины, основанныя на безопасности Государствъ. Хотя Министры съ наружнымъ спокойствіемъ положили возстановить регенство, но безпокойства ихъ не уменьшались; они знали, что одно только возвращеніе Бурбоновъ можетъ изцѣлить язвы Франціи, безъ пролитія капли крови; они увидѣли бы въ нѣдрахъ своихъ фамилію знаменитую въ нашихъ лѣтописяхъ, которая царствуя нѣсколько вѣковъ со славою и почти всегда съ кротостію, раждала героевъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и добродѣтельныхъ Государей. Наконецъ, сіи Министры прибавили, что время заглушить духъ, алчущій завоеваній, не менѣе опасный для престола, какъ и революціонный духъ, и что поставя правиломъ законность правъ, столь необходимую для спокойствія на-

родовъ, прекратятъ виновныя надежды, каковыя неумѣренное честолюбіе поселило въ рядахъ воиновъ, съ того времени, какъ пагубный примѣръ доказалъ, что солдатъ не ставитъ границъ своему поприщу.

Не взирая на таковыя разсужденія и актъ, подписанный Императоромъ Александромъ, не вести переговоровъ ни съ Наполеономъ, ни съ какимъ членомъ его фамиліи, когда Маршалы Ней и Макдональдъ увѣряли »что армія никогда не отречется отъ прежняго своего полководца: то увѣреніе сіе можетъ быть нѣсколько смягчило бы декларацію, изданную 31 Марта. Явясь снова къ Россійскому Императору, они съ жаромъ защищали сторону Бонапарте, какъ вдругъ Генералъ-Адьютантъ Его Величества вручилъ ему депешу. Прочитавъ ее, Монархъ сказалъ Маршаламъ: но знаете ли вы желаніе арміи, которой непреклонность безпрестанно мнѣ представляютъ. И такъ, объявляю вамъ, что корпусъ Герцога Рагузскаго весь перешелъ на сторону Союзниковъ. »При сихъ словахъ уполномоченные возразили, что это невозможно

и что ложно донесено Его Величеству.« Въ такомъ случаѣ, прибавилъ Монархъ, прочтите сами. Сказавъ это, онъ отдалъ имъ донесеніе Князя Шварценберга, ясно доказывающее сіе неожиданное происшествіе.

Уполномоченные пребывали въ смущеніи, какъ вдругъ Маршалъ Ней, коего предпріятія всегда были скоры и непостоянны, объявилъ, что какъ сія армія оставила Императора, то должно покориться необходимости, и что онъ самъ соглашается на его отрѣшеніе. Между тѣмъ Лордъ Кастлеригъ пріѣхалъ изъ Дижона, и такъ какъ политика Англичанъ была въ пользу Бурбоновъ, то сіи два случая не только много споспѣшествовали совершенному отрѣшенію Наполеона, но и разсѣяло всѣ недоумѣнія касательно правительства, назначеннаго учредить во Франціи.

Отложеніе корпуса, начальствуемаго Герцогомъ Рагузскимъ, ускорило слѣдующее непредвидѣнное обстоятельство. Вскорѣ послѣ отъѣзда Маршала съ уполномоченными въ Парижъ Бонапарте прислалъ повелѣніе Графу Сугаму пріѣхать

вѣ Фонтенебло, неизвѣстно для чего. Получивъ оное, Генералъ немедленно созвалъ главнѣйшихъ своихъ Офицеровъ, которые всѣ, выключая Генераловъ Шастеля и Люкотта знали о тайныхъ сношеніяхъ съ Княземъ Шварценбергомъ, и полагая, что оные открыты, положили исполнить договоръ Герцога Рагузскаго и отправиться въ Версалію. По Фонтенеблоской дорогѣ разставлены были посты, для задержанія и препровожденія къ Генералу Сугаму Офицеровъ и курьеровъ, ѣдущихъ изъ квартиры Бонапарте; а на другой день передъ разсвѣтомъ войска сего корпуса двинулись въ походъ, будучи увѣрены, что идутъ атаковать съ праваго фланга союзныя войска. Таковой поступокъ совершенно разстроилъ войска, коими Бонапарте еще надѣялся располагать и ему невозможно уже было защищать права своего сына. Какъ скоро онъ узналъ, что 6й корпусъ отложился, то приказалъ Генералу Белліарду прикрыть Версальскую дорогу нѣсколькими эскадронами и изъяснилъ ему причину тому слѣдующимъ горестнымъ восклицаніемъ: ктобы могъ ожидать подобнаго поступка отъ Мар-

монта, отъ того человѣка, котораго я извлекъ изъ низкаго состоянія, съ которымъ раздѣлялъ послѣдній кусокъ хлѣба, и для котораго я составилъ и состояніе и славу. Участь Государей дѣлать неблагодарныхъ!»

Совсѣмъ тѣмъ корпусъ Герцога Рагузскаго по прибытіи въ Версаль увидя, что былъ обманутъ, началъ явно роптать, не взирая на дѣланныя обѣщанія. Офицеры изломали свои шпаги и сорвали съ себя эполеты; старые солдаты разбѣжались и оставили своихъ начальниковъ, потомъ собрались вмѣстѣ и рѣшились итти обратно въ Фонтенебло. Но молодые конскрипты, видя, что Маршалъ Франціи положилъ оружіе, почитали войну оконченною. Радуясь, что достигли конца пагубныхъ трудовъ своихъ, они соединились во множествѣ и надѣли бѣлую кокарду. Сельскіе жители, избавившіеся отъ ужасовъ войны, одобряли поступокъ сихъ солдатъ, которые были ими приняты тѣмъ съ большимъ восхищеніемъ, что кровопролитныя сраженія заставляли отчаяваться въ ихъ жизни и цѣлыя семейства ихъ

благодарили Бога за сіе неожиданное произшествіе, произведшее ихъ.

Герцогъ Рагузскій, заключивъ договоръ объ отрѣшеніи Наполеона, нарушилъ обязанности солдата, отъ коихъ не имѣлъ права отступать какъ только съ согласія полководца, ввѣрившаго ему начальство. До тѣхъ же поръ онъ не долженъ былъ внимать представленіямъ чужестранцевъ, или вести переговоры только съ правительствомъ, признаннымъ народомъ. Условливаясь о жизни своего Государя, онъ оказалъ себя болѣе неблагодарнымъ, нежели великодушнымъ; ибо онъ заставлялъ сомнѣваться въ неприкосновенности, которой въ то время не льзя было оспоривать, если бы даже Наполеонъ былъ на краю гроба, то не довольно онъ прославивъ себя войною, чтобы также съ честію окончить теченіе своихъ дней? Не долженъ ли онъ былъ лучше желать его смерти, нежели оставить ему жить послѣ подобнаго злополучія? Послѣдствіе ясно доказало, что подвергнувъ такого воина униженію, его лишили блеска прежней его славы.

Отложеніе Герцога Рагузскаго можно почесть преждевременнымъ, а такъ какъ

между нашими Маршалами онъ былъ одинъ изъ тѣхъ, которые жили болѣе для потомства, нежели для богатства, то должно полагать, что нѣкогда Исторія будетъ порицать его за такой проступокъ. Слѣдуя теченію происшествій, онъ долженствовалъ бы стараться согласить любовь свою къ отечеству съ благодарностію къ своему благодѣтелю.

Войска, присоединенныя къ разрушенной колесницѣ Наполеона клятвенными устами, находились въ ужаснѣйшемъ положеніи; взоры всѣхъ обращены были на нихъ; съ одной стороны ихъ призывало отечество, съ другой, покорные своему военачальнику, они почитали долгомъ до послѣдняго издыханія ему повиноваться, и никогда не оставлять его. Генералъ Люкетъ предложилъ имъ вести себя такимъ образомъ, который болѣе приличествовалъ ихъ обязанности. «Храбрые воины никогда не бѣгутъ, возвѣщалъ онъ въ прокламаціи своей, данной въ Корбелѣ (5 Апрѣля); они должны умереть на своемъ постѣ и ревностно служить всякому правительству, избранному волею народа.» Сей неустрашимый Гене-

ралъ, коего правила всегда будутъ уважаемы, до тѣхъ поръ, какъ военная слава будетъ почитаема просвѣщенными народами, ожидалъ съ довѣренностію и принималъ съ покорностію повелѣнія, присылаемые ему правительствомъ, какъ скоро оное утвердилось законнымъ порядкомъ.

Переломъ ежедневно становился ужаснѣе, и Наполеонъ, желая сохранить оставшихся военачальниковъ, издалъ противу Сената манифестъ, въ коемъ благодарилъ армію за то, что она признаетъ Францію единственно въ немъ, а не въ жителяхъ столицы. Онъ возставалъ противъ Герцога Рагузскаго, объявляя, что не принимаетъ ни жизни, ни свободы отъ подданнаго; напоминалъ, что осыпалъ благодѣяніями Сенаторовъ, которые не краснѣли обвинить его въ перемѣнѣ актовъ при изданіи ихъ; онъ объявлялъ что никогда не имѣлъ надобности прибѣгать къ такимъ хитростямъ, потому что подпись руки его была повелѣніе для Сената, который всегда дѣлалъ больше, нежели отъ него требовали.

Тѣмъ временемъ, какъ Наполеонъ былъ доведенъ до такой крайности, Марія Луиза и сынъ ея, въ сопровожденіи Министровъ и Совѣта регентства, расположились въ Блоа, гдѣ дѣлали частые совѣщанія, но безъ всякаго послѣдствія. На берегахъ Лоара извѣстно было, что Парижъ находится во власти союзниковъ. „Но такъ какъ сообщеніе было прервано, то западныя провинціи не знали еще постановленій Сената въ пользу Бурбоновъ, и повиновались еще Имперскимъ законамъ. Желая набрать новыя войска для дополненія арміи своего брата, Іосифъ и Іеронимъ разсылали повелѣнія Префектамъ департаментовъ незавоеванныхъ областей. Они отправились въ Орлеанъ, гдѣ находилась аммуниція и множество артиллеріи. Намѣреніе ихъ было собрать въ окружностяхъ сего города многочисленный корпусъ и отправить въ Фонтенебло. Въ надеждѣ воспламенить духъ Французовъ, Совѣтъ регентства приказалъ распространить благопріятныя извѣстіи на щетъ Наполеона, которые хотя и были ложны, но оживили надежду тѣхъ, для коихъ были оные пріятны. Въ то же

время армія, находящаяся въ Фонтенебло, по видимому приготовлялась начать военныя дѣйствія, какъ вдругъ новыя извѣстія, пришедшія изъ Парижа, заставили ее отложить свои намѣренія, ибо союзники отправили большую часть войскъ на Орлеанскую дорогу.

Тѣмъ временемъ, какъ уполномоченные занимались заключеніемъ перемирія съ Шварценбергомъ, Тарентскій Герцогъ принялъ на себя отдать Наполеону отчетъ о слѣдствіяхъ своего посланія. Какъ скоро онъ вошелъ въ комнату Бонапарте, то онъ вскочивъ съ креселъ, съ безпокойствомъ побѣжалъ къ нему на встрѣчу и трепещущимъ голосомъ спросилъ его: есть ли успѣхъ? Уже не время, отвѣчалъ онъ, Маршалы, Сенатъ и народъ признали Бурбоновъ. Пораженный сею вѣстію Бонапарте казался окаменѣлымъ. Когда ему дали замѣтить, что онъ не въ силахъ болѣе противиться желанію народа и милліону непріятельскихъ штыковъ, онъ подумалъ немного и спросилъ, въ какое мѣсто ему позволено удалиться съ своимъ семействомъ? Ему отвѣчали, что по обнаруженному имъ самимъ желанію, отп-

ровѣ Эльба назначенѣ мѣстомѣ его пребыванія.

Тогда Наполеонѣ казался покорнымѣ опредѣленію Союзныхѣ державѣ, ибо они обѣщали отдать ему сей островѣ вѣ полное владѣніе сѣ пенсіею шести милліоновѣ. Притворясь быть побужденнымѣ великодушнымѣ чувствованіемѣ кѣ общественному благу, онѣ скрылѣ будущія свои предпріятія подѣ покровомѣ любви своей кѣ Франціи. Онѣ обѣявилѣ, что если онѣ служитѣ единственнымѣ препятствіемѣ кѣ возстановленію мира, то отрекается за себя и за своихѣ наслѣдниковѣ отѣ Французской короны. Потомѣ онѣ велѣлѣ Герцогу Тарентскому быть готовымѣ кѣ отѣѣзду на другой день по утру для заключенія рѣшительнаго трактата, основаннаго на совершенномѣ его отрѣченіи. Вставѣ поутру, онѣ явно обѣявилѣ цѣль сего новаго посланія. Сѣ того времени всякой почиталѣ себѣ позволеннымѣ оставить полководца, допустившаго предаваться унынію, и имѣлѣ право подражать ему, заключивѣ свой особенной договорѣ. Большая часть Генераловѣ отправились вѣ Парижѣ, и, по примѣру Маршала

нея, приступили къ сторонѣ законныхъ своихъ Государей, желая пощадить Францію отъ ужасовъ кровопролитной войны.

Колеблемый мыслями, какія всегда чувствуетъ человѣкъ, когда ему должно лишиться того, что всего любезнѣе для его сердца, Наполеонъ, забывъ свое обѣщаніе, черезъ минуту по отъѣздѣ Герцога Тарентскаго принялъ намѣреніе соединиться съ Италіанскою арміею и приказалъ быть готовымъ къ смотру 2 и 7 корпусамъ. Герцогъ Реджіо, изумленный подобнымъ повелѣніемъ послѣ явнаго отрѣченія отъ престола хотя повиновался, но принялъ мѣры, внушенныя ему благоразуміемъ. Чтобы удержать приготовляемый ударъ, оба корпуса, состоящіе изъ старыхъ войскъ, пришедшихъ изъ Гишпаніи, вспоминали одну только славу своего полководца и не взирая на претерпѣнныя имъ бѣдствія, привѣтствовали его радостнѣйшими восклицаніями. Бонапарте, смотря на воинственный и рѣшительный видъ ихъ, заключилъ изъ онаго хорошій знакъ, благопріятный своимъ намѣреніямъ; но перещитавъ храбрыхъ сихъ воиновъ, онъ снова сдѣлался мраченъ и задумчивъ. Вошедъ

вѣ кабинетѣ, онѣ приказалѣ позвать Герцога Реджіо и спросилѣ, можетѣ ли положиться на корпусѣ его войскѣ. «Нѣтѣ, Государь, отвѣчалѣ Герцогѣ, Ваше Величество изволили отречься отѣ престола. Правда, но сѣ условіемѣ. Солдатѣ не знаетѣ этихѣ тонкостей, возразилѣ Маршалѣ. Наполеонѣ, подумавѣ нѣсколько, сказалѣ: и такѣ, подождемѣ извѣстій изѣ Парижа. Желая увѣрить, что власть его ни сколько не уменьшилась, Наполеонѣ щедро раздавалѣ чины и знаки отличій тѣмѣ изѣ Офицеровѣ, которые изѣ сожалѣнія остались еще при немѣ.

Между тѣмѣ Маршалѣ Ней и Веченскій Герцогѣ привезли вѣ Фонтенебло (7 Апрѣля) конвенцію, вѣ коей было условлено, чтобы прекратить военныя дѣйствія; чтобы арміи оставались вѣ той же позиціи, вѣ каковой они находились, получивѣ извѣстіе о перемиріи. Сей договорѣ тѣмѣ былѣ щастливѣе, что уже союзныя войска расположились идти вѣ средину Франціи, кровопролитно сражались сѣ различными корпусами, и стараясь остановить ихѣ, не щадили драгоцѣнной крови, которой болѣе не нужно проливать для

спасенія отечества. Одинъ только Ронской корпусъ скоро извѣстилъ о прекращеніи военныхъ дѣйствій. Герцогъ Кастиліонскій, укрѣпившійся за Изорою, взорвавъ Романскій мостъ сожегъ Валанской, но узнавъ чрезъ парламентера о взятіи Парижа и о происшедшемъ возмущеніи въ сей столицѣ, условился съ Принцомъ Гессенъ Гомбургскимъ, чтобы каждая сторона сохраняла свои позиціи; но городъ Санъ, черезъ пять дней послѣ опровер жения Имперіи, былъ вторично разграбленъ за сопротивленіе, противупоставленное Генераломъ Аликсомъ корпусу Теттенборна.

Если бы подобныя бѣдствія произошли въ недальнемъ разстояніи отъ столицы, то какимъ злощастіямъ долженствовали подвергнуться тѣ страны, которыя бывъ отдѣлены отъ временнаго правительства регентствомъ, не могли еще пользоваться заключеннымъ благополучно примиреніемъ. Временное правительство не прежде 7 Апрѣля опредѣлило уничтоженіе рѣшеннымъ дѣламъ и обнародовало незначущимъ все, что Бонапарте сдѣлалъ въ лицѣ Императора послѣ своего отрѣшенія, опре-

дѣленнаго Сенатомъ. Въ тотъ же день Полковникъ Сентъ-Симонъ былъ отправленъ къ Герцогу Далматскому.

Всѣ распоряженія сего Маршала простирались къ тому, чтобы удалить Англо-Гишпанскую армію изъ средины Франціи. Въ такомъ намѣреніи онъ пошелъ на Тарбу; потомъ приближился къ Сентъ-Годену для соединенія съ Каталонскою арміею, которую долженствовалъ привести Герцогъ Албуфера. Пришедъ въ сей городъ, онъ узналъ что Герцогъ еще за Пиринейскими горами, и что имѣетъ честь вручить Гишпанскому народу законнаго его Государя. Онъ вступилъ во Францію только для защищенія Русильона. Далматскій Герцогъ, обманутый въ своихъ надеждахъ, искусными движеніями выигралъ три дни у своего соперника и отступилъ къ Тулузѣ.

Сей обширный и прекрасный городъ, лежащій на правомъ берегу Гароны, окруженный Лангедокскимъ каналомъ и небольшею рѣчкою Эръ, былъ избранъ Маршаломъ Сультомъ удобною позиціею для обожданія обѣщаннаго вспомоществованія. Приказавъ укрѣпить вершину Канвинип-

ской площадки, онъ укрѣпилъ близъ лежащія возвышенія другими редутами и загородками; разрушилъ Лабордской мостъ на Эрѣ, а другіе приказалъ подкопать.

Едва кончились сіи приготовленія, какъ Веллингтонъ явился (25 Марта,) съ 65ю тысячами войска; онъ расположился въ полумилѣ разстояніемъ отъ Французской арміи, вдвое противъ его малочисленнѣйшей. Но сто двадцать орудій, поставленныхъ въ батарею, сдѣлали позицію нашу страшною. Предмѣстіе святаго Михаила не было охраняемо; ибо Герцогъ Далматскій получилъ извѣстіе, что дороги сдѣлались непроходимы. Надѣясь съ этой стороны сдѣлать нападеніе на Тулузу, Веллингтонъ отрядилъ 15 тысячь войскъ къ сліянію рѣкъ Арріежа съ Гароною, Непроходимыя дороги и разлитіе рѣкъ воспрепятствовали сему маневру. Тогда Англійскій полководецъ рѣшился переправиться черезъ Гарону ниже Тулузы. Корпусъ Бересфорда, возвратившійся изъ Бордо, находился отдѣленнымъ на правомъ берегу, потому что мостъ, построенный непріятелемъ близъ Гре-

нады, былъ разрушенъ (5 Апрѣля) хитростію инженерныхъ нашихъ Офицеровъ.

Веллингтонъ, не получивъ успѣха въ обѣихъ своихъ покушеніяхъ, находился въ большомъ безпокойствѣ, какъ одинъ Англинскій Офицеръ, жившій нѣсколько лѣтъ въ Тулузѣ частнымъ человѣкомъ, подробно освѣдомился о военныхъ расположеніяхъ Герцога Далматскаго и переодѣвшись въ крестьянское платье, пришелъ къ Веллингтону, коего подробно извѣстилъ о планѣ Маршала и о позиціи, занимаемой его арміею. Англійскій военачальникъ воспользовавшись сими свѣдѣніями, навелъ въ ночь съ 7 по 8 Апрѣля новый панпонный мостъ, внизъ отъ Бланьяка, черезъ который переправились Гишпанскій корпусъ подъ начальствомъ Генерала Фрейера, отправился для подкрѣпленія корпуса Бересфорда, который употребилъ два слѣдующіе дни для нападенія на передовые наши посты, пошелъ къ Нюжатскому пригорку. Гишпанскій корпусъ, овладѣвъ мостомъ при Круа-Дородѣ, двинулся прямо къ укрѣпленному нашему лагерю Генералъ Гилль, оставшійся на лѣвомъ берегу Гаронны, старался овла-

дѣть предмѣстіемъ святаго Кипріана, которое охранялъ Графъ Рейль.

Наконецъ, 10 Апрѣля, въ день Пасхи, Веллингтонъ приказалъ придвинуть всѣ свои корпусы противъ Французской арміи, которая окружила Тулузу отъ устья Лангедокскаго канала до Монтодранской дороги. Въ шесть часовъ утра сраженіе началось въ предмѣстіи святаго Кипріана и при устьѣ канала. Ложная сія атака имѣла цѣлью отвлечь войски наши отъ Нюжадскаго пригорка, гдѣ Генералы Фрейеръ и Бересфордъ намѣрены были сдѣлать нападеніе. Армія наша, крѣпкая въ своей позиціи, не колеблясь взирала на приближеніе всѣхъ соединенныхъ корпусовъ Англичанъ, Гишпанцевъ и Португальцовъ. По данному сигналу бригада Сентъ-Поля выступивъ изъ лагеря, двинулась по Альпійской дорогѣ, ударила на Гишпанцевъ и послѣ великаго пораженія обратила ихъ въ бѣгство. Генералы Мендизабаль и Гепелета были ранены въ семъ кровопролитномъ сраженіи. Французская армія, одушевленная симъ блистательнымъ успѣхомъ, обращалась на всѣ стороны, чтобы стать лицемъ передъ многочисленными силами

наступающихъ, окружившихъ ее со всѣхъ сторонъ.

Но Бересфордъ, вмѣсто того, чтобы напасть на Канвинвскія возвышенія, на что и получилъ повелѣніе, разчелъ, что гораздо удобнѣе окружить оныя, продолжая переходить Эръ и тянуться вдоль равнины, на которой укрѣпилась Французская армія. Веллингтона весьма безпокоило сіе отважное движеніе; ибо чрезъ оное онъ могъ проиграть сраженіе. Бересфордъ самъ то же чувствовалъ, но опасаясь при отступленіи Парижанъ, онъ рѣшился мужествомъ замѣнить невыгодность своего положенія.

Наши войска все еще занимали четыре сильные редута, равномѣрно какъ и укрѣпленія и домы, рѣшась по видимому храбро защищаться. Бересфордъ нападалъ по перемѣнно на сіи редуты, не взирая на сдѣланныя имъ пожерствованія, чтобъ овладѣть оными. Предпріятіе его не имѣло никакого успѣха. Не желая отвергнуть своего намѣренія, онъ приказалъ придвинуть отрядъ горныхъ Шотландцевъ, которые, послѣ кровопролитнаго сраженія, принудили насъ очистить Сипіерской

редутъ и укрѣпленія, прикрывающія правый насъ флангъ.

Герцогъ Далматскій, въ надеждѣ опередить Маршала Бересфорда, коего одна дивизія придвигалась впередъ по Лабордской дорогѣ, приказалъ Генералу Топину съ войсками засѣсть позади заборовъ и подпустить Англичанъ къ редутамъ. Генералъ Топинъ, идучи съ большею поспѣшностію, увидѣлъ себя вдругъ между непріятельскими колоннами и нашими батареями. Желая поправить свою ошибку, сей неустрашимый воинъ хотѣлъ соединить свои войска и вести ихъ на сраженіе; но бывъ раненъ тремя пулями въ голову, черезъ нѣсколько времени умеръ. Маршалъ Сультъ отправилъ для подкрѣпленія сей дивизіи, дивизію Генерала Арманьяка, который мужественно дрался съ непріятелемъ; но всѣ его усилія были безполезны; Бересфордъ получилъ непреодолимое превосходство, которое увѣрило Англичанъ въ выиграшѣ сраженія.

Вмѣсто того, чтобы снова овладѣть потерянными редутами, надлежало еще очистить Нюжадскія укрѣпленія, остававшіяся въ нашей власти, которыя

Генералъ Ломондіеръ защищая погибъ. Бересфордъ, овладѣвъ равниною, могъ занять Монтодринскую дорогу и отрѣзать нашей арміи единственное отступленіе на Монпелье; но Далматскій Герцогъ, вмѣстѣ съ Генераломъ Клозелемъ, занялъ новую линію, прикрывающую Сакоринскимъ редутомъ. Въ семъ мѣстѣ мужество нашихъ стрѣлковъ принудило непріятеля отвергнуть свое предпріятіе, коего послѣдствіи тѣмъ болѣе были для насъ пагубны, что корпусъ Гилля овладѣлъ всѣми наружными укрѣпленіями, охранявшими предмѣстіе святаго Кипріана.

Какъ скоро Герцогъ Далматскій узналъ, что отступленіе по Нарбонской дорогѣ будетъ безопасно, то сдѣлалъ приготовленія для начатія снова сраженія. Тулузская національная гвардія оказала большое присутствіе духа и предложила защищать средину города. Ночью Англичане и Гишпанцы, овладѣвшіе позиціями, поставили въ батарею гаубицы. Сказываютъ даже, что въ Баленѣ и въ Коломенье они приготовляли ракеты и хотѣли сжечь городъ. Злополучные жители, постигнутые бѣдственною участію, наканунѣ были сви-

дѣтелями всѣхъ ужасовъ войны; они слышали страшный громъ артиллеріи: но въ сей пагубный день, видя приближающагося непріятеля, ожидали, что Гишпанцы также опустошатъ ихъ городъ, какъ были опустошены Мадритъ, Таррагона и Сарагосса.

Не смотря на свое злощастіе, многіе изъ жителей добровольно отправились на поле сраженія для вспомоществованія или переноски въ городъ безчисленнаго множества раненыхъ; хотя всѣ домы были заперты, но оные отворялись при вопляхъ нещастныхъ жертвъ войны. Женщины, дѣти и старцы, выходя приносили имъ супъ, вино и перевязки: поступки жителей Тулузы остались въ сердцахъ всѣхъ злополучныхъ, которые въ сей горестный день получили знаки ихъ человѣколюбія.

Веллингтонъ, желая нетерпѣливо вступить въ столицу Лангедока, требовалъ сдачи города. Герцогъ Далматскій отвѣчалъ, что упорно будетъ защищать его. Такимъ образомъ всѣ предвѣщало, что на другой день Тулуза подвергнется ужаснѣйшимъ бѣдствіямъ. Около девяти часовъ вечера Маршалъ созвалъ военный

совѣтъ, пригласилъ въ оный также и гражданскихъ чиновниковъ, которые умоляли его, заклинали пощадить столь цвѣтущій городъ, коего положеніе не предоставляло болѣе никакой выгоды для военныхъ его дѣйствій. Храбрые и опытные Генералы, вспомоществовали желаніямъ жителей и уговорили Маршала отступить. Онъ приказалъ дѣлать пріуготовленіи къ ретирадѣ и ночью отступилъ на Кастерье Кодари, оставя въ гошпиталяхъ около двухъ тысячь раненыхъ, между коими находились Генералы Гарненъ, Боро, Берлье, Сантъ Гилеръ и Гаске.

На разсвѣтѣ жители Тулузы, ожидавшіе разрушенія города, не слыша болѣе ни криковъ солдатъ, ни стука оружій, толпами вышли изъ домовъ: они пробѣгали улицы и находили ихъ опустѣвшими; всякой спрашивалъ другъ друга объ участи города и по какому случаю войска вышли изъ онаго. Вскорѣ узнали, что Французская армія отступила, а войска Веллингтона располагаются войти. Партія роялистовъ воспользовалась симъ случаемъ, чтобы склонить народъ въ пользу Бурбоновъ. Приверженцы сей фамиліи съ

восторгомъ разсказывали о возмущеніи, происшедшемъ въ Бордо, и какимъ щастливымъ образомъ сей обширный городъ избавился отъ ужасовъ войны. Тогда Тулузцы, всегда непостоянные въ нравахъ, превратили ненависть, прежде питаемую ими къ чужестранцамъ, въ любовь, особливо же когда узнали, что они шли съ намѣреніемъ возстановить древнюю Монархію, коей одно воспоминаніе служило порукою прекращенія войны.

Успокоенный народъ, избавившійся отъ чиновниковъ, поставленныхъ Наполеономъ, переходитъ отъ чрезмѣрной горести къ безмѣрной радости, восхищаясь перемѣною, прекратившею его страданія, не колеблется послѣдовать примѣру Бордосцевъ и летитъ на встрѣчу непріятельской арміи, сдѣлавшейся для него спасительнымъ войскомъ. Въ ту же минуту, подобно какъ въ Парижѣ, толпы роялистовъ соединяются, бѣгаютъ по городу и кричатъ: *да здравствуетъ Король! да здравствуютъ Бурбоны! да здравствуютъ дѣти Генриха IV!* Увлекаютъ народъ и сообщаютъ восторгъ свой

національной гвардіи, которая, ласкаясь надеждою видѣть лучшее въ будущемъ, перемѣняетъ свои намѣренія и готовится принять какъ братьевъ тѣхъ, съ которыми сражалась наканунѣ. Градское Общество, уступивъ общественному желанію, приказываетъ выставить бѣлое знамя на верху Капитоліи и выступаетъ на встрѣчу побѣдителю, для испрошенія его покровительства.

Въ семь часовъ утра (11 Апрѣля) Англо-Гишпанская армія вступила въ Тулузу чрезъ предмѣстіе святаго Кипріана; черезъ два часа послѣ того, Веллингтонъ явился, сопровождаемый главнымъ своимъ Штабомъ. Сорокъ тысячь жителей летѣли къ нему на встрѣчу и величайшимъ восторгомъ выражали ему такую радость, которую бы національный духъ долженствовалъ заглушить, если бы посредствомъ обстоятельства, единственнаго въ Исторіи, народъ не ожидалъ мира отъ тѣхъ, которые вели съ нимъ войну. Веллингтонъ не зналъ еще о перемѣнахъ, происшедшихъ въ Парижѣ, и на рѣчь, сказанную товарищемъ Мера, онъ не могъ удержаться, чтобы не отвѣчать ему:

„для меня было бы очень прискорбно, если бы Французы, столь преданные своему Королю, сдѣлались жертвами похвальнаго своего рвенія. Съ Наполеономъ еще ведутъ переговоры, и можетъ быть заключатъ миръ; слѣдовательно еще не наступило для васъ время, такъ явно выражать благородныя свои чувствованія." Сіи слова, произнесенные на городской площади, сначала привели въ себя народъ, но послѣ минутнаго размышленія множество голосовъ закричали съ большею силою: *да здравствуетъ Король! да здравствуетъ Веллингтонъ!* Сіи восклицанія были повторены во всѣхъ мѣстахъ и достигли до народа, собравшагося на улицахъ. Английскій Генералъ, тронутый таковымъ поступкомъ великодушнаго народа, вскричалъ вмѣстѣ съ Тулузцами: *вы сего хотите; и такъ, да здравствуетъ Король!* Бѣлая кокарда, столь долго неупотребляемая, снова была надѣта; лилія опять явилась и бѣлые знамена начали развѣваться на колокольняхъ и на публичныхъ зданіяхъ; повсюду знаки Императорскаго правленія были истреблены, и изображеніе Наполеона

разтоптано ногами. Единственное происшествіе въ лѣтописяхъ обоихъ народовъ! Французы и Англичане перемѣнялись кокардами и въ первый разъ предались чистосердечнымъ объятіямъ.

Жители Тулузы, предавшіеся безъ всякаго страха всей своей живости, вдругъ получили извѣстіе, что восторги ихъ одобрены, и что они безъ опасенія могутъ ихъ выражать. Полковники Коокъ и Сентъ-Симонъ, отправленные 7 Апрѣля Союзными Государями, времяннымъ правительствомъ, были задержаны въ Орлеанѣ и препровождены въ Блоа, и потому не прежде, какъ послѣ сраженія, привезли извѣстіе, что Сенатъ отрѣшилъ Наполеона, и что столица и армія призываютъ на престолъ Людовика XVIII. По пріѣздѣ сихъ посланныхъ всеобщее восхищеніе обнаружилось тѣмъ съ большею силою, что жители Тулузы, не бывъ даже удержаны благоразуміемъ, находили въ торжествѣ Королевской стороны достаточную награду за свою приверженность. Сіи важныя депеши были сообщены и Герцогу Далматскому, но Герцогъ, находя ихъ не столь достовѣрными, чтобы испол-

нить предписаніе времяннаго правительства, просилѣ у Веллингтона перемирія, желая самѣ во всѣмѣ увѣриться. Сіе предложеніе, хотя справедливое и согласное сѣ обязанностями начальника арміи, было отвергнуто. Веллингтонѣ, который отправилѣ двѣ кавалерійскія дивизіи для преслѣдованія Маршала. Между тѣмѣ Маршалѣ, получивѣ новыя повелѣнія времяннаго правительства, послалѣ Генералѣ Газана вѣ главную квартиру Англичанѣ, для заключенія конвенціи, сходственной сѣ Парижскою.

Желая наказать жителей Бордо за то, что осмѣлились свергнуть сѣ себя иго, Наполеонѣ послалѣ противѣ сего города 9000 войскѣ сѣ осадною артиллеріею ввѣривѣ начальство оныхѣ Генералу Декаэну. Уже авангардѣ сего корпуса находился вѣ Перигѣ. Бересфордѣ присоединился кѣ Веллингтону, и злополучные жители готовились упорно защищаться, полагая, что Вандейцы дадутѣ имѣ вспомоществованіе. Но надежда сія была тщетна, и Герцогѣ Беррійскій для возмущенія западныхѣ провинцій ожидалѣ повелѣнія своего родителя, который вѣ письмѣ кѣ нему изѣ

Нанси (26 Марта), не скрывалЪ неизвѣстности вЪ разсужденіи участи фамиліи БурбоновЪ.

Жители Бордо пребывали вЪ сильнѣйшемЪ страхѣ, опасаясь ужаснаго мщенія Наполеона, какЪ вдругЪ вЪ тотЪ самый день, когда происходила Тулузская битва, они получили извѣстіе, что примѣру ихЪ послѣдовала столица, и что цѣлая Франція желаетЪ возвращенія БурбоновЪ. Едва только разнесся слухЪ о семЪ щастливомЪ событіи, безчисленное множество народа бѣжитЪ на улицы, наполняетЪ площади и предается той чрезмѣрной радости, какую чувствуютЪ, избавясь отЪ великой опасности; всѣ обнимаются, поздравляютЪ другЪ друга; одни спѣшатЪ кЪ олтарю возблагодарить Всемогущаго Бога за столь явное покровительство, другіе зажигаютЪ огни вЪ знакЪ удовольствія и бѣгутЪ кЪ Герцогу Ангулемскому, желая раздѣлить сЪ нимЪ свой восторгЪ. Первые слова сего Принца выражали слѣдующую превосходную мысль: *кровь Французовъ не будетъ болѣе течь.* КЪ Генералу Деканну отправлены были Офицеры. Сперва онЪ колебался раздѣлять об-

щественной восторгъ; но узнавъ о случившихся произшествіяхъ, онъ отправился къ Герцогу Ангулемскому для изъявленія ему своей преданности и донесенія, что войска его покорны волѣ народа.

Тѣмъ временемъ, какъ все сіе произходило въ Тулузѣ и въ Бордо, Союзные Государи воздавали почести праху Людовику XVI. Сія знаменитая церемонія, успокоивъ тѣнь царственнаго мученика, внушила жителямъ Парижа нравственныя расположенія, которыя достойны быть упомянуты въ Исторіи; потому что случившіяся произшествія ясно доказываютъ, что въ теченіи человѣческихъ дѣяній всегда видна десница Верховнаго Существа, управляющая оными. На томъ мѣстѣ, гдѣ погибъ злополучный Людовикъ XVI Россійскій Императоръ въ день Свѣтлаго Воскресенія, приказалъ воздвигнуть олтарь и отслужить обѣдню по Греческому обряду. Двадцать народовъ присутствовали при отправленіи сей божественной службы. Государи, стоящіе близь олтаря съ блистательною своею свитою, не садились на приготовленные для нихъ

стулья и всю обѣдню стояли съ открытыми головами. Греческій Епископъ вынесъ крестъ, который они почтительно поцѣловали и поднялъ его вверхъ. По сему сигналу Монархи, Принцы съ благоговѣніемъ наклонились, тѣмъ времянемъ, какъ сто пушечныхъ выстрѣловъ раздалось по обѣимъ берегамъ Сены. При воззрѣніи на сіи тысячи воиновъ, преклоняющихся предъ Всемогущимъ и заглаждающихъ набожностію своею чуждое имъ преступленіе, казалось, что небесное правосудіе назначило единственнымъ для насъ наказаніемъ то, чтобы мы поучились отъ чужестранцевъ, какъ должно проводить сей горестный день, въ который разъяренные Французы на сей же самой площади исполнили величайшее изъ всѣхъ злодѣяній!

Какъ скоро пришло извѣстіе, что Графъ д'Артуа приближается къ столицѣ, большая часть національной гвардіи поспѣшила къ нему на встрѣчу. Принцъ благосклонно со всѣми разговаривалъ. Онъ сказалъ, что хочетъ вѣхать въ Парижъ въ ихъ униформѣ; называлъ своими дѣтьми и обѣщалъ все употребить для

облегченія ихъ бѣдствій. Разрѣзавъ на нѣсколько частей бѣлую ленту, онъ привязалъ одну часть на шляпу и раздавая окружающимъ, сказалъ: соединясь одинаковыми чувствованіями, всѣ наденемъ цвѣтъ нашего Короля. Принцъ подъѣхалъ къ Парижу (12 Апрѣля), гдѣ ожидало его безчисленное множество народа, нетерпѣливо желавшее видѣть того, который столь долгое время былъ жертвою непостоянства судьбы; его окружала большая часть Офицеровъ, раздѣлявшихъ съ нимъ изгнаніе. Едва Принцъ подъѣхалъ къ заставѣ, какъ его встрѣтили Маршалы. Они столько прославили подвигами свое имя, что Принцъ по однимъ дѣламъ зналъ ихъ всѣхъ. Сколь трогательно и славно для Бурбона видѣть собравшихся вокругъ себя потомковъ героевъ, прославившихъ древнюю нашу Монархію и составлявшихъ силу и украшеніе новой Франціи. Маршалъ Ней, отъ имяни товарищей своихъ, увѣрялъ Принца, что когда Маршалы усердно повиновались правительству, признанному народомъ; то Король увидитъ, съ какою вѣрностію и приверженностію они умѣютъ служить

законному своему Государю. »Вы всѣ въ отдаленнѣйшихъ странахъ прославили Французское оружіе, отвѣчалъ Графъ д'Артуа, Король доволенъ вашими подвигами; все сдѣланное вами для блага Франціи, для него никогда не было чуждо.«

Князь Талейранъ также выѣхалъ на встрѣчу Графа д' Артуа, чтобы выразить ему то благополучіе, какое чувствуетъ въ сей день цѣлая Франція. Братъ Короля, увидя членовъ правительства, благодарилъ ихъ за благо, содѣланное для отечества. »Нѣтъ болѣе раздоровъ, сказалъ онъ: миръ и Франція; я опять вижу прелестную Францію! Въ ней ничего не перемѣнилось, кромѣ того, что прежде было меньше однимъ Французомъ. Потомъ Принцъ принялъ Градское Общество и изъявилъ ему свою признательность за дѣйствіе его, предпринятое въ столь опасномъ обстоятельствѣ, отъ котораго зависѣлъ успѣхъ Королевской фамиліи. Сіе благоволеніе и веселость, каковыя изображались на лицѣ Французскаго Принца, вывели изъ заблужденія людей, совращенныхъ съ истиннаго пути революціею,

которые зная деспотизмѣ Наполеона, не могли надивиться толикой кротости вѣ Бурбонѣ.

Принцѣ отправился вѣ церковь Пресвятыя Богородицы, которая была наполнена знатнѣйшими особами, и былѣ принятѣ подѣ балдахиномѣ вѣ преддверіи. «Творецѣ прекратилѣ бѣдствія Французовѣ, сказалѣ онѣ, пойдемѣ возблагодаримѣ Создателя.« Сіе благодареніе Всемогущему Творцу отѣ потомка Святаго Людовика, было возвращеніе кѣ прежнимѣ нашимѣ нравамѣ и исполнило радостію сердце тѣхѣ, которые будучи научены опытностію убѣдились наконецѣ, что Религія есть твердѣйшая опора общественныхѣ нашихѣ обязанностей. Души слабые удивлялись отверженію у подножія олтаря той ненависти, которая вѣ продолженіи двадцати лѣтѣ вооружила народѣ, противѣ тѣхѣ, коихѣ согласіе долженствовало утвердить наше благополучіе. Всѣ находящіеся тутѣ, бывѣ соединены одинаковыми чувствованіями, одушевлялись одною только мыслію, утвердить мирѣ и благоденствіе во Франціи.

Вступивъ во дворецъ своихъ предковъ, Принцъ безъ умиленія не могъ видѣть то жилище, изъ коего былъ изгнанъ на столь долгое время. Для него вы было бы чуждо, если бы полученный имъ пріемъ не доказывалъ, что послѣ горестнаго отсутствія одни только сердца не перемѣнились. Видъ сего дворца, представлявшій ему ужаснѣйшее вспоминаніе, возбуждалъ въ душѣ его тягостныя чувствованія, которыя вскорѣ разсѣявались при воззрѣніи на любовь Французовъ. Онъ отвѣтствовалъ на восторгъ ихъ самыми лестными выраженіями; слова его производили сладостное ощущеніе и напоминали ту пріятность и обходительность, которая всегда свойственна Французамъ.

Въ сіе-то время Сенатъ обнародовалъ конституцію, которою Людовикъ XVIII назначался какъ Государь, который свободнымъ актомъ призывался къ Французскому престолу, съ условіемъ сохранять вѣрность къ сему акту. Негодованіе роялистовъ было чрезмѣрно, когда они увидѣли, что Сенаторы осмѣлились налагать условія при возстановленіи древ-

ней династіи. Въ таковъ случаѣ пристрастіе дѣлается несправедливостію. Послѣ столь виновныхъ заблужденій, договоръ долженъ былъ утвердить безопасность народа, а безъ сего онъ не могъ наслаждаться ни благоденствіемъ, ни спокойствіемъ, Союзные Государи, предубѣжденныя сею истинною, настоятельно требовали возстановленія конституціонныхъ правилъ, бывъ твердо увѣрены, что между Французами миръ не прежде можетъ быть надеженъ, какъ въ то время, когда опредѣлятъ обязанности какъ для Государя, такъ и для подданнаго.

Но для Сенаторовъ весьма непростительно то, что они хотѣли въ обеспеченіе состоянія своего и чиновъ сдѣлать Государственный законъ; они отказывали Бурбонамъ права наслѣдованія, и въ то же время сами поставляли непремѣннымъ правиломъ сохранить свое старшинство и имущество. Сія грубая ошибка, которой положеніе Сената доказывало всю неприличность, была бы почтена сѣтію, разставленною зараженными древнимъ Республиканскимъ духомъ для того, чтобы

обезславить актъ, долженствовавшій уничтожить законъ сей.

Графъ д'Артуа, не желая вникать въ права Сената касательно конституціи, на сдѣланное ему предложеніе оную принять, отвѣтствовалъ, что не имѣетъ на то права, но увѣрялъ, что Король несомнѣнно приметъ основательныя статьи оной. Потомъ онъ составилъ собственный совѣтъ изъ членовъ времянаго правительства, включивъ въ оной Герцоговъ Конегліано и Реджіо и Генерала Дессоля. Баронъ Витроль, въ вознагражденіе заслугъ своихъ и опасностей, коимъ онъ подвергался, былъ наименованъ Секретаремъ сего Совѣта.

Съ того времяни судьба Наполеона рѣшилась, и если бы даже онъ не захотѣлъ дать обѣщаннаго отрѣченія, то владычество его и безъ того было бы уничтожено. Всѣ корпусы его арміи пришли въ большое разстройство: ибо рвеніе начальниковъ охладѣло, даже самая его гвардія отрядами отлагалась. Бонапарте изъявлялъ гнѣвъ свой со всею горестію обманутаго честолюбія. »Неблагодарная армія, восклицалъ онъ, ты меня недостойна.« Окру-

жавшіе его Генералы оправдывали храбрыхъ воиновъ, коихъ долговремянное терпѣніе ясно свидѣтельствуетъ, какъ много они были привержены къ тому, кто три раза ихъ оставлялъ.

Войска, остававшіяся при немъ, привѣтствовали его еще такими же восклицаніями, какъ и во дни его тріумфовъ. Они жалѣли, что Герцогу Виченскому и Маршаламъ Нею и Макдональду поручено было заключить рѣшительный договоръ въ разсужденіи судьбы Бонапарте и его семейства. Медленность уполномоченныхъ въ произведеніи столь важныхъ переговоровъ начинали раздражать солдатъ; уже они обнаружили такія расположенія, которыя могли бы заставить начальника ихъ предпринять отчаянное намѣреніе. Но 2 Апрѣля, наканунѣ того дня, въ который Графъ д'Артоа вѣхалъ въ Парижъ, договоръ былъ подписанъ; островъ Эльба назначенъ собственностію Наполеона; ему оставили титло Императора съ уменьшеніемъ двухъ третей испрашиваемаго имъ жалованья.

Какъ скоро Герцогъ Тарентскій и прочіе уполномоченные привезли ему бумаги для ратификаціи, то Наполеонъ дѣлалъ

отговорки и, по видимому, не хотѣлъ отдать настоящаго акта своего отрѣченія; видя же, что должно покорствовать, и что предлагаемая ему участь нимало не противна тайнымъ его видамъ, онъ согласился, къ величайшему изумленію всѣхъ тѣхъ, кои не могли читать въ душѣ его, и удивлялись сей наружной философіи Наполеона, который по видимому почиталъ управленіе маленькимъ островомъ наровнѣ съ обладаніемъ обширнѣйшею Имперіею.

Собравшись съ мыслями, Наполеонъ началъ сказывать Герцогу Бассано отрѣченіе свое въ слѣдующихъ словахъ: »*такъ какъ союзныя державы объявили, что Императоръ Наполеонъ служитъ единственнымъ препятствіемъ для возстановленія мира въ Европѣ: то будучи вѣренъ своей клятвѣ, онъ отказывается за себя и за наслѣдниковъ своихъ отъ Французскаго и Италійскаго престоловъ; ибо нѣтъ такой жертвы, не исключая и самой жизни, которой бы онъ не готовъ былъ принесть для пользы Франціи.*« Подписавъ сей актъ, Наполеонъ казался облегченнымъ; онъ дружески разговаривалъ съ своими Генералами о происшедшемъ возмущеніи; съ

похвалою отзывался о Людовикѣ XVIII, и предсказывалъ, что онъ будетъ царствовать щастливо и спокойно, если не коснется народныхъ выгодъ. Такимъ образомъ отрекся отъ престола кровожадный воинъ, который едва ли когда существовалъ. Онъ, по видимому, безъ роптанія согласился жить въ изганіи на маленькомъ островкѣ, который почиталъ какъ бы спасающею его доскою послѣ ужаснаго кораблекрушенія.

Тогда полагали навѣрное, что Наполеонъ будетъ стараться снова завоевать Французскую Имперію; но ненависть, каковую внушало его правительство иточистосердечіе, съ каковымъ главнѣйшіе опоры его престола обьявили себя на сторонѣ Бурбоновъ ручались, что непріязненныя его предпріятія не найдутъ сообщниковъ, и что политическая жизнь его должна кончиться вмѣстѣ съ военнымъ могуществомъ. Къ тому же условія договора, заключеннаго въ Фонтенебло были весьма благопріятны для Союзныхъ Государей. Наполеонъ, соединенный узами крови съ одною изъ первѣйшихъ державъ твердой земли, долженствовалъ получить отъ

тестя своего и отъ прочихъ Государей, которые называли его своимъ братомъ, гораздо болѣе, нежели уваженіе, какое должно имѣть къ нещастнымъ. Онъ былъ ужасенъ, и Союзники получили успѣхъ превыше своихъ надеждъ, сдѣлавъ его вмѣсто обладателя почти цѣлой Европы владѣтелемъ небольшаго островка. По справедливости Лордъ Кастлеригъ, вникнувъ въ истинныя свойства Наполеона, предвидѣлъ, что весьма опасенъ назначенной ему мѣстопребываніемъ островъ, столь близкій къ двумъ обширнымъ странамъ, коими онъ прежде обладалъ, но затрудненіе помѣстить его внѣ Европы, безъ вреда для Англійскихъ колоній было единственною причиною, заставившею Союзниковъ рѣшиться оставить его въ томъ положеніи, какое онъ самъ для себя избралъ.

Восторгъ обнаруженный столицею въ пользу законной династіи быстро распространился по всѣмъ частямъ Королевства. Тиранство Наполеона, подъ игомъ коего стенали столь долгое время, и безчисленныя бѣдствія навлеченныя имъ, заставляли почитать его паденіе благо-

дѣяніемъ Провидѣнія, неусыпно взирающаго на наши дѣянія. Въ городахъ и деревняхъ разрушали эмблемы Императорскаго правленія и замѣняли оные Королевскими; во всѣхъ мѣстахъ акты гражданскихъ и военныхъ чиновниковъ, изъявляющіе покорность законной династіи съ поспѣшностію подписывались тѣми же самыми людьми, которые за нѣсколько впередъ тѣмъ дней предлагали Наполеону свое имѣніе и самую жизнь.

Крестьяне Вандейскаго Департамента, узнавъ о торжествѣ Бурбоновъ, коихъ они были самые неустрашимые защитники, находили въ семъ происшествіи благородную награду за свое усердіе. Любовь ихъ къ своимъ Государямъ и героическое безкорыстіе прославитъ Исторія. Имя Бурбоновъ раздавалось во всѣхъ рощицахъ Пуату, даже ночью прославляли сіе возвращеніе множествомъ огней, возженныхъ для изъявленія общественной радости. Въ Лангедокѣ и Провансѣ жители выражали таковыя же чувствованія; но съ сильнѣйшими доказательствами; всѣ города сихъ обширныхъ провинцій старались превзойти другъ друга

въ восторгѣ. Въ продолженіи нѣсколькихъ дней жители находились какъ бы въ безуміи. Стѣны были украшены обоями, улицы усыпаны цвѣтами, вездѣ воздвигнуты были тріумфальныя вороты, посвященные для прославленія мира и возстановленія на тронъ Государя, коего возвращеніе подавало сердцамъ Французовъ сладчайшія надежды.

Министры и Вельможи, составляющіе Совѣтъ регентства, съ уныніемъ взирая на возстановленіе законной династіи, почли необходимымъ удалиться за Лоаръ. Марія Луиза, бывъ предубѣждена, что твердость ея не произведетъ никакого дѣйствія въ народѣ, объявила, что ей нечего страшиться ни за себя, ни за сына, и что въ злощастіи своемъ она почитаетъ долгомъ ожидать повелѣній отъ своего родителя. Іосифъ и Іеронимъ не желая разлучиться съ Государынею, которая была въ силѣ защитить ихъ, хотѣли силою заставить ее ѣхать; но Марія-Луиза, противупоставивъ твердость чрезмѣрной дерзости отставныхъ Королей, призвала начальниковъ своей гвардіи и умоляла ихъ защитить ее отъ такой

наглости, которой никогда не позволялЪ употреблять супругЪ ея. ІосифЪ и ІеронимЪ, будучи принуждены оставить свое предпріятіе, убѣжали вЪ окружности Орлеана, оттуда они отправились вЪ Швейцарію, получивЪ позволеніе поселиться вЪ великолѣпныхЪ замкахЪ, тогда, какЪ добродѣтельнѣйшіе Государи единокровные ФранцузамЪ, принуждены были для спокойствія своего искать убѣжища за пространными морями.

За три дни до отрѣченія Наполеона отЪ престола ГрафЪ ШуваловЪ прибылЪ вЪ Блоа сЪ препорученіемЪ препроводить Марію Луизу кЪ ея родителю. ПріѣздЪ сего дипломатика уничтожилЪ послѣднюю тѣнь могущества регентства. Большая часть членовЪ сего Совѣта, извѣстясь обЪ умѣренности новой революціи, особливо же узнавЪ, что гражданскіе чиновники, оставшіеся на своемЪ постѣ, были утверждены, рѣшились подражать примѣру Камбасереса и поспѣшно послать сЪ изъявленіемЪ своей покорности. Марія-Луиза и сынЪ ея отправились вЪ ОрлеанЪ, откуда были препровождены вЪ Рамбулье КняземЪ Естергази. ВЪ семЪ

городѣ, какъ увѣряютъ, Россійскій Императоръ посѣтилъ ее. Марія Луиза, сошедъ съ престола, выѣхала изъ Франціи безъ блеска, и проѣхавъ Швейцарію, снова прибыла въ Вѣну въ нѣдра своего семейства, гдѣ была почитаема жертвою, принесенною политикою для сохраненія Австріи.

Всѣ военные чиновники послѣдовали общему примѣру. Маршалы Сульшъ, Сюшетъ и множество Генераловъ подписали обѣщаніе въ вѣрности. Маршалъ Ожеро, почитая отрѣченіе Наполеона вѣроломнымъ актомъ, обнаружилъ негодованіе свое въ такихъ выраженіяхъ, которыя выражали удивленіе и вмѣстѣ осужденіе отъ тѣхъ, кои менѣе сожалѣли объ низпроверженномъ могуществѣ. Князь Нефшательскій, не долженствовавшій бы никогда оставлять Наполеона (ибо онъ досего времяни раздѣлялъ его щастіе) по крайнѣй мѣрѣ сохранилъ уваженіе къ бѣдствію. Какъ начальникъ Императорскаго Штаба, онъ обьявилъ, что армія не можетъ разсуждать, что она покорилась и обѣщала нелицемѣрно служить Государю, коего народъ призываетъ на тронъ его предковъ. Герцогъ Тарентскій и Фельтр-

ской, замедлившіе въ присягѣ, представили предлогомъ, что они клялись въ вѣрности Наполеону. Умѣя соединить признательность съ исполненіемъ своихъ обязанностей, сіи Маршалы еще болѣе пріобрѣли правъ на всеобщее уваженіе, и медленность ихъ въ произнесеніи клятвы предвѣщала, что они навсегда останутся вѣрными законному Государю.

Никогда еще Исторія не представляла противоположности подобной той, какую являло въ то время величіе Имперіи въ сравненіи съ обстоятельствами ея паденія; никогда столь могущественный скиптръ не тяготилъ Европу; со всѣмъ тѣмъ никогда владычество Государя не затмѣвалось столь нечувствительнымъ и столь быстрымъ образомъ. Таковая превратность судьбы внушаетъ превосходнѣйшія мысли, особливо когда вообразятъ, что Наполеонъ лишенный короны, обиталъ въ томъ самомъ дворцѣ, въ которомъ тестналъ почтенный глава церкви. Посредствомъ нравственной силы, внушаемой добродѣтелью, сей святѣйшій отецъ и Государь, по примѣру божественнаго Апостола, имѣя вмѣсто скиптра посохъ, безъ

оружій, безъ сокровищъ и безъ воиновъ снова восшелъ на престолъ свой тогда, какъ гонитель его, располагавшій всѣми благами міра, низвергнулся съ самой высоты славы, и получилъ приговоръ въ тѣхъ самыхъ мѣстахъ, которыя были театромъ его гордости и тиранства. Сіе нещастіе, разительнѣйшіе и ужаснѣйшее изъ всѣхъ удивлявшихъ доселѣ вселенную, случилось столь внезапно и необыкновенно, что люди, уже привыкшіе къ непостоянству судьбы, почитали оное сновидѣніемъ. Если должно назвать героемъ солдата, достигнувшаго престола; то какое имя надлежитъ дать Бонапарту, который опустошалъ вселенную для того, чтобы снова сдѣлаться солдатомъ?

Со времяни отрѣченія отъ престола единственнымъ занятіемъ Наполеона было чтеніе журналовъ, въ коихъ онъ старался находить благопріятныя для себя извѣстіи. Сіи листочки, издатели которыхъ за нѣсколько предъ тѣмъ дней говорили объ немъ съ величайшею лестію, въ то время, освободясь отъ всякаго принужденія, осыпали его жесточайшими ругательствами и ужаснѣйшими истинами. Чи-

шая ихъ, онъ дрожалъ отъ гнѣва, и забывая свое положеніе, угрожалъ своимъ поносителямъ; но вспомнивъ, что онъ ничего уже не значитъ, впадалъ въ глубочайшее уныніе и казался уничтоженнымъ. Столь внезапное возмущеніе до такой степени разстроило нравственныя его силы, что во всѣмъ его тѣлѣ происходило ужасное содроганіе, и онъ долгое время оставался неподвиженъ и безмолвенъ. Вдругъ вышедъ изъ сего оцѣпенѣнія, онъ зоветъ къ себѣ кого нибудь; но вмѣсто того, чтобы окруженнымъ быть льстецами, покои его опустѣли; даже Мамелюкъ, вѣрный восточнымъ нравамъ, оставилъ его, и придворные, подобно сераль-скимъ евнухомъ, бѣжали отъ лишеннаго престола Султана, чтобы изъявить покорность новому властителю.

16 Апрѣля, Коммисары, назначенные четырьмя главўющими союзними державами, отправились въ Фонтенебло для сопровожденія Наполеона на островъ Эльбу. Онъ отлично принялъ ихъ и разспрашивалъ у Полковника Кампбеля, Англинскаго Коммисара, о свойствѣ и привычкахъ Лорда Веллингтона; много

выхвалялъ искуство сего Генерала. Когда его увѣдомили, что надобно приготовляться къ отъѣзду, то онъ просилъ ѣхать по Бурбонской дорогѣ, чтобы соединиться съ своими экипажами, оставшимися въ Орлеанѣ. Онъ столько былъ разчетливъ въ домашнихъ своихъ дѣлахъ, что заставлялъ платить себѣ за всякую вещь, которой не могъ взять съ собою. Онъ настоятельно просилъ, чтобы ему не запрещены были средства защищать Эльбу, на что Генералъ Коллеръ, Австрійскій Комисаръ и согласился. Положено было ѣхать 20, но въ самый день отъѣзда поутру Наполеонъ призвавъ къ себѣ Генерала Коллера; сказалъ, что не хочетъ ѣхать и отказывается отъ своего отрѣченія. Я на то согласился, сказалъ онъ, только для славы и благоденствія Франціи; но сего дня получилъ болѣе тысячи адресовъ, въ коихъ всѣ заклинаютъ меня снова принять бразды правленія; къ тому же не препятствуйте Императрицѣ проводить меня до Сентъ-Тропеца.

Генералъ Коллеръ отвѣчалъ, что жертва, принесенная имъ, есть лучшій поступокъ въ его жизни; что Марія Луиза по

собственному желанію не намѣрена провожать его. Тогда Наполеонъ возсталъ противъ несправедливостей, каковыя ему оказывали; въ ярости клеветалъ на добродѣтельнаго Австрійскаго Императора нечистосердечнымъ человѣкомъ и укорялъ, что онъ вмѣсто того, чтобы напоминать дочери своей объ ея обязанностяхъ, склоняетъ ее къ разводу, но противъ Прусскаго Короля обнаружилъ ужаснѣйшую ненависть. На здѣланный ему упрекъ, для чего онъ не пожертвовалъ своею жизнію, Наполеонъ отвѣчалъ: истинное мужество состоитъ въ томъ, чтобы умѣть твердо переносить незаслуженное нещастіе, что при Арсисъ-сюръ-Обѣ онъ доказалъ, какъ мало дорожитъ жизнію. Впрочемъ, прибавилъ онъ, я принялъ корону по единогласному желанію народа, Людовикъ же XVIII ее похитилъ; ибо его призываетъ на тронъ вѣроломный Сенатъ, изъ числа членовъ коего болѣе десяти человѣкъ подали голоса на умерщвленіе его брата.

Наконецъ около полудни рѣшено выѣхать. Наполеонъ вышелъ на дворъ замка, гдѣ всѣ уже кареты были приготовлены и гдѣ

стояло около трехъ тысячь старой его гвардіи. Сіи воины, увидя прежняго своего начальника, хранили глубочайшее молчаніе; всѣ находились въ почтительномъ ожиданіи; душа ихъ, угнетенная скорбію, заглушала голосъ, и никто не въ силахъ былъ произнести обыкновенныхъ восклицаній. Наполеонъ остановился въ кругу Офицеровъ, собравшихся вокругъ него, и съ такимъ благородствомъ говорилъ къ нимъ, что всѣ слушатели чрезвычайно разстрогались: »будьте вѣрны новому Королю, сказалъ онъ, и не оставляйте сего любезнаго и столь долгое время злополучнаго отечества; не сожалѣйте о моей участи. Мнѣ остаются великія воспоминанія, и я всегда буду почитать себя щастливымъ, если узнаю, что вы благополучны. Я могъ бы умереть; но хочу слѣдовать путемъ чести. Я опишу все, что мы сдѣлали. Солдаты! я не могу обнять васъ каждаго порознь, но обнимаю вашего начальника. Тогда онъ заключилъ въ свои объятія Генерала Пети, приказалъ подать къ себѣ орелъ старыхъ своихъ гренадеровъ, осыпалъ его поцѣлуями и произнесъ слѣдующія слова, которыя по

тогдашнему его положенію можно назвать трогательными „любезный орелъ! да раздадутся сіи поцѣлуи въ сердцахъ храбрыхъ воиновъ. Прощайте, дѣти мои.“ При сихъ словахъ онъ вырвался изъ круга Офицеровъ, обливавшихъ слезами руки его, которыя они осыпали поцѣлуями, сѣлъ въ карету и подалъ знакъ къ отъѣзду.

Дорогою до Ліона его вездѣ принимали съ восклицаніями: *да здравствуетъ Императоръ.* Пріѣхавъ въ Ліонъ, онъ приказалъ купить напечатанные противъ него изданія, и Библію Саси; въ Валансѣ онъ увидѣлся съ Маршаломъ Ожеро, которому выговаривалъ, что онъ дурно дѣйствовалъ. Маршалъ съ грубостію отвѣчалъ ему. Наполеонъ утомленный симъ разговоромъ, скоро простился съ нимъ и сѣлъ въ карету. По мѣрѣ приближенія его къ южнымъ провинціямъ, жители сихъ странъ оказывали ему величайшую ярость.

Близъ Авиньона, одинъ Офицеръ національной гвардіи предупредилъ сопровождавшихъ Наполеона Коммисаровъ, что черезъ городъ ѣхать невозможно; ибо болѣе двенадцати тысячь человѣкъ обнару-

живаютъ самыя свирѣпыя намѣренія. Тогда Коммисары приказали перемѣнить лошадей не въѣзжая въ городъ и благодаря твердости сопровождавшаго ихъ отряда, разогнали чернь, которая начинала уже сбираться около ихъ кареты, хотя было еще только четыре часа утра.

Въ Оргонѣ ожидали Наполеона гораздо большія опасности. Въ минуту пріѣзда его въ сіе мѣстечко жители, собравшіеся смотрѣть проѣздъ Кардинала Габріелли, въ ярости своей готовы были предаться всевозможнымъ наглостямъ; но Генералъ Шуваловъ укротилъ ихъ, сказавъ тѣмъ, которые болѣе бунтовали: »равнодушіе есть единственное оружіе, которое должно употреблять противъ человѣка, переставшаго быть опаснымъ.« Наполеонъ изъ кареты сдѣлалъ ему знакъ одобренія и благодарилъ за оказанную услугу. Желая избѣгнуть мщенія жителей Прованса, онъ закутался въ синюю шинель, круглую шляпу съ бѣлою кокардою и ѣхалъ въ видѣ курьера до первой гостинницы, гдѣ почиталъ себя въ безопасности. Посрамленный столь величайшимъ униженіемъ фортуны, Наполеонъ удалил-

ся въ комнату и закрылъ руками лице свое, по которому катились крупныя слезы. (*) Онъ надѣлъ Австрійское платье. Проѣхавъ Э и видя, что опасность миновалась, онъ принялъ на себя обыкновенный свой характеръ. Въ Лукскомъ замкѣ видѣлся съ сестрою своего Полиною. Оттуда пріѣхалъ онъ къ пристани Сентъ-Рафау, гдѣ за четырнадцать лѣтъ передъ тѣмъ онъ вышелъ на берегъ возвращаясь изъ Египта. Тогда онъ скрывалъ свое имя, желая освободиться отъ восклицаній народа, а теперь переодѣлся, чтобы избѣгнуть народной ярости.

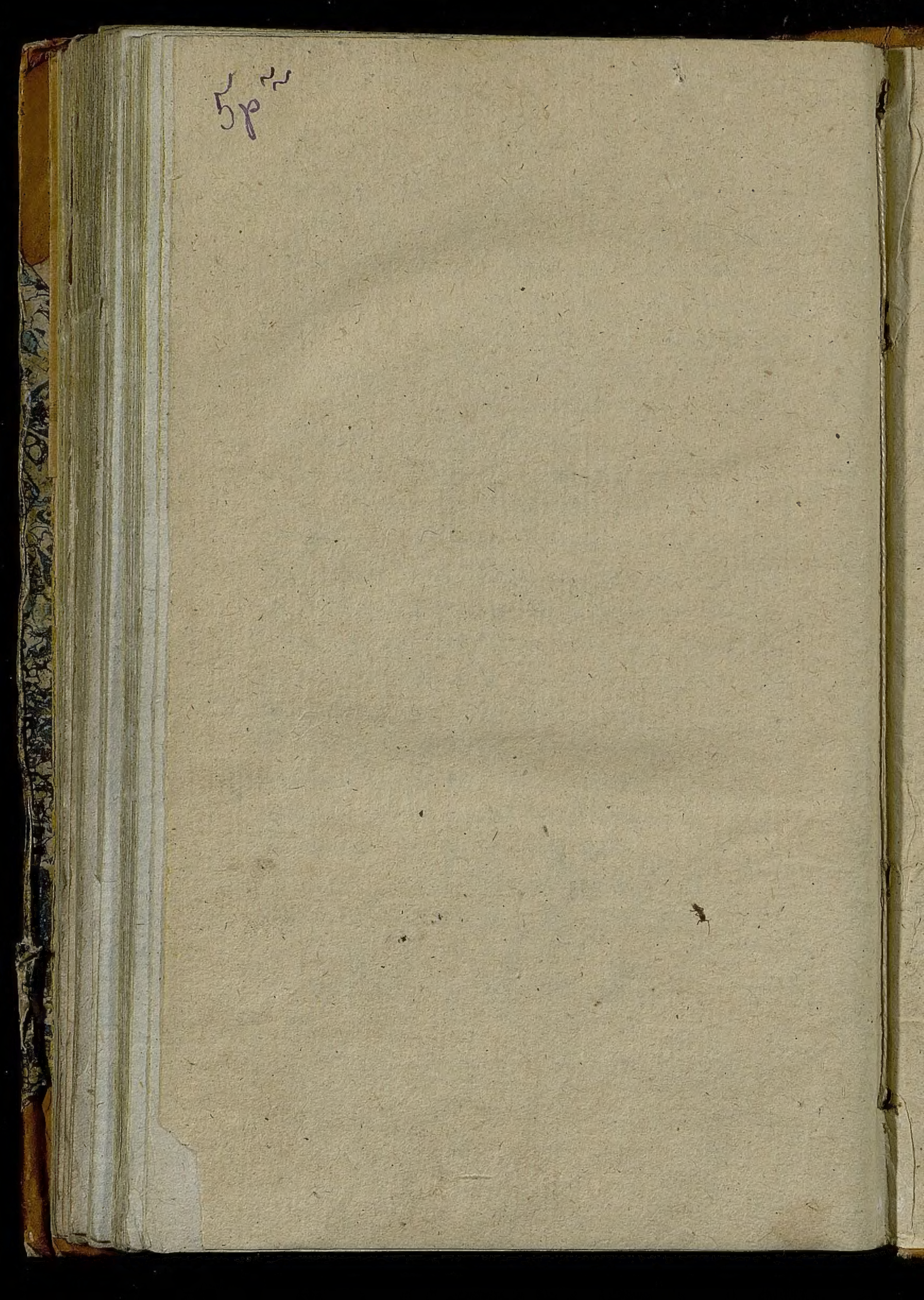
Генералъ Шуваловъ и Графъ Трюхсесъ простились съ Наполеономъ; но когда онъ увидѣлъ, что вмѣсто корветты ему приготовили бригъ, то просилъ позволенія сѣсть на Англинской фрегатъ, на которомъ Полковникъ Кампбель пріѣхалъ изъ Тулона. Сей Коммисаръ и Генералъ Коллеръ проводили его до острова Эльбы. Въ продолженіи пути Наполеонъ просилъ Генерала донести Австрійскому Импе-

(*) Журналъ Графа Ваадбурга Труксесъ, Прусскаго Коммисара стран. 27.

ратору, почему ему не позволено было взять съ собою бриліантъ, извѣстный подъ именемъ *регента*, который онъ почиталъ своею принадлежностію, потому что онъ изъ собственныхъ расходовъ выкупилъ его у Берлинскихъ Жидовъ, которые держали его въ залогѣ за два милліона, занятые Директоріею.

Генералъ Друотъ, отправленный впередъ, чтобы снять начальство надъ островомъ, былъ принятъ Генераломъ Далемомъ. Сей Губернаторъ уже нѣсколько дней противился неповиновенію Италіанскаго гарнизона и жителей, которые хотѣли предаться Англичанамъ. Узнавъ же о прошедшемъ, мятежники успокоились и все утихло; выбранное Наполеономъ знамя немедленно было вывѣшено; владычество его повсюду было признано и его ввели при громѣ пушекъ во владѣніе сего участка земли. Вотъ все, что осталось у него отъ обширнаго могущества!

КОНЕЦЪ ЧЕТВЕРТОЙ ЧАСТИ.

5p

